

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2023 16 (5)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2023 16(5)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 5. 30.05.2023. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя: 660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 79, оф. 32-03

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 14.05.2023. Формат 84x108/16. Усл. печ. л. 13,9.
Уч.-изд. л. 13,4. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 18965.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

CHIEF EDITOR

Natalia Koptseva – Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Department of Culture Studies (SFU).

EDITORIAL BOARD

- Evgeniya E. Anisimova**, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Alexander Y. Bliznevsky**, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Evgeniya A. Bukharova**, Candidate of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Sergey V. Devyatkin**, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, Veliky Novgorod
- Sergey A. Drobyshesky**, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University; Krasnoyarsk
- Maria A. Egorova**, Professor, Doctor of Law, Kutafin Moscow state law University (MSAL)
- Denis N. Gergilev**, Candidate of Historical Sciences, docent, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.
- Konstantin V. Grigoriev**, Doctor of Sciences (Sociology), Irkutsk State University
- Darina Grigorova**, Candidate of Sciences (History), Professor, Sofia University “St. Kliment Ohridski”
- Tapdyg Kh. Kerimov**, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin, Yekaterinburg
- Alexander S. Kovalev**, Doctor of History, docent, professor at the Department of Russian History, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Modest A. Kolerov**, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, the information agency REX, Regnum (Moscow)
- Vladimir I. Kolmakov**, Doctor of Sciences (Biology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Alexander A. Kronik**, PhD, Professor, Howard University, USA
- Liudmila V. Kulikova**, Professor, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Oksana V. Magirovskaya**, Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Pavel V. Mandryka**, Associate Professor, Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Marina V. Moskaliuk**, Doctor of Sciences (Arts), Dmitri Hvorostovsky Siberian State Academy of Arts
- Boris Markov**, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg State University
- Valentin G. Nemirovsky**, Professor, Doctor of Sociological Sciences, Tumen State University
- Nicolay P. Parfentyev**, Professor, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Art History, Professor, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk
- Natalia V. Parfentyeva**, Professor, Doctor of Art History, Member of the Composers of Russia, Corresponding Member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts, National Research South Ural State University, Chelyabinsk;
- Nicolai N. Petro**, PhD, Professor of Social Sciences Rhode Island University, USA
- Roman V. Svetlov**, Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Saint-Petersburg University
- Andrey V. Smirnov**, Doctor of Philosophical Sciences, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy RAS, Moscow
- Olga G. Smolyaninova**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of RAE, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Aleksey N. Tarbagaev**, Doctor of Law, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Elena G. Tareva**, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Moscow State Linguistic University, the Higher School of Economics
- Zoya A. Vasilyeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Irina V. Shishko**, Professor, Doctor of Juridical Sciences, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
- Evgeniya V. Zander**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

CONTENTS

Vasilii V. Baburin, Aleksei N. Tarbagaev and Petr L. Surikhin The Effectiveness of the Criminal Law Norm: Systems Approach	690
Irina V. Shishko and Larisa I. Romanova Criminal-Legal Methods to Ensure Non-Obstruction of Legitimate Entrepreneurial or Other Economic Activity	705
Marina A. Dneprovskaya and Sergey A. Abramitov Some Legal Aspects of Providing Municipal Services in Electronic Form in Russia	715
Elena V. Mishchenko and Tatiana V. Letuta Tort Liability of Children	724
Yulia V. Lebedeva Definition “Spent Nuclear Fuel” in EU Law and Russian Legislation	733
Sergey A. Drobyshevsky and Tatyana V. Protopopova Political and Legal Knowledge and Attempts by People to Control the Unknown with the Help of Religion	740
Yermek A. Buribayev, Zhanna A. Khamzina, Gakku N. Rakhimova, Kuralay Turlykhankyzy and Nessibeli B. Kalkayeva Benefits of the Specialization of Courts in Social and Labor Disputes	753
Viktor A. Shestak and Alyona D. Tsyplakova Icelandic Prevention Model	764
Tatiana P. Shishmareva and Ekaterina E. En’kova Subordination of the Requirements of Construction Participants in the Bankruptcy Case of the Developer	775
Vladimira V. Dolinskaya and Vladimir L. Slesarev Decisions of International Courts in the System of Sources of Law (Using the Example of the Acts of the European Court of Human Rights)	783
Evgenii A. Akunchenko Prevention and Management of Interest Conflicts in The Electoral Process: Problems of Unification of the Conceptual and Categorical Apparatus	793
Aruna B. Darkhanova and Olga V. Filippova Determinantes of Post-Prison Relapse	801
Mikhail N. Lysenko New Nuclear Technologies: Problems and Prospects of Their International Legal Regulation	809
Roman I. Dremlyuga and Aleksandr I. Korobeev Regulation of Smart City Technologies in Asian Digital Economy Leaders	819
Diana R. Kamber Classification of Conciliation	833
Anna N. Gureeva and Polina A. Kireeva Specifics of Young People Media Communication With the State in Social Networks	841

EDN: ZMDTPN
УДК 343.2/.7

The Effectiveness of the Criminal Law Norm: Systems Approach

Vasilii V. Baburin^a, Aleksei N. Tarbagaev^{b*}
and Petr L. Surikhin^b

^a*Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russian Federation*

^b*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 28.05.2022, received in revised form 27.12.2022, accepted 27.02.2023

Abstract. It so happened that in the theory of criminal law it is customary to study separately the crime, separately the punishment, separately the disposition of the criminal law norm and its sanction. In this approach, we see the reason why criminal punishment, both provided for by a sanction and imposed by a court sentence, sometimes does not correspond to the social danger of a crime, that is, ultimately, the reason for the insufficient effectiveness of criminal law norms. The method of system modeling clearly shows this, allowing you to detect the relationship of these elements, correctly organize them, understand the patterns of functioning of the system of punishments, and, as a result, ensure the effectiveness of the system of criminal law norms.

In particular, functional models of systems have been developed: crimes, criminal law, punishments. The processes of the impact of the system of criminal law on the system of crime are described. Circumstances have been established that testify to the insufficient systemic nature of the criminal law norm and punishments, through which their effectiveness is blocked. Concrete proposals are made to improve the systems of criminal law and punishments: the criminal law impact should be focused on the purpose of the crime, the instigator and organizer of the crime (with complicity in the crime); it is necessary to introduce new types of punishments that are able to ensure the goals of punishment and the criminal law norm; formalized the process of improving the effectiveness of the system of punishments and criminal law.

Keywords: crime, criminal law norm, criminal punishment, system of punishments, efficiency of criminal punishment, effectiveness of criminal law norm, system, system modeling, system analysis, systems theory.

Research area: law.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: vvbaburin@mail.ru, tarbagaev@bk.ru, Peter.Surihin@mail.ru

Citation: Baburin V. V., Tarbagaev A. N., Surikhin P. L. The effectiveness of the criminal law norm: systems approach. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 690–704. EDN: ZMDTPN

Эффективность уголовно-правовой нормы: системный подход

В.В. Бабури^а, А.Н. Тарбагаев^б, П.Л. Сурихин^б

^а*Омская академия МВД России*

Российская Федерация, Омск

^б*Сибирский федеральный университет*

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Так сложилось, что в теории уголовного права принято изучать отдельно преступление, отдельно наказание, отдельно диспозицию уголовно-правовой нормы и ее санкцию. В этом подходе мы видим причину, по которой уголовное наказание, как предусмотренное санкцией, так и назначенное приговором суда, иногда не соответствует общественной опасности преступления, то есть в конечном счете причину недостаточной эффективности уголовно-правовых норм. Метод системного моделирования наглядно это показывает, позволяя обнаружить взаимосвязи данных элементов, верно организовать их, понять закономерности функционирования системы наказаний и, как следствие, обеспечить эффективность системы уголовно-правовых норм.

В частности, разработаны функциональные модели систем: преступления, уголовно-правовой нормы, наказаний. Описаны процессы воздействия системы уголовно-правовой нормы на систему преступления. Установлены обстоятельства, свидетельствующие о недостаточности системности уголовно-правовой нормы и наказаний, через которые блокируется их эффективность. Сделаны конкретные предложения по совершенствованию систем уголовно-правовой нормы и наказаний: уголовно-правовое воздействие должно быть сосредоточено на цель преступления, подстрекателя и организатора преступления (при соучастии в преступлении); необходимо введение новых видов наказаний, которые способны обеспечить цели наказания и уголовно-правовой нормы; формализован процесс совершенствования эффективности системы наказаний и уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: преступление, уголовно-правовая норма, уголовное наказание, система наказаний, эффективность уголовного наказания, эффективность уголовно-правовой нормы, система, системное моделирование, системный анализ, теория систем.

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Цитирование: Бабури В. В., Тарбагаев А. Н., Сурихин П. Л. Эффективность уголовно-правовой нормы: системный подход. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 690–704. EDN: ZMDTPN

Введение в проблему исследования.

Научные исследования проблематики уголовного наказания пока не содержат эффективных решений (Butko, 2018). У нас нет модели системы наказаний, которая бы отвечала современным угрозам в сфере борьбы с преступностью (Necherurenko, 2017), или, как утверждают отдельные авторы, она практически отсутствует как таковая (Surikhin, 2019; Podroikina, 2018). Данное обстоятельство существенно влияет на эффективность уголовно-правовой нормы.

Идеи, лежащие в основе настоящего исследования, дают основание полагать, что существующая проблема требует не столько детальной проработки, сколько концептуального осмысления, причем не изолированно, но исключительно в контексте проблематики уголовного права в целом. Попытаемся разобраться, абстрагируясь от реальности современных концепций и методов их разработки, поскольку она в силу своей логики затрудняет возможность выйти из замкнутого круга и обойти расставленные логические ловушки.

Концептологические основания исследования. Полагаем, подходящим средством достижения поставленной цели будет системный анализ на основе положений общей теории систем (Gaides, 2005), поскольку только он, по нашему мнению, может объединить в одной логике такие базовые уголовно-правовые категории, как преступление, уголовно-правовая норма и наказание (Baburin, 2015).

Постановка проблемы. Один из основных постулатов теории систем состоит в том, что весь мир – это одна большая система, которая состоит из подсистем, а подсистемы являются вложенными во внешнюю систему, обусловлены ей и работают на нее (Averyanov, 1985). Таким образом, уголовное право можно представить как внешнюю систему по отношению к системе наказаний, последняя является ее частью, порождена системой уголовного права и работает на решение ее задач. Вместе с тем отождествлять так называемую в теории уголовного права систему наказаний (виды наказаний) или даже все, что с ней связано,

с системой наказаний как с подсистемой уголовного права – не совсем верно. Системой наказаний в уголовном праве называют обладающий определенными признаками перечень видов наказаний, который не является собственно системой в строгом смысле этого слова. А при таких условиях нельзя говорить о ее эффективности, она заведомо непредсказуема: преступники совершают преступления, их наказывают, но преступления продолжают совершаться. В этом проявляются признаки недостаточной системности наказания в уголовном праве, а соответственно, и неэффективности или низкой эффективности уголовно-правовых норм, содержащих в своей структуре конкретные виды наказаний. Здесь, стоит оговориться, мы исходим из того, что основная цель закрепления, назначения и исполнения наказания – предупреждение рецидива, в том числе пенитенциарного. На предупреждение преступлений, совершаемых впервые, наказание влияет очень мало. Здесь действуют другие причины, что предполагает применение других средств воздействия на поведение людей. Система наказаний в уголовном праве это всего лишь результат применения законодательной техники того или иного качества, но не нормотворчества в целом. Он невольно «скрывает» за собой реальные процессы наказания преступника, его достоинства и недостатки, в том числе недостаточную системность. Это исходное положение вещей, с которого начинаются наши размышления.

Обсуждение. I. Система преступления. Начнем с того, что эффективное решение задач уголовного права обеспечивается наличием адекватных уголовно-правовых норм. Речь идет в данном случае о таком варианте адекватности, как соответствие, обеспечение справедливости наказания за совершенное преступление. Из этого следует, что уголовно-правовые отношения в своей основе, с позиции теории систем, предполагают наличие двух противоборствующих систем – преступления и уголовно-правовой нормы. Первая разрушает общественные отношения, вторая охраняет их. Система уголовно-правовой

нормы должна быть нацелена на решение задач уголовного права путем разрушения системы преступления. (Что представляет из себя первая и вторая системы – отдельный сложный вопрос моделирования функциональных систем, мы раскроем их дальше по тексту.) А чтобы разрушение было эффективным, требуется знать, как устроена система преступления (Surikhin, 2021). Таким образом, изучение этой логической конструкции необходимо начинать с системы преступления.

Представление о преступлении в уголовном праве носит статический характер – деяние (общественно-опасное, противоправное, виновное, уголовно наказуемое), содержащее признаки конкретного состава преступления. Такая конструкция весьма удобна для квалификации преступления, но не для назначения наказания, т.е. того, для чего эта квалификация осуществляется. Статическое представление о преступлении не раскрывает его процесс, не раскрывает преступление как деятельность, а саму деятельность как управление действием, как совокупность целеустремленных действий. Современное представление о преступлении не отражает природу того, что является сутью конкретного преступления. Все это существенно препятствует его анализу в целях создания адекватной уголовно-правовой нормы, которая бы эффективно обеспечивала решение задач уголовного права.

Преступление – это юридическая конструкция, обладающая признаками системы, соответственно, можно построить функциональную модель этой конструкции и понять, как, с чем и для чего она работает. Такие знания с очевидностью покажут точки приложения усилий и их меру для разрушительного воздействия на систему преступления – вид, размер или срок необходимого наказания – для осуществления охраны общественных отношений.

При построении функциональной модели системы преступления постараемся изначально размышлять максимально абстрактно в целях обеспечения простоты в таком сложном деле. Возьмем за осно-

ву общий состав преступления как совокупность объективных и субъективных признаков. Постараемся «разложить» эти признаки на структуру элементов функциональной модели абстрактной системы. Это самое сложное, творческое действие в нашем случае, оно обеспечивает представление о преступлении как о системе.

Давайте представим, некий субъект (вменяемое физическое лицо достигшее возраста уголовной ответственности), сформулировав преступную цель, выбрав объект посягательства (конкретные охраняемые общественные отношения, объект состава преступления), осознавая фактический характер и общественную опасность своего деяния, предвидя наступление общественно-опасных последствий, с желанием их наступления (виновно, с прямым умыслом), совершает задуманные им действия, которые приводят к определенным последствиям с точностью, определяемой развивающейся причинной связью (признаки объективной стороны состава преступления).

Согласно положениям общей теории систем (Gaides, 2005), функциональная модель абстрактной системы с известной степенью детализации состоит из ряда обязательных элементов: цель, блок управления, блок исполнения, вход, выход, связи этих элементов. Цель определяет блок управления, последний – блок исполнения. Система работает с информацией (и только с информацией!), поступающей на входе, и выдает новую информацию на выходе, которая должна отвечать требованиям поставленной цели, быть целесообразной.

Если описанные выше признаки деяния (умышленного преступления) наложить на элементы системы, то получим следующее:

1. Цель преступления – это цель системы.
2. Вина (субъективная сторона) – это блок управления.
3. Общественно-опасное деяние – блок исполнения.
4. Объект преступления – информация на входе системы.

5. Общественно-опасные последствия (поврежденный объект) – информация на выходе системы.

Данная модель функционирует примерно следующим образом:

1. Цель преступления формирует умысел.

2. Согласно умыслу, подбирается общественное отношение, посягательство на которое способно обеспечить реализацию преступной цели.

3. Осуществляется посягательство на общественное отношение.

4. Наступают общественно-опасные последствия, объекту причиняется существенный вред.

5. Измененное общественное отношение сопоставляется с целью – соответствует ей (преступная цель реализована) или не соответствует (цель не реализована).

Таким образом, мы описали структуру системы умышленного преступления и ее функцию. Этим уже можно пользоваться для того, чтобы попытаться разрушить эту систему преступления.

Нужно сделать небольшое отступление. У неосторожных преступлений, как известно, не может быть целей, входящих в субъективную сторону. Но это не исключает существования цели неосторожного преступного деяния, лежащей за пределами состава преступления. Система неосторожных преступлений в общем-то аналогична системе умышленного преступления, но имеет свою специфику. Речь можно вести в данном случае не о цели преступления, а о цели осознанного и целенаправленного поведения, выразившегося в совершении неосторожного преступления. Мы не будем отвлекаться на эту проблематику в настоящей работе, она заслуживает отдельного внимания.

Чтобы определить точки приложения усилий для разрушения системы преступления, отметим некоторые, в нашем случае, важные закономерности, свойства систем вообще. Цель системы – системообразующий элемент; другие элементы системы организуются вокруг цели. Система существует пока есть цель. Таким образом,

система преступления существует пока вышестоящая система (внешняя среда) ставит эту цель перед человеком – это еще одно из свойств систем. Пока система преступления не будет лишена цели, до тех пор будут совершаться преступления.

В подобной ситуации следует действовать одновременно в двух направлениях: системно совершенствовать уголовно-правовую норму так, чтобы она разрушала систему преступления через лишение целесообразности совершения преступления, и совершенствовать общественные отношения (внешнюю среду) в целях разрушения установки на совершение преступления (процесса формирования преступной цели), в том числе посредством уголовно-правового запрета (криминализации) конкретных общественно-опасных деяний. При этом нужно понимать, что с помощью уголовного права вполне реально снизить число повторных преступлений, включая рецидив. Но практически невозможно повлиять на причины совершения преступлений.

С одной стороны, система уголовно-правовой нормы должна заставлять человека отказываться от преступной цели, если она уже сформировалась, а с другой стороны, внешняя среда (вышестоящая система) изначально не должна позволять формироваться преступной цели в сознании человека. Это положение особенно актуально применительно к умышленным преступлениям. Воздействие на другие элементы системы преступления, совершаемого единолично, в рассмотренной ситуации видится малоэффективным.

До настоящего момента нами подразумевалась ситуация, когда преступление совершается, так называемым случайным преступником единолично с внезапно возникшим умыслом. Если же у виновного формируется заранее обдуманная цель, стадии совершения преступления имеют существенную протяженность во времени, присутствуют подготовительные действия с объективной стороны, если преступление совершается в соучастии – имеет место управление с распределением преступных

ролей, то вполне эффективным будет разрушительное воздействие не только на преступную цель, но и на другие элементы системы преступления: блок управления, блок исполнения, выход системы или даже на ее вход.

Здесь мы будем использовать такое свойство системы, как процессный подход, когда она по своей сути реализует процесс обработки информации. Чтобы снизить эффективность системы (частично или полностью блокировать достижение цели), необходимо затормозить или полностью остановить процессы обработки информации, либо включить так называемые паразитные процессы. Это возможно в нашем случае посредством воздействия на соучастников преступления или на блок управления единоличного преступника.

Если просто описать рассматриваемый момент, не углубляясь в проблематику соучастия в преступлении, то такое воздействие можно представить следующим образом: соучастники, реализующие свои роли на разных стадиях совершения преступления, должны нести уголовную ответственность наравне с исполнителем как элементы одной системы преступления. Более того, нисколько не умаляя общественную опасность исполнителя, предполагаем, что подстрекатель (тот, кто формирует цель системы преступления) и организатор (тот, кто обеспечивает функционирование системы) могут заслуживать более строгого наказания, чем принято в современной судебной практике. Учитывая высокую принципиальную значимость для формирования и функционирования системы таких ее элементов, как цель и блок управления, наказание подстрекателя и организатора, возможно, должны быть даже строже, чем наказание непосредственного исполнителя преступления. В том числе это относится и к неоконченной преступной деятельности этого вида соучастников, если, например, исполнитель отказывается от исполнения преступления или не может довести его до конца. Как думаем, подобный подход весьма эффективно будет тормозить или даже блокировать процессы системы пре-

ступления, а соответственно, и наступление общественно-опасных последствий на ее выходе.

В ситуации, когда речь идет о единоличном преступнике или отдельно взятом соучастнике, воздействие на их «персональный» блок управления может носить не только репрессивный, но и поощрительный характер в виде освобождения от уголовной ответственности или ее исключения в связи с добровольным отказом от реализации преступного замысла.

Когда вход и выход системы преступления связаны с общественным отношением, предметом которого являются, например, предметы материального мира, то вспомогательное разрушительное воздействие на систему преступления возможно и через эти предметы – конфискация похищенного, незаслуженно присвоенного, ограниченного в свободном обороте имущества и т.п. Но обратим внимание, что воздействие на вход и выход системы часто носит обязательный уголовно-процессуальный характер, особенно когда речь идет о конкретном преступлении, и не оказывает принципиального воздействия на систему преступления, если применяется вне комплекса других мер, поскольку при этом система преступления сохраняет возможность функционировать.

Обобщая изложенное, учитывая значимость элементов для системы, приоритеты уголовно-правового воздействия на элементы системы преступления можно расставить, по мере убывания его эффективности, следующим образом:

1. Разрушение механизмов, формирующих цель, в том числе путем воздействия на участников, формирующих цель у других.
2. Разрушение механизмов, обеспечивающих управление, в том числе путем воздействия на участников, обеспечивающих управление.
3. Воздействие на участников, непосредственно исполняющих преступление.
4. Воздействие на материальные результаты преступной деятельности, материальные условия, их обеспечивающие.

Полагаем, только такие приоритеты уголовно-правового воздействия на систему преступления могут обеспечить более эффективный подход борьбы с преступлениями через их причины, а не следствия. Кроме того, еще раз обратим внимание, что уголовно-правовое воздействие в части формирования цели системы преступления должно быть направлено как на саму систему преступления, так и на внешнюю систему (внешнюю среду), которая ставит цель для системы преступления. При этом существование в обществе самих отношений, например собственности, нельзя считать постановкой цели для совершения преступления. Но постановкой цели в данном случае будет пропаганда необоснованного обогащения, легкой наживы, нивелирование честного труда.

II. Система уголовно-правовой нормы. Критические точки системы преступления теперь обнаружены. Далее необходимо представить и описать противостоящую ей систему уголовно-правовой нормы (Surikhin, 2020), которая, осуществляя адекватное уголовно-правовое воздействие на установленные критические точки, разрушала бы систему преступления.

Изначально следует констатировать факт, что уголовно-правовые нормы применяются практически, и они достаточно эффективны в своей совокупности. В то же время общеизвестно, что уголовно-правовая норма не полностью соответствует общепринятым представлениям о структуре нормы в теории права, не вполне очевидна ее система. Последнее должно было бы заведомо лишать норму эффективности, поскольку это несистемная конструкция, но этого не происходит. Обе конструкции (структура и система уголовно-правовой нормы) жизнеспособны, вместе с тем существующие противоречия, непроработанность данного вопроса создают условия для, в известной степени, произвольного конструирования уголовно-правовых норм. А это, как мы понимаем, недопустимо.

Если говорить конкретно, в теории права принято считать, что правовая норма состоит из трёх элементов: гипотезы, дис-

позиции и санкции. Логика данных элементов также общепринята: «если..., тогда..., иначе...». При анализе уголовно-правовой нормы обычно приходят к выводам об отсутствии некоторых из этих элементов. Рухнется при этом и должная логика.

Существуют следующие основные точки зрения об устройстве уголовно-правовой нормы:

1. Статьи Общей части состоят только из диспозиции; статьи Особенной части состоят из диспозиции и санкции (Ragov, 2008). В качестве возражения на это утверждение следует заметить, что статья уголовного закона не тождественна норме уголовного права. Одна норма может быть рассредоточена в нескольких статьях как Общей, так и Особенной части УК.

2. Норма Особенной части состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. Гипотеза не приводится в тексте уголовного закона, она подразумевается и имеет следующий вид: «...если кто-либо совершит убийство...». Диспозиция представляет собой определение конкретного деяния, составляющего уголовное правонарушение (Kuznetsova, Tyazhkova, 2002). Здесь мы тоже вынуждены сделать замечание, нет норм Особенной части, есть статьи Особенной части, строение которых может быть и не трехчленным, поскольку это не норма. Нормы уголовного права, как правило, описаны одновременно как в статьях Общей, так и Особенной части.

3. Уголовно-правовая норма состоит из гипотезы, диспозиции и санкции: в гипотезе содержатся условия действия нормы, диспозицией устанавливается правило поведения, а санкцией – меры ответственности за нарушение нормы; нормы Общей части могут состоять также только из гипотезы и диспозиции или даже только из диспозиции (нормы-определения) (Komissarov, 2005). Следует уточнить, что так называемые нормы-определения на самом деле являются статьями УК РФ, содержащими определения, и, в свою очередь, представляют собой структурный элемент нормы Уголовного права. Сами по себе они никакого правила поведения не устанавливают.

4. Нормы уголовного закона состоят из гипотезы (которая в уголовно-правовой теории обычно называется диспозицией), которая описывает условия применимости данной нормы, и санкции, а их диспозиция (устанавливающая правила поведения), как правило, лишь предполагается в уголовном законе: это внешнее по отношению к нему правило поведения или норма морали, которую государство считает нужным охранять в уголовно-правовом порядке (Врагин, 1967). Здесь следует заметить, что в действительности существуют нормы уголовного закона, но нет норм Общей или Особенной части УК. Структурным элементом УК РФ следует считать статьи. При этом нормы уголовного права рассредоточены в различных статьях Общей и Особенной части УК.

При попытке понять логику предлагаемых конструкций уголовно-правовых норм, особенно двучленных или одночленных, применительно к логике классической трехчленной нормы («если..., тогда..., иначе...»), становится очевидно, что она весьма своеобразна и уводит далеко от понимания практически необходимой конструкции норм уголовного закона.

Если норма уголовного права – это правило поведения, которое содержится в статьях как Общей, так и Особенной части УК, то к ней вполне подходит классическая трехчленная структура. При этом гипотеза уголовно-правовой нормы, т.е. условия, при которых будет работать правило, обычно и в основном описывается в статьях Общей части; диспозиция и санкция, т.е. само правило поведения и последствия за его нарушение описываются обычно и в основном в статьях Особенной части. Необходимо отметить специфику описания диспозиции уголовно-правовой нормы: ее правило описывается от противного. То есть правилом в действительности является несовершение тех действий, которые указаны в диспозиции.

Таким образом, мы заостряем внимание на том известном обстоятельстве, что есть норма, а есть способы ее законодательно-го закрепления; уголовно-правовая норма

всегда описывается совокупностью практически всех положений, изложенных в статьях Общей части и положений Особенной части, изложенных нередко в нескольких статьях. Никто не будет отрицать тот факт, что, квалифицируя деяние как конкретное преступление, предусмотренное статьей Особенной части УК РФ, мы одновременно применяем такие положения уголовного закона, как, например, задачи, принципы, основания уголовной ответственности, возраст уголовной ответственности, вина и т.д. А кроме того, мы осуществляем при этом и разграничение с другими составами преступлений, используем примечания из других статей Особенной части. Вся эта совокупность положений и есть уголовно-правовая норма. Значит, получается, что нет норм Общей и Особенной части. Есть нормы уголовного права, состоящие из положений Общей и Особенной части.

Это достаточно сложное обстоятельство обязывает нас исследовать, понять устройство и условия эффективности уголовно-правовой нормы, опираясь на системный подход.

Мы всецело разделяем общепризнанное положение о том, что уголовное право охраняет общественные отношения. Существует, таким образом, некая совокупность упорядоченных критически важных общественных отношений, а нормы уголовного права поддерживают их состояние упорядоченности посредством угрозы или реального наказания за посягательства на установленный порядок.

Исходя из этого, практически каждый вид критически важного общественного отношения нуждается в уголовно-правовой охране. Чтобы обеспечить адекватную и полную защиту этих общественных отношений, мы должны применительно к каждому сформулировать конкретную цель (задачу), решение которой позволило бы реализовать охрану, то есть сформировать так называемое дерево целей. В УК РФ такое дерево целей практически присутствует и выражено в названиях разделов, глав и статей Особенной части. К сожалению, данные названия обычно не явно форму-

лируют цели, а зачастую и вовсе не содержат необходимого описания, что влечет их произвольное определение правоприменителем. Например, довольно трудно определить цель, а соответственно, и общественное отношение, находящееся под охраной уголовно-правовой нормы, когда название статьи Особенной части УК практически совпадает с текстом ее диспозиции, в частности – ст.ст. 228, 228¹ УК РФ.

Цель является системообразующим элементом (Gaides, 2005). Все остальные необходимые элементы как бы притягиваются целью и организуются ей. Таким образом, каждая поставленная законодателем цель в Особенной части УК РФ требует от нас сформировать механизм, конструкцию, которые смогли бы ее реализовать. Подобная конструкция в терминологии общей теории систем, собственно, и есть сама система, а в терминологии права – это уголовно-правовая норма.

Таким образом, уголовно-правовая норма – это система, она обладает свойствами системы. И это логично, поскольку весь мир – это большая система и состоит она из множества подсистем (Averyanov, 1985).

Выявленное обстоятельство, при том условии, что мы владеем положениями общей теории систем (Averyanov, 1985; Gaides, 2005; Peregudov, Tarasenko, 1989), дает нам уникальный инструментарий для построения эффективных уголовно-правовых норм и верного толкования существующих. Остается понять, как устроена система уголовно-правовой нормы. Практически это значит, что нам необходимо представить положения, описанные в статьях УК РФ, на основе функциональной модели системы.

Будет справедливым отметить, что ряд ученых-правоведов уже предпринимали попытки исследовать уголовное право как систему, но их результаты, как можно судить по существующим источникам, не содержат решения обозначенной нами проблемы (Boyko, 2008; Denisova, 2018; Poniatovskaya, 2011).

В нашем случае функциональную систему (Gaides, 2005) уголовно-правовой

нормы можно представить следующим образом: название нормы – цель, диспозиция – блок управления, санкция – блок исполнения. Блок управления подчинен цели, блок исполнения – блоку управления. Таким образом, признаки диспозиции должны быть сообразными названию нормы (непосредственному объекту преступления); санкция должна соответствовать общественной опасности посягательства и личности преступника.

У любой системы есть вход и выход. На вход уголовно-правовой нормы поступает общественно-опасное деяние; на выходе мы получаем точную квалификацию преступления и справедливое наказание. Эффективность системы прямо зависит от качества достижения цели (Gaides, 2005). Качество охраны непосредственного объекта, таким образом, определяет эффективность уголовно-правовой нормы. Причины неэффективности нормы, таким образом: ложный объект преступления, произвольное описание признаков диспозиции, нецелесообразность санкции. Эффективность системы нормы прямо зависит от точности квалификации преступления и справедливости наказания.

Таким образом, закономерности, обеспечивающие эффективность системы, указывают нам возможные направления совершенствования уголовно-правовой нормы или правила ее конструирования с той целью, чтобы оказывать эффективное разрушительное воздействие на систему преступления.

Продемонстрируем практическую ценность наших размышлений на конкретных примерах. Начнем с вопросов определения (описания) цели уголовно-правовой нормы.

Возьмем ст. 228 УК РФ. Название практически идентично диспозиции – определить цель уголовно-правовой нормы из текста закона весьма затруднительно. В теории же уголовного права обычно утверждают, что объектом состава данного преступления выступает «легальный оборот наркотиков». Но преступник, совершая подобное преступление, не хочет причинить вред данному объекту, его цель (цель

системы преступления) – немедицинское потребление наркотиков, т.е. для получения удовольствия, которое ведет к деградации и смерти. Соответственно, целью рассматриваемой нормы, в контексте видового объекта – «здоровье населения», должно быть «медицинское потребление наркотиков». Казус, таким образом, в том, что есть норма, но она охраняет не то, чему реально причиняется вред преступлением. Критически важное общественное отношение не находится под уголовно-правовой охраной, а оконченное общественно-опасное деяние остается ненаказуемым – если наркоман успеет употребить приобретенный наркотик, его невозможно привлечь к уголовной ответственности.

Другой пример – ч. 1 ст. 301 УК РФ. Имеем подобную же ситуацию с названием статьи, оно практически совпадает с диспозицией. В литературе обычно утверждают, что если речь идет о незаконном задержании, соответственно, норма охраняет «законность задержания». Реальной же целью данной нормы является обеспечение обоснованного задержания подозреваемого, т.е. задержания, как правило, преступника, и это обусловлено основаниями задержания, т.е. фактами, указывающими на причастность лица к преступлению, – если размышлять в контексте видового объекта «интересов правосудия», которые заключаются в установлении истины по уголовному делу: достоверных обстоятельств события преступления, его точной квалификации, назначении справедливого наказания. Разве следователь имеет цель нарушить формальные нормы УПК РФ – законность в процессуальном смысле – или это как-то влияет на установление истины по уголовному делу? Его цель (цель системы преступления) другая – задержать лицо, в отношении которого, согласно положениям УПК РФ, нет оснований для подозрения в совершении преступления. Иными словами, закон, по существу, указывает на непричастность лица к совершению преступления, но следователь задерживает его по своему произволу, чем и причиняет существенный вред интересам правосудия.

Еще пример – ч. 3 ст. 299 УК РФ, он особенно яркий. Названию нормы (цели системы уголовно-правовой нормы) «Незаконное возбуждение уголовного дела» прямо противоречит диспозиция, в которой указывается цель преступления (системы преступления), никак не связанная с желанием посягнуть на интересы правосудия – «воспрепятствование предпринимательской деятельности». Состав поместили не в ту главу. Какие-либо интересы правосудия здесь могут выступать только в качестве так называемого дополнительного объекта.

Рассмотрим примеры проблем диспозиции уголовно-правовой нормы, которые вскрываются представлением о ней как о блоке управления системой.

Та же ст. 228 УК РФ. Цель преступления, как мы полагаем, – немедицинское потребление наркотика, а норма предписывает наказывать только за приготовительные действия, ведущие к преступному результату.

Если взять диспозицию ч. 1 ст. 301 УК РФ «заведомо незаконное задержание», то в контексте цели нормы очевидно, что она сформулирована чрезмерно широко, отсутствуют конкретные признаки незаконного деяния, которые бы указывали о задержании очевидно непричастного к преступлению человека – высоки риски привлечения невиновных в заведомо незаконном задержании следователей – явный недостаток управления наказанием. Это же обстоятельство позволяет произвольно или избирательно возбуждать уголовные дела по признакам данного преступления, что чрезмерно перегружает вход данной нормы, в силу чего делает ее неэффективной. Законодателю следовало бы растолковать заведомую незаконность задержания как задержание подозреваемого в совершении преступления без основания, предусмотренного УПК РФ (Baburin, Surikhin, 2004).

Приведем примеры проблем санкций уголовно-правовых норм (блока исполнения), вскрываемых системным подходом.

Напомним, санкции должны исключать возможность достижения преступных целей, лишая преступление всякого смысла.

А теперь давайте задумаемся, какой вид наказания из предусмотренных соответствующими санкциями способен лишить целесообразности преступления, предусмотренного, например, ст.ст. 228, 228¹, 290 УК РФ? Дело в том, что: наркомания практически неизлечима в подавляющем большинстве случаев; прибыль в наркобизнесе, который обеспечивается на уровне государств, больше, чем в торговле углеводородами; доход от взяток перекрывает любую «амортизацию», часто делает саму уголовную ответственность нереализуемой. Требуемого адекватного вида наказания нет в санкциях указанных уголовно-правовых норм. Таким образом, цели приведенных уголовно-правовых норм не реализуются. Несколько ниже мы подробнее рассмотрим данные примеры.

С другой стороны, если говорить о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 301 УК РФ, то любой из возможных видов наказания (ограничение свободы, принудительные работы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, арест, лишение свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) по отношению к конкретному преступлению вероятно чрезмерен, поскольку исключает продолжение службы в правоохранительных органах. Подобные преступления совершаются, как правило, наиболее опытными (читай – ценными) сотрудниками в период кризиса их профессионального становления – при определенных обстоятельствах достаточно было бы наказание, подобное «ограничению по военной службе», например, ограничение по службе в правоохранительных органах.

Последние примеры дополнительно демонстрируют проблематику санкций уголовно-правовых норм в части назначения наказания за совершаемые преступления, т.е. выходов систем уголовно-правовых норм. Суть ее заключается в том, что за преступление назначается наказание, которое обычно оценивается такими критериями как справедливость, строгость,

но не целесообразность. Назначаемое наказание не связывают с эффективностью уголовно-правовой нормы, потому что не воспринимают ее как систему, у которой есть конкретная цель. Возникает иллюзия возможности произвольного назначения наказания.

Таким образом, неэффективность уголовно-правовой нормы – это ее недостаточная системность (Gaides, 2005). Одни уголовно-правовые нормы в полной мере представляют собой систему и являются эффективными, другие соответствуют представлениям о системе благодаря сложившейся судебной практике или научному толкованию, но есть уголовно-правовые нормы, которые содержат системную ошибку (Surikhin, 2019), системой не являются – такие нормы неэффективны, часто называются «нерабочими».

III. Система наказаний. Логика исторического развития уголовного законодательства дает основание предположить, что повторяющиеся элементы системы уголовно-правовой нормы в части наказания законодателем были постепенно обобщены и конструктивно выделены в отдельный уголовно-правовой институт – уголовного наказания, была сформулирована, таким образом, и «система наказаний» (Tarbagaev, 2016). С позиций законодательной техники это оправдано и практически удобно.

Современный законодатель уже ставит нормы Особенной части УК РФ в прямую жесткую зависимость от системы наказаний. И следующая наша задача в настоящей работе – понять, насколько институт уголовного наказания отвечает представлениям о системе, а соответственно, и эффективен. Позволяет ли он системам уголовно-правовых норм быть адекватными системам преступлений? Уголовно-правовые нормы должны зависеть от института уголовного наказания либо наоборот?

Принято считать, что система наказаний – это перечень видов уголовных наказаний, изложенных по мере увеличения их строгости (Tarbagaev, 2016). Но как мы уже понимаем, перечень не может быть систе-

мой, система должна иметь цель, управление, органы исполнения, вход, выход, связи между этими элементами (Gaides, 2005; Surmin, 2003). Перечень видов наказаний, указанный в ст. 44 УК РФ, такой совокупностью признаков не обладает.

Тем не менее ст. 43 УК РФ определяет цель наказания, ст. 14 содержит понятие преступления, через которое, как мы представляем, осуществляется управление наказанием. Статья 44 УК РФ описывает органы исполнения системы. Вход системы наказаний – общественно-опасное поведение, выход – общественно-полезное поведение.

Эффективность системы наказаний будет зависеть от степени реализации ее цели (Sverchkov, 2017).

Предложенное представление о системе уголовных наказаний позволяет обнаружить теоретические и законодательные ошибки. Опишем некоторые из них, явные.

1. Е. А. Каданева, будучи заложником классификации наказания по мере его строгости, считает лишение свободы единственным эффективным наказанием (Kadaneva, 2017). Мы считаем, что наказание должно классифицироваться по мере эффективности достижения целей системы наказания, способности исключать целесобразность общественно-опасного поведения. Например, с 2007 г. резко сокращается уровень преступности на фоне широкой практики применения наказаний в виде штрафа, исправительных и обязательных работ (Surikhin, 2015).

2. Если наказание не зависит от преступления, то оно может определяться произвольно и независимо от положений УК РФ (Zvonov, 2017), но это неправильно, поскольку за каждое преступление должно быть предусмотрено в УК РФ наказание, которое блокирует достижение цели системы преступления. Подобное обстоятельство особенно важно, поскольку существенным признаком преступления является сам преступник (Martsev, 2006). В отношении вора эффективным будет штраф, для наркомана только лишение свободы, для третьего –

лишение права заниматься определенным видом деятельности.

Преступление в системе наказаний изначально обеспечивает подбор эффективных видов наказаний.

3. Анализ входа и выхода системы наказаний позволяет заключить, что для отдельных категорий преступников сегодня нет адекватного наказания.

4. Обратная связь выхода и цели системы наказания позволяет корректировать наказание. В противном случае, без обратной связи, механизм уголовно-правовой охраны исключает эффективность системы наказания.

Рассмотрим некоторые примеры. За получение взятки сегодня нет эффективного наказания, а им могла бы быть конфискация имущества (Vytko, 2018), но законодательно эта проблема не решается. Для справедливости стоит отметить, что отчасти решение проблемы реализуется через штраф (Necherurenko, 2017), но это, как мы понимаем, полумера.

Другая проблема. В современных условиях даже лишение свободы не способно предотвратить противоправное поведение наркомана (Egogova, 2017). Но в ст. 44 УК РФ изначально нет эффективного вида наказания для нашего случая. Возможно, что таким наказанием был бы особый вид принудительных работ в экстремальных условиях, когда внешняя среда в приоритет ставила бы наркоману другие цели, например, связанные с элементарным физическим выживанием – работы в лесу или в условиях Крайнего Севера, т.е. когда нужно самому заботиться о своей жизни, а употребление наркотика равносильно смерти. В общем, это могут быть даже и не принудительные работы, а деятельность по жизнеобеспечению.

Есть проблемы и другого характера. Чуть раньше мы описывали недостатки наказания за заведомо незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ) – слишком уж чрезмерны виды наказания, предусмотренные санкцией данной нормы. Но и система наказаний также не содержит соответствующего вида наказания этому преступлению.

Таким образом, система наказаний, обладая недостаточной системностью, не в полной мере реализует собственные цели и, как следствие, иногда блокирует достижение целей систем уголовно-правовых норм.

Заключение. Таким образом, концептуальный анализ проблем эффективности уголовно-правовой нормы позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Современное теоретико-практическое понимание наказания представляется не системным, что практически блокирует его эффективность и особо остро проявляется в части наказания за отдельные виды преступлений, примеры которых приведены в работе.

2. Перечень видов наказаний в ст. 44 УК РФ сегодня определен в значительной степени произвольно, в отрыве как от целей системы наказания, так и от целей систем уголовно-правовых норм. Наказание должно лишать смысла совершения конкретного преступления в текущей социальной среде, в результате чего будут достигаться цели наказания и, как следствие, решаться задачи, стоящие перед УК РФ.

Однако уголовное наказание является, так называемым последним доводом, своего рода «хирургическим» вмешательством. Изначально все-таки не оно предназначено обесмысливать совершение преступления. Это должны делать различные социальные институты, стимулирующие правомерный способ достижения жизненных целей. Цель наказания в своей основе – предупреждение рецидива в широком смысле, предупреждение повторения совершения новых преступлений, в том числе и неосторожных. В системе общественных отношений должна быть, и существует фактически, матрица (семья, школа, ВУЗы, трудовые коллективы, спортивные, волонтерские организации и т.п.), формирующая социально полезное поведение, а уголовно-правовая норма и наказание, которое она предусматривает, являются только элементом, подсистемой этой матрицы.

3. Наказание ошибочно оценивать его строгостью, тяжестью вида и размера (сро-

ка) лишений и ограничений прав и свобод осужденного, что мешает достижению адекватности его применения. Наказание должно дифференцироваться по признаку эффективности применительно к конкретному виду преступления и преступнику.

4. УК РФ 1996 г. сделал большой шаг в развитии перечня видов наказаний, уголовно-правовых норм в целом, тем не менее существующая система наказаний в УК РФ не вполне отвечает реальным потребностям развития государства и общества. УК РФ как подсистема недостаточно эффективно работает на внешнюю систему, которая его создала для себя. Изменяется социальная среда (или ее кто-то изменяет), она затем изменяет сознание и потребности человека. Поэтому должны своевременно и адекватно изменяться уголовно-правовые нормы, система наказаний, что, к сожалению, происходит не всегда. Социальная система (и ее подсистемы) должна развиваться, иначе она может начать деградировать, разрушаться.

5. Современное информационное общество требует, чтобы приоритеты уголовного наказания были пересмотрены в сторону обеспечения более мощного государственного принудительного воздействия на преступников как элементов системы преступления, на носителей целеполагания и управления, которые неоправданно остаются в тени рядовых исполнителей преступления.

6. Совершенствование системы наказаний концептуально должно начинаться с системного моделирования конкретного преступления, развиваться в системное моделирование уголовно-правовой нормы, завершаться системным моделированием наказания. При этом система уголовно-правовой нормы призвана разрушать систему преступления, а система наказаний должна не мешать это делать, а позволять, способствовать решению задач УК РФ. Так будет обеспечиваться и усиливаться эффективность уголовно-правовых норм.

7. Описанный цикл должен повторяться по мере необходимости (при снижении эффективности уголовно-правовой охраны

отдельных наиболее важных общественных отношений), по мере видоизменения внешней системы, т.е. системы фактически существующих общественных отношений.

При этом для верного понимания существа дела хочется еще раз напомнить,

что наказание – далеко не основной инструмент общего предупреждения преступлений. Эта цель у наказания фактически стоит на периферии, достигается попутно с его основной целью – частным предупреждением.

Список литературы / References

Averyanov, A. N. *Sistemnoye poznanie mira. Metodologicheskiye problemy* [Systemic knowledge of the world. Methodological problems]. Moscow, 1985, 263 p.

Baburin, V. V. *Sistema sovremennogo ugolovnoogo prava* [The system of modern criminal law]. Omsk, Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2015, 140 p.

Baburin, V.V., Surikhin, P.L. *Nezakonnoye zaderzhaniye: ugolovno-pravovoy i ugolovno-protsessual'nyy aspekty* [Illegal detention: criminal-legal and criminal-procedural aspects]. Krasnoyarsk, 2004, 196 p.

Boyko, A.I. *Sistemnaya sreda ugolovnoogo prava* [The systemic environment of criminal law]. Moscow, 2008. 59 p.

Brainin, Ia. M. *Ugolovnyy zakon i yego primeneniye* [Criminal law and its application]. Moscow, 1967, 344 p.

Bytko, S. Iu. *Effektivnost' predupreditel'nogo vozdeystviya ugolovnoogo nakazaniya na prestupnost': teoreticheskiy i prikladnoy aspekty* [The effectiveness of the preventive impact of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspects]. Saratov, 2018, 48 p.

Gaides, M. A. *Obshchaya teoriya sistem (sistemy i sistemnyy analiz)* [General theory of systems (systems and system analysis)], 2005, available at: <http://www.xaoc.ru>.

Denisova, A. V. *Sistemnost' rossiyskogo ugolovnoogo prava: teoriya, zakon, praktika* [Consistency of Russian criminal law: theory, law, practice]. Moscow, 2018, 633 p.

Egorova, T. I. Opyt protivodeystviya rasprostraneniyu narkoticheskikh, sredstv, psikhotropnykh veshchestv i ikh analogov v mestakh lisheniya svobody (po materialam UFSIN Rossii po Tul'skoy oblasti) [Experience in counteracting the spread of narcotic, drugs, psychotropic substances and their analogues in places of deprivation of liberty (based on the materials of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Tula Region)]. In *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Bulletin of the penitentiary system], 2017, 11, 15–20.

Zvonov, A. V. Vliyaniye norm mezhdunarodnogo prava na formirovaniye instituta sistemy ugolovnykh nakazaniy: kratkiy analiticheskiy obzor [The influence of international law on the formation of the institution of the system of criminal penalties: a brief analytical review]. In *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2017, 3, 75–82.

Kadaneva, E. A. Elementy sistemy ugolovnykh nakazaniy: voprosy zakonodatel'nogo konstruirovaniya i prakticheskogo ispolneniya [Elements of the system of criminal penalties: issues of legislative design and practical implementation]. In *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2017, 1, 42–46.

Kuznetsova, N. F., Tyazhkova, I. M. *Kurs ugolovnoogo prava. Obshchaya chast'. Tom 1: Ucheniye o prestuplenii* [Course of criminal law. A common part. Volume 1: The doctrine of crime]. Moscow, 2002, 522 p.

Nechepurenko, A. A. Destruktivnyye protsessy v sisteme ugolovnykh nakazaniy Rossii i podkhody k ikh preodoleniyu [Destructive processes in the system of criminal penalties in Russia and approaches to overcoming them]. In *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, 2, 3–11.

Peregudov, F.I., Tarasenko, F.P. *Vvedeniye v sistemnyy analiz* [Introduction to system analysis]. Moscow, 1989, 361 p.

Podroikina, I. A. Ponyatiye sistemy ugovolnykh nakazaniy s pozitsii obshchey teorii sistem [The concept of the system of criminal punishments from the position of the general theory of systems]. In *Yurist-Pravoved [Lawyer-Pravoved]*, 2018, 2, 132–136.

Poniatovskaya, T. G. Problema kachestva ugovolno-pravovoy okhrany [The problem of the quality of criminal law protection]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo [Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law]*, 2011, 3, 83–86.

Komissarov, V. S. *Rossiyskoye ugovolnoye pravo. Obshchaya chast' [Russian criminal law. General]*. St. Petersburg, 2005, 532 p.

Sverchkov, V. V. The system of goal-setting in the appointment, execution of criminal penalties: justification and development prospects [Sistema tselepolaganiya pri naznachenii, ispolnenii ugovolnykh nakazaniy: obosnovaniye i perspektivy razvitiya]. *III Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum «Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye» [III International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction”]*. Ryazan, 2017, 83–86.

Surikhin, P. L. Signs of a crisis in the system of criminal punishments [Priznaki krizisa sistemy ugovolnykh nakazaniy]. *Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya [Yenisei political and legal readings]*. Krasnoyarsk, 2019, 170–175.

Surikhin, P. L. System error in criminal law: the concept of essence [Sistemnaya oshibka v ugovolnom prave: ponyatiye sushchnost']. *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki [Actual problems of combating crime: issues of theory and practice]*. Krasnoyarsk, 2019, 190–193.

Surikhin, P. L. Ugolovnoye pravo, kak instrument, formiruyushchiy zakonomernosti obshchestvennykh otnosheniy: na primere sotsial'nykh makro- i mikroprotsessov [Criminal law as a tool that forms the patterns of social relations: on the example of social macro- and microprocesses]. In *Biblioteka ugovolnogo prava i kriminologii [Library of Criminal Law and Criminology]*, 2015, 3, 58–65.

Surikhin, P. L. Criminal law as a system [Ugolovno-pravovaya norma kak sistema]. *Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya [Yenisei Political and Legal Readings]*, Krasnoyarsk, 2020, 342–350.

Surikhin, P. L. Prestupleniye: funktsional'naya model' sistemy [Crime: functional model of the system], In *Severnnyy region: nauka, obrazovaniye, kul'tura [Northern region: science, education, culture]*, 2021, 1 (47), 26–28.

Surmin, Iu. P. *Teoriya sistem i sistemnyy analiz [Theory of systems and system analysis]*. Kyiv: MAUP, 2003, 368 p.

Rarog, A. I. *Ugolovnoye pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya [Criminal law of Russia. Parts General and Special]*. Moscow, 2008, 652 p.

Martsev, A. I. *Ugolovnoye pravo Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya chast' [Criminal law of the Russian Federation: General part]*. Moscow, 2006, 408 p.

Tarbagaev, A. N. *Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. General part]*. Moscow, 2016, 448 p.

EDN: ZTXBCY
УДК 343.2/.7

Criminal-Legal Methods to Ensure Non-Obstruction of Legitimate Entrepreneurial or Other Economic Activity

Irina V. Shishko* and Larisa I. Romanova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 28.12.2022, received in revised form 09.03.2023, accepted 10.03.2023

Abstract. The purpose of the paper is to study theoretical ideas about the signs of the corpus delicti under Part 1 of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation as well as its application practice. The need for this is stipulated by the task of accelerated economic development. General scientific (dialectical, formal legal, deduction and induction, analysis and synthesis) and private scientific (formal legal, etc.) research methods are used. The study gives arguments in favor of the inadmissibility of interpreting obstruction of legitimate entrepreneurial or other activities as an act that entails the impossibility or significant restriction of economic activity. Research raises the problem of necessity to distinguish between criminal obstruction and administratively punishable restriction of competition by authorities, local governments, as well as other administrative torts. The content of the intent is clarified. It is summarized that at the present stage, Article 169 of the Criminal Code is an important legal instrument for the development of economic activity that requires legislative improvement.

Keywords: obstruction of legitimate entrepreneurial or other activities; absence of necessity to establish the materiality of obstruction; differentiation between obstruction and restriction of competition by authorities, local governments; insignificance of obstruction.

Research area: law.

Citation: Shishko I. V., Romanova L. I. Criminal-legal methods to ensure non-obstruction of legitimate entrepreneurial or other economic activity. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 705–714. EDN: ZTXBCY

Уголовно-правовые способы обеспечения не воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности

И. В. Шишко, Л. И. Романова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Целью статьи является исследование теоретических представлений о признаках состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 169 Уголовного кодекса РФ, и практики ее применения. Необходимость этого обусловлена задачей ускоренного развития экономики. Используются общенаучные (диалектические, формально-логические, дедукция и индукция, анализ и синтез) и частнонаучные (формально-правовые и т.д.) методы исследования. Приведены аргументы в пользу недопустимости толкования воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности как деяния, влекущего невозможность или существенное ограничение экономической деятельности. Поднята проблема необходимости разграничения преступного воспрепятствования и административно наказуемого ограничения конкуренции органами власти, органами местного самоуправления, а также иными административными деликтами. Уточняется содержание умысла. Резюмируется, что на современном этапе статья 169 УК – важный для развития экономической деятельности правовой инструмент, требующий законодательной доработки.

Ключевые слова: воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности; отсутствие необходимости установления существенности воспрепятствования; разграничение воспрепятствования и ограничения конкуренции органами власти, органами местного самоуправления; малозначительность воспрепятствования.

Научная специальность: 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Цитирование: Шишко И. В., Романова Л. И. Уголовно-правовые способы обеспечения не воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 705–714. EDN: ZTXBCY

Введение

Переход России к рыночной экономике был непростым для тех, кто намеревался осуществлять предпринимательскую деятельность. Должностные лица органов исполнительной власти «по инерции» продолжали относиться ко всем юридическим лицам как к объекту управления: решали вопрос о целесообразности создания юридического лица с учетом его будущей деятельности, заключали договоры с вновь созданными

коммерческими организациями о выполнении последними целого ряда не установленных нормативными актами обязанностей, многие из которых законодательством возлагались на органы местного самоуправления.

Именно поэтому конституционное право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не осталось декларацией, а было обеспечено нормами

ряда отраслей права, включая уголовно-правовые. Так, в Уголовном кодексе РФ 1996 г. это право впервые было защищено специальной статьей 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности». Позднее название статьи было расширено: в него после слова «предпринимательской» внесли словосочетание «или иной деятельности», а в диспозиции «коммерческие организации» были заменены на «юридические лица». Казалось бы, новая редакция достаточно расширила пределы применения статьи 169 УК: преступным стало и воспрепятствование законной деятельности некоммерческих организаций. Таким образом, одна из первых, поднятых в науке уголовного права, проблем применения указанной статьи была решена.

Вместе с тем основания уделить внимание статье, установившей уголовную ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, на этапе, когда развитие экономической деятельности стало острой необходимостью, есть. Дело в том, что одна из причин редкого применения статьи 169 УК – различное толкование объективных и субъективных признаков этого преступления.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (диалектический, формально-логический, дедукция и индукция, анализ и синтез) и частнонаучные (формально-правовой, правового прогнозирования).

Обсуждение

Начнем с непосредственного объекта этого преступления. Несмотря на то, что к этому элементу состава на практике обращаются крайне редко, полностью игнорировать его нельзя и практическим работникам.

Так, описанные выше изменения в названии и диспозиции части первой статьи позволили некоторым авторам заключить, что «непосредственным объектом этого преступления являются не только свобода предпринимательства, но и свобода поли-

тической, религиозной и иной общественной деятельности в части регистрации и деятельности некоммерческих организаций» (Klepitskii, 2021: 722), либо сделать вывод об охране статьей 169 УК законной неэкономической деятельности (Lopashenko, 2006: 237).

Полагаем, что дополнение названия статьи «иной деятельностью» не позволяет включать в основной непосредственный объект воспрепятствования, предусмотренного ст. 169 УК, свободу политической, религиозной или иной общественной деятельности, поскольку эти объекты находятся за пределами видового объекта преступлений главы 22 УК.

Категорически не можем поддержать и позицию, согласно которой основным объектом рассматриваемого преступления «выступают общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (Zarubin, 2019: 115). Этот объект воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности с учетом местоположения статьи 169 в главе 22 УК может иметь статус только дополнительного.

Описание преступления в ч. 1 ст. 169 УК необычно: в нем сочетается казуистичное и абстрактное. И, как всегда, второй способ описания вызывает трудности в применении нормы. Однако затруднение вызвала и конструкция состава по типу формальных. Отсутствие привычных криминообразующих последствий (существенное нарушение, крупный ущерб и т.д.) позволило ряду специалистов усомниться в наличии оснований для криминализации воспрепятствования (Esakov, 2019: 57) либо толковать деяние, «дооснащая» его различными признаками, способными, по их мнению, повысить степень его общественной опасности.

Так, например, в учебной литературе объективную сторону этого преступления описывают как «создание каких-либо помех или создание таких условий, при которых предпринимательская деятельность становится невозможной или существен-

но ограничивается» (Ermakova, 2009: 239), а такое деяние, как «иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица» интерпретируют как совершение «незаконных действий, сопровождающихся как угрозами наступления вредных последствий, так и подтверждающими угрозы действиями...» (Kovalev, 2018: 155).

Определенное подтверждение позиции авторов, дающих ограничительное толкование воспрепятствованию, можно найти и в практике. К примеру, в информационном письме Генпрокуратуры Российской Федерации от 15.08.2016 сообщалось о двух случаях воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности сотрудниками полиции, установленных в Ставропольском крае и Смоленской области. В первом случае виновное должностное лицо обследовало с применением сил ОМОН офисное помещение коммерческой организации, где в это время находились посетители и контрагенты. Такое обследование, отмечалось в информационном письме, повлекло причинение вреда деловой репутации этой организации и *значительные убытки* (выделено нами – И.Ш.). Второе деяние состояло в заведомо незаконном изъятии компьютерных комплектующих в организации, что повлекло приостановление ее *производственной деятельности более чем на полтора месяца* (выделено нами – И.Ш.).

Однако приведенные в информационном письме примеры воспрепятствования повлекли последствия, «заслуживающие» признания их либо существенным нарушением прав или законных интересов граждан или организаций (ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК), либо даже тяжкими последствиями, предусмотренными в ч. 3 ст. 285 и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК (в соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19).

Другая группа авторов дает адекватное толкование воспрепятствованию, не сводя его исключительно к существенно ограничивающему экономическую деятельность (Gladkikh, 2021: 34; Volzhenkin, 2007: 146; Kozlov, 2014: 155; Naumov, 2016: 391). И эта

позиция тоже подкрепляется судебной практикой. Более того, суды при постановлении приговора по ст. 169 УК даже указывают, что причинение существенного вреда является признаком злоупотребления должностными полномочиями, и этот признак относится к разграничивающим составы двух преступлений (Уголовное дело № 191/2008 из архива Первомайского районного суда г. Пензы).

Полагаем, что оснований ограничивать воспрепятствование, предусмотренное ч. 1 ст. 169 УК, степенью «существенности» нет.

Во-первых, названный признак не указан в диспозиции ч. 1 ст. 169 УК.

Во-вторых, признак «воспрепятствование» встречается в целом ряде норм УК (ст. 124.1, 141, 144, 148, 149 и других). Их изучение показало следующее. В тех случаях, когда законодатель имеет в виду сопровождение воспрепятствования угрозами или принуждением, он непосредственно упоминает их в норме наряду с названным признаком. К примеру, в ч. 1 ст. 141 УК установлена ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, а то же деяние, соединенное с принуждением либо с угрозой применения насилия, представляет уже квалифицированное преступление (ч. 2 ст. 141 УК). В ч. 1 ст. 144 УК ответственность предусмотрена за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению или к отказу от распространения информации, а в ч. 3 этой же статьи – за то же деяние с угрозой применения насилия. В ч. 3 ст. 148 УК преступным названо незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов или церемоний, а применение насилия или угроза его применения указаны в качестве альтернативных квалифицирующих признаков этого воспрепятствования (п. «б» ч. 4 ст. 148 УК).

В одной из норм законодатель частично раскрывает понятие «незаконное воспре-

пятствование», указывая, что в него входят, в том числе, уклонение или отказ от передачи документов либо имущества (ч. 3 ст. 195 УК).

Как видно, ни принуждение, ни угрозы, ни действия, подтверждающие угрозы, законодатель в понятие «воспрепятствование» не вкладывает.

В-третьих, «приписывание» воспрепятствованию в каком-либо виде признака существенности по сути означает утверждение необходимости установления существенного нарушения прав и законных интересов потерпевших от этого преступления, т.е. последствий, обязательных для злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Но замысел законодателя в создании специальной нормы (ч. 1 ст. 169 УК) в том и состоял, чтобы для расширения пределов уголовной ответственности должностных лиц за это воспрепятствование не включать в диспозицию такие обязательные признаки преступлений, предусмотренных «общими» нормами (ст. 285 и 286 УК), как последствия.

В-четвертых, применительно именно к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций как последствию преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК, необходимо, по разъяснению Верховного Суда (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19), учитывать «статус» нарушенного права и «степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан...».

Статус права, нарушаемого статьей 169 УК, вне сомнения, высок: это право гарантировано Конституцией Российской Федерации. Таким образом, одна составляющая существенности нарушения прав граждан или организаций имманентно присуща воспрепятствованию законной экономической деятельности, и уже в силу этого трудно поддержать высказывания авторов о необходимости его декриминализации (Esakov, 2019: 57; Lopashenko, 2006: 238). Не ставит-

ся ведь вопрос о декриминализации нарушений других конституционных прав, хотя составы преступлений, предусмотренных частями первыми статей 137, 138, 141 УК, сконструированы тоже как формальные.

Что касается второй составляющей существенности нарушения прав граждан или организаций, то отсутствие в ч. 1 ст. 169 УК указанного последствия исключает необходимость установления степени отрицательного влияния воспрепятствования на деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

В-пятых, санкцию уголовно-правовой нормы признают законодательным выражением общественной опасности преступления. Общественную опасность злоупотребления должностными полномочиями и превышения этих полномочий, которые преступны только в случае существенного нарушения прав и законных интересов потерпевших, законодатель оценивает санкцией, предусматривающей максимальное наказание в виде лишения свободы до четырех лет. В связи с этим утверждение о необходимости установления существенности воспрепятствования полностью расхожется с санкцией в ч. 1 ст. 169 УК: в ней наказание в виде лишения свободы не предусмотрено вовсе.

Конечно, на практике неизбежны случаи, когда воспрепятствование будет представлять малозначительное деяние. Такую правовую оценку, например, должны получить указания глав администраций районов руководителям юридических лиц и индивидуальным предпринимателям «как-то украсить входную группу/вход в здание перед Новым годом»: стоимость такого украшения (ветки с елочной игрушкой или гирлянды), как правило, не превышает 500–900 руб.

И. А. Клепицкий отмечает, что «советы, рекомендации и просьбы сами по себе в качестве воспрепятствования предпринимательской или иной деятельности рассматриваться не могут» (Klepitskii, 2021: 724). С этим следует согласиться, однако необходимо учитывать все обстоятельства, сопровождающие такие советы и рекомендации.

В период регулирования экономики (а не управления, имевшего место ранее) методы и формы воздействия на нее изменились, и управление может осуществляться только государственными и муниципальными унитарными предприятиями, либо государственными или муниципальными учреждениями. Это понимают и должностные лица. В этой связи советы, просьбы и рекомендации нередко становятся способом закамуфлировать воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности. К примеру, исходящая от заместителя главы города рекомендация руководителям некоторых коммерческих организаций не участвовать в закупках оборудования для строительства должна квалифицироваться как незаконное ограничение самостоятельности этих организаций, если получателям рекомендации известно, что в этих закупках участвуют организации, к бенефициарам которых относятся дети, супруга этого должностного лица либо де-факто он сам.

Такую же правовую оценку следует дать просьбе этого должностного лица, если руководителям организаций и индивидуальным предпринимателям города известно, что отказ от исполнения его «просьб» сопровождается какими-либо негативными последствиями.

По мнению Н.Г. Вольдимаровой, одна из проблем применения статьи 169 УК состоит в том, что она в определенной мере дублирует признаки правонарушения, предусмотренного ст. 14.25 КоАП. Однако административная ответственность должностных лиц, соответствующих дефиниции должностного лица в примечании 1 к статье 285 УК, установлена только ч. 1 и 2 ст. 14.25 КоАП. Все иные нормы указанной статьи предусматривают ответственность руководителей организаций и индивидуальных предпринимателей.

При этом из санкций ч. 1 и 2 ст. 14.25 КоАП видно, что законодатель оценивает общественную опасность этих деяний как крайне низкую: за их совершение предусмотрен штраф в размере от одной до двух тысяч рублей. И это объяснимо. Так, право-

нарушение, предусмотренное ч. 1 этой статьи, состоит в несвоевременном или неточном внесении записей о юридическом лице в ЕГРЮЛ или об индивидуальном предпринимателе в ЕГРИП.

Немногим опаснее законодатель считает нарушения, описанные в ч. 1, 1.1 и 2 ст. 5.63. КоАП. Так, за требование должностными лицами для предоставления государственных услуг документов, не предусмотренных федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, штраф установлен в размере от пяти до десяти тысяч рублей (ч. 2). И поскольку в этом же действии может заключаться и преступное воспрепятствование, законодатель включил в ч. 2 данной статьи негативный признак «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Аналогичным негативным признаком «снабжены» ч. 1 и 1.1 этой статьи, ответственность в которых предусмотрена за нарушение порядка предоставления государственных услуг, если оно повлекло непредоставление государственной услуги заявителю либо ее предоставление с нарушением установленных сроков. Учитывая, что государственная регистрация и лицензирование – разновидности государственных услуг, значительное сходство составов этих административных деликтов и преступного воспрепятствования очевидно. Негативные признаки помогают разграничению правонарушений (ч. 1 и 1.1 ст. 5.63. КоАП) с преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 169 УК: согласно диспозиции последней преступны не любые нарушения порядка предоставления государственных услуг, а только неправомерный отказ в государственной регистрации или уклонение от нее либо неправомерный отказ в выдаче лицензии на осуществление определенной деятельности или уклонение от ее выдачи. В то же время разграничению этого преступления и ч. 2 ст. 5.63. КоАП негативный признак не поможет, так как трудно определить, в каких случаях указанные действия приобретают преступную общественную опасность.

Изучение небогатой судебной и следственной практики показало, что в структуре деяний, подпадающих под ст. 169 УК, немало запрещенных антимонопольным законодательством. Так, суды считают преступным воспрепятствованием ограничению самостоятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, выразившееся в нарушении их прав на равный доступ к поставкам товаров для государственных нужд. Такая позиция отражена, например, в Приговоре Заднепровского районного суда г. Смоленска от 13.06.2017 по делу № 1–134/2017, а также в Приговоре Ленинского районного суда г. Оренбурга от 19.09.2018 по делу № 1–523/2018.

При этом особого внимания в нашем исследовании заслуживает перечень актов/действий, принимать/осуществлять которые запрещено должностным лицам органов и организаций, перечисленных в ст. 15 Закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (далее – ЗоЗК). Большинство из них, вне сомнения, препятствуют законной предпринимательской или иной деятельности. К примеру, установление запретов или введение ограничений в отношении осуществления каких-либо видов деятельности или производства определенных видов товаров либо введение ограничений создания хозяйствующих субъектов в какой-либо сфере деятельности (п. 1 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК) – это незаконное ограничение самостоятельности (ч. 1 ст. 169 УК). Аналогично следует квалифицировать ограничение прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на продажу, покупку, иное приобретение, обмен товаров (п. 3 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК); дачу им указаний о первоочередных поставках товаров для определенной категории покупателей (заказчиков) или о заключении договоров в приоритетном порядке (п. 4 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК), а также деяния, предусмотренные п. 2, 5, 10 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК.

Вместе с тем на практике указания должностных лиц обеспечить заключение договоров поставки с местными производителями, иногда сочетающиеся с требованием расторгнуть договоры поставки, ранее

заключенные с другими изготовителями, квалифицируются не по ст. 169 УК, а как административно наказуемое ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления (ст. 14.9 КоАП) (Petrov, 2022: 202). И это не случайно. Перечисленные действия подпадают под обе статьи.

Как видно, многие деяния, ограничивающие конкуренцию, одновременно являются незаконным ограничением самостоятельности или иным незаконным вмешательством в деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Именно проблема разграничения деяний, образующих преступное воспрепятствование, и указанных административных деликтов стала одной из причин применения ч. 1 ст. 169 УК в редких случаях. Высказанные в литературе «рецепты» включить в диспозицию ч. 1 ст. 169 УК последствия в виде ущерба (не крупного) либо корыстную или иную личную заинтересованность (Kovalenko, 2020: 42; Vol'dimarova, 2020: 18) вряд ли заслуживают поддержки: ущерб от многих деяний, образующих объективную сторону преступного воспрепятствования, невозможно определить, а признак личной заинтересованности, судя по опыту применения ст. 199.1 УК, «устанавливается» почти во всех случаях.

Неотложную помощь в разграничении преступного воспрепятствования и названных выше административных проступков могла бы оказать высшая судебная инстанция, разъяснив, в частности, что деяния, предусмотренные ст. 15 ЗоЗК, одновременно незаконно ограничивающие самостоятельность юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 169 УК, как посягающие на конституционную свободу экономической деятельности. Добавим, что опасность принятия актов, запрещенных ст. 15 ЗоЗК, гораздо выше опасности, присущей административным проступкам: акты создают угрозу нарушения конституционной свободы не одного субъекта, а неопределенного круга таких субъектов.

Однако без законодательного вмешательства в разграничение воспрепятствования (ч. 1 ст. 169 УК) и указанного выше ряда проступков не обойтись: законодатель обязан позаботиться о надлежащей степени ясности норм КоАП (ч. 2 ст. 5.63 и ст. 14.9).

Ссылаясь на «прямой» текст действующего закона, профессор А. Э. Жалинский утверждает, что без последствий нет умысла, «нет преступлений в сфере экономической деятельности» (Zhalinskii, 2015: 338). Однако точка зрения, согласно которой в преступлениях с формальным составом умысел отсутствует, в уголовно-правовой литературе практически не поддерживается. Необоснованным представляется и утверждение о возможности совершения воспрепятствования (ч. 1.ст.169 УК) как с прямым, так и с косвенным умыслом (Vol'dimarova, 2020: 18).

подавляющее большинство авторов единодушны в том, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 169 УК, совершается только с прямым умыслом: состав сконструирован как формальный. Нет сомнений и в том, что ни цель, ни мотив обязательными признаками субъективной стороны этого преступления не являются.

Однако для констатации умысла необходимо, чтобы виновный осознавал незаконность своего деяния.

Так, М. инкриминировали ч. 1 ст. 169 УК за требование к ООО замены предмета госконтракта в связи с отсутствием у организации обязательного сертификата соответствия. Однако в суде было установлено, что «в момент совершения деяния вопрос об отнесении препарата к продукции, подлежащей обязательной сертификации, был спорным, и доказательства осознания М. необязательности сертификации препарата представлены не были» (Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2015 по делу № 10–702/15). М. была оправдана.

Таким образом неосознание незаконности должностным лицом своего деяния исключает вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 169 УК. И в настоящее время шансы столкнуться с неосозна-

нием должностными лицами незаконности своего деяния значительно увеличились. Такое утверждение основывается на растущей нестабильности российского законодательства (Tkachenko, 2017: 8). Так, начиная с 2007 г., количество принятых в год федеральных законов превышает 300, в 2016 г. их количество составило 524 (Tkachenko, 2017: 10), а в 2020 г. – 530 законов (<http://duma.gov.ru/news/50412/>).

При такой динамичности федеральных законов внесение соответствующих изменений в подзаконные акты обречено на запаздывание, и незаконность последних в части, пришедшей в несоответствие, не всегда без серьезного изучения может установить и квалифицированный юрист. Именно большое количество устаревших нормативных правовых актов стало одной из причин запуска механизма «регуляторной гильотины».

Г. А. Есаков называет воспрепятствование, предусмотренное ст. 169 УК, ложным экономическим преступлением, посягающим на экономическую деятельность опосредованно «через нарушение нормальной деятельности государственно-властного аппарата» (Esakov, 2019: 56). Однако ст. 169 УК устанавливает ответственность за деяния, препятствующие осуществлению экономической деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, самым непосредственным образом: установление необходимости согласования принимаемых ими управленческих решений, навязывание им своих вариантов решений, незаконное проведение проверок и незаконное изъятие документов, навязывание условий договоров, запрет заключать договоры с определенными контрагентами или, наоборот, требование заключить договор с определенными контрагентами либо осуществлять поставку продукции определенным контрагентам в первоочередном порядке, безусловно, создают помехи в экономической деятельности.

Заключение

Итак, в России уголовно-правовой инструмент обеспечения роста масштабов

экономической деятельности есть. Для вменения ч. 1 ст. 169 УК не нужно устанавливать ни мотивов виновного, ни последствий воспрепятствования, что значительно облегчает правоприменение. Добавим, что, в отличие от общих норм (ст. 285 и 286 УК), воспрепятствование может быть осуществлено должностным лицом путем использования служебного положения, а не только должностных полномочий, что тоже расширяет пре-

делы ответственности по специальной норме. И квалификация незаконных деяний должностных лиц в процессе, например, их лицензионно-разрешительной или контрольно-надзорной деятельности не должна вызывать затруднений. Однако для обеспечения разграничения преступного воспрепятствования и ряда схожих с ним административных деликтов законодатель должен устранить неразличимость в их описании.

Список литературы / References

Ermakova L. D. et al. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaia chast'* [Criminal law of the Russian Federation. The special part], Moscow, Norma. InFRA-M, 2009. 800 p.

Esakov G. A. *Ekonomicheskoe ugolovnoe pravo: obshchaia chast'* [Economic Criminal Law: General part]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 359 p.

Gladkikh V. I. *Vospriyatstvie zakonnoi predprinimatel'skoi ili inoi deiatel'nosti: teoretiko-prikladnoi analiz stat'i 169 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Obstruction of lawful entrepreneurial or other activity: theoretical and applied analysis of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In *Nauchnii portal MVD Rossii* [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, 2, 32–39.

Klepitskii I. A. *Novoe ekonomicheskoe ugolovnoe pravo* [New Economic Criminal Law]. Moscow, Prospekt, 2021. 984 p.

Kozlov A. P. *Sluzhebnie prestupleniia* [Official crimes], Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University, 2014. 734 p.

Kovalev M. V. *O nekotorykh voprosakh kvalifikatsii vospriyatstviavaniia zakonnoi predprinimatel'skoi deiatel'nosti* [On some issues of qualification of obstruction of legitimate business activity]. In *Vestnik VEGU* [Bulletin of the VEGU], 2018, 6(98), 148–156.

Kovalenko T. S. *Problemy privlecheniia k ugolovnoi otvetstvennosti po st. 169 UK RF za vospriyatstvie zakonnoi predprinimatel'skoi ili inoi deiatel'nosti* [Problems of bringing to criminal responsibility under Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation for obstruction of legitimate business or other activities]. In *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2020, 17, 38–42.

Lopashenko N. A. *Prestupleniia v sfere ekonomiki: avtorskii kommentarii k ugolovnomu zakonu* [Economic crimes: the author's commentary on the Criminal law], Moscow, Walters Kluwer, 2006. 720 p.

Naumov A. V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: kurs leksii v 3 tomah, tom 2 Osobennaia chast'* [Russian Criminal Law: a course of lectures in 3 volumes, volume 2 Special part], Moscow, Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, 2016. 552 p.

Petrov D. A. et al. *Podderzhka konkurentsii: ekonomicheskie i iuridicheskie mekhanizmi obespechenia balansa interesov proizvodstva i potrebleniia* [Competition support: economic and legal mechanisms to ensure a balance of interests of production and consumption], Moscow, Publishing Group «Iurist», 2022. 224 p.

Tkachenko N. *Statisticheskii analiz federalnogo zakonodatelstva* [Statistical analysis of federal legislation], Moscow, 2017. 57 p.

Vol'dimarova N. G. *Aktual'nie problemy ugolovnoi otvetstvennosti za ekonomicheskie prestupleniia* [Actual problems of criminal liability for economic crimes], Moscow, Prospekt, 2020. 56 p.

Volzhenkin B. V. *Prestupleniia v sfere ekonomicheskoi deiatel'nosti po ugolovnomu pravu Rossii* [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]. Saint-Petersburg, Legal Center «Press», 2007. 765 p.

Zarubin A. V. Otvetstvennost' za vosprepiatstvovanie zakonnoi predprinimatel'skoi ili inoi deiatel'nosti v ugolovnom prave Rossii [Liability for obstruction of lawful business or other activity in the criminal law of Russia]. In *Problemy ukrepleniia zakonnosti i pravoporiadka: nauka, praktika, tendentsii* [Problems of strengthening law and order: science, practice, trends], 2019. 12, 113–119.

Zhalinskii A. E. *Izbrannie Trudi v 4 tomah: tom 2 Ugolovnoe parvo* [Selected works in 4 volumes: volume 2 Criminal law], Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 591 p.

EDN: UGMGHW
УДК 342.55

Some Legal Aspects of Providing Municipal Services in Electronic Form in Russia

Marina A. Dneprovskaya and Sergey A. Abramitov*

*Institute of Economics, Management and Law
Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation*

Received 28.03.2021, received in revised form 16.04.2023, accepted 20.03.2023

Abstract. Currently, the provision of municipal services in electronic form, electronic interaction between public authorities and local self-government authorities is being actively developed, and the ease of use of state and municipal information systems and services used in providing municipal services is being improved. At the same time, there are unresolved issues related to the legal regulation of the providing municipal services in electronic form. The article notes the increasing interest of scientists in these issues. In addition to the formal legal method, the method of complex analysis and the method of formalisation were used in the study. In particular, the article shows not fully resolved issues of development and adoption of administrative regulations for the provision of municipal services, establishing the procedure and standard for their provision. There is a need to unify both the terms and descriptions of services provided in different municipalities and the structure and content of the respective administrative regulations of municipal services, taking into account the peculiarities of providing municipal services in electronic form.

Keywords: municipal services in electronic form, municipal services, local self-government authorities, information systems.

Research area: law.

Citation: Dneprovskaya M.A., Abramitov S.A. Some legal aspects of providing municipal services in electronic form in Russia. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 715–723. EDN: UGMGHW

Некоторые правовые аспекты предоставления муниципальных услуг в электронной форме в России

М.А. Днепроvская, С.А. Абрамитов

Институт экономики, управления и права

Иркутский национальный

исследовательский технический университет

Российская Федерация, Иркутск

Аннотация. В настоящее время наблюдается активное развитие механизмов предоставления муниципальных услуг в электронной форме, механизмов электронного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, повышается удобство использования государственных и муниципальных информационных систем, сервисов, используемых при предоставлении муниципальных услуг. Вместе с тем есть нерешенные вопросы, связанные с правовым регулированием предоставления муниципальных услуг в электронной форме. В статье отмечено усиление интереса ученых к указанной проблематике. При исследовании помимо формально-правового метода использовался метод комплексного анализа. В статье, в частности, показаны не до конца решенные вопросы разработки, принятия административных регламентов предоставления муниципальных услуг, устанавливающие порядок и стандарт их предоставления.

Ключевые слова: муниципальные услуги в электронной форме, муниципальные услуги, органы местного самоуправления, информационные системы.

Научная специальность: 5.1.2. – публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Цитирование: Днепроvская М. А., Абрамитов С. А. Некоторые правовые аспекты предоставления муниципальных услуг в электронной форме в России. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 715–723. EDN: UGGMGHW

Introduction

At present, municipal services using remote and digital technologies, electronic interaction between state authorities and local self-government authorities are increasingly being developed, and the ease of use of state and municipal information systems and services and mechanisms of interdepartmental electronic interaction is increasing.

Few recent scientific publications are devoted to the legal issues of providing municipal services in electronic form (Golubeva et al., 2019; Pavlov et al., 2016; Davydova et al., 2019; Dmitrieva, 2012; Petrin, Pogodina, Belokonev, 2017; Tereshchenko, 2018).

The providing municipal services in electronic form and interaction between applicants and authorities (organizations) involved in the provision of such services is based on information systems, including state and municipal information systems. Such information systems that provide municipal services in electronic form include “The Unified Portal of Public and Municipal Services” (www.gosuslugi.ru) (hereinafter, the Public Services Portal), whose operator is the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. The Public Services Portal is a federal state information system that provides applicants

not only state, but also municipal services in electronic form and access to information about such services on the Internet throughout the territory of the Russian Federation. A. S. Loginova and E. A. Shubina note that the Public Services Portal is a “guide” between the recipient of the service and the system of interdepartmental electronic interaction, which allows to obtain the service (Loginova, Shubina, 2018).

According to the Public Services Portal, more than 152 million public and municipal services were ordered on it for 2019, and the total number of portal users was 103 million people (Public Services Portal of the Russian Federation, 2019). The share of citizens receiving public and municipal services in electronic form is growing. In accordance with the State Programme of the Russian Federation “Information Society”, approved by Resolution No. 313 of the Government of the Russian Federation of 15 April 2014, the share of citizens using information systems to receive public and municipal services in electronic form was 51.3 % in 2016, 64.3 % in 2017 and 74.8 % in 2018.

The state information systems of the Russian regions – regional portals for public and municipal services – also provide municipal services in electronic form. These portals have been created by the executive authorities of local government. It should be noted that the regions have uploaded their regional public services to the Public Services Portal. Most of the regions in the Russian Federation have switched the interfaces of their regional portals to the Public Services Portal, using the functionality of the unified portal, its services for the provision of public services in electronic form. This integration of regional content into the Public Services Portal has created a “unified entry point” for receiving both federal public services and municipal services in electronic form, which has made it more convenient for applicants to receive these services. To some extent, this has mitigated the effects of the so-called “digital divide”. The digital divide is to be understood as a significant informational difference between municipalities with different statuses, since, for example, the informational potential and the capacities of urban districts or large ur-

ban settlements differ significantly from those of small urban settlements, rural settlements. Thus, E. Styrin, K. Mossberger and A. Zhulin point out that the widespread participation of regional and municipal authorities in the Public Services Portal is a priority aimed at eliminating regional and local differences, and allows the integration of all regions and municipalities on a single platform despite large differences in capabilities and needs (Styrin, Mossberger, Zhulin, 2022).

A.G. Khabibullin, V.K. Barchukov and A.A. Petrogradskaya note that local authorities implement technological solutions in their activities in order to ensure the accessibility of services provided (Khabibullin, Barchukov, Petrogradskaya, 2022). The applicant has the opportunity to receive municipal services in electronic form not only through the Public Service Portal, but also through municipal information systems, on the websites of the municipal authorities that provide the relevant services.

Theoretical framework

In the Russian legal doctrine, services provided by local self-government authorities are studied as activities for the implementation of functions of local self-government authorities that are carried out at the request of applicants. When considering municipal services, we can talk about services provided by local self-government authorities. Municipal services may also be provided by other entities, municipal institutions and other legal entities. These subordinate authorities and other organisations may be involved in the performance of individual administrative procedures, while the decision to provide a service is made by an official of the relevant local self-government authority. Municipal services in electronic form are provided using digital technologies, including the use of the Unified Portal of Public and Municipal Services, as well as regional portals of public and municipal services. The provision of such services involves electronic interaction between state authorities, local self-government authorities, organisations and applicants. This approach is now fairly widely used in legal science.

Statement of the problem

Receiving municipal services in electronic form is becoming more and more popular. At the same time, many issues related to the legal regulation of the providing municipal services in electronic form remain unresolved. The present study considers the concept of municipal services in electronic form, the regulation of the activities of information systems that provide municipal services in electronic form, the development of administrative regulations for providing municipal services under which these services are provided in electronic form.

Methods

The authors used the following research methods: the formal legal method, the method of complex analysis and the method of formalisation.

Discussion

As per the provisions of Federal Law No. 210-FL of 27 July 2010 “On the organisation of providing public and municipal services”, which defines general requirements for these services, their administrative regulation, and the use of digital technologies in their provision, a municipal service is understood as an activity to implement the functions of a local self-government authority. This activity is carried out at the request of applicants within the powers of the authority providing municipal services, to resolve issues of local importance. According to O.S. Sokolova, municipal services are characterised by the following features: they consist in the implementation of the functions of local self-government authorities; they are provided by local self-government authorities that have the powers; they are aimed at resolving issues of local importance (these issues cover such key areas of municipal life as health care, education, housing and utilities, etc.); they are provided at the request of applicants; they are not only provided directly by local self-government authorities but also by organisations involved in their provision, for example, municipal institutions (Sokolova, 2010).

It should be noted that a municipal service, being provided by a local authority, is related to

the implementation of its functions. It is aimed at satisfying public interests and has a public authoritative nature. Municipal services are aimed at meeting the needs of persons living in the territory of the municipality in the social sphere, for example, in such areas as education, culture, health care, social assistance, etc., as well as meeting the needs of residents of the municipality, which they cannot satisfy on an individual basis, for example, related to road maintenance, landscaping, urban land improvement, etc. (Simagina, 2011).

The provision of municipal services in electronic form refers to the provision of municipal services using digital technologies, including the use of the unified portal of public and municipal services (the Public Services Portal), as well as regional portals for public and municipal services, including electronic interaction between state authorities, local self-government authorities, organisations and applicants as part of such provision.

The interaction between authorities providing municipal services and organisations involved in the provision of municipal services is carried out on the basis of information systems, including state and municipal ones. The rules for technological interaction between information systems used to provide municipal services in electronic form, as well as the requirements for the infrastructure that ensures their interaction are established by the Government of the Russian Federation.

In accordance with the provisions of Resolution No. 861 of the Government of the Russian Federation of 24 October 2011 “On federal state information systems that provide public and municipal services (exercise of functions) in electronic form”, the use of the Public Service Portal provides: the possibility for applicants to access information on municipal services; the possibility to file an application in electronic form as well as other documents required to receive a municipal service; the possibility for the applicant to receive information about the progress of the application filed through the portal; the possibility for the applicant to receive the results of the service. In addition, the portal makes it possible to make an electronic appointment, including the submis-

sion of applications and documents required for a municipal service, and to receive the result of such a service.

State and municipal information systems that maintain registers of municipal services, containing information on municipal services provided by local self-government authorities in municipalities, as well as on services provided by municipal institutions and other organisations providing municipal services out of local budget resources, shall provide municipal services in electronic form. These systems, which maintain registers of municipal services in electronic form, primarily include the federal state information system “Federal Register of Public and Municipal Services (Functions)”, operated by the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. The federal register includes a register of municipal services provided by local authorities. Local self-government authorities compile information on the services provided and place it in the federal register on the basis of approved administrative regulations for services and standards for municipal services. The local self-government authority of the municipality determines the formation order and maintenance of the register of municipal services provided by local self-government authorities, the information from which is placed in the federal register. Public authorities of constituent regions and local self-government authorities have the right to create regional information systems and municipal information systems to maintain a register of municipal services. When creating such systems, it should be possible to integrate them with the federal state information system.

The federal state information system “The Unified system of identification and authentication in the infrastructure providing information and technological interaction of state information systems and municipal information systems used for providing public and municipal services in electronic form” (The Unified System of Identification and Authentication) and the unified system of interdepartmental electronic interaction provide information and technological interaction between the existing information systems used in the provision

of municipal services in electronic form. The unified identification and authentication system operated by the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation provides authorised access of information interaction participants to the unified identification and authentication system to information contained in state and municipal information systems for the provision of public and municipal services in electronic form, as well as for interdepartmental electronic interaction.

According to S.S. Zenin, the provision of public and municipal services in electronic form, based on state and municipal information systems, has until recently been complicated by the problem of identification of applicants (Zenin, 2014). Currently, in the unified identification and authentication system, authorised access to information is achieved through the use of an electronic signature. In accordance with the provisions of Resolution No. 977 of the Government of the Russian Federation of 28 November 2011 “On the Federal State Information System “Unified System of Identification and Authentication in the infrastructure providing information and technology interaction of information systems used for providing of public and municipal services in electronic form”, the Unified Identification and Authentication System ensures identification of participants of information interaction, including using certificates of keys for verifying electronic signatures, authentication of participants of information interaction including using qualified certificates of keys for verifying electronic signatures, authorization of information interaction participants (confirmation of information interaction participant’s rights to obtain access to the infrastructure ensuring interaction of information systems used to provide municipal services in electronic form), creation of a password for an electronic signature key for applicants in order to apply for municipal services in electronic form.

The technological support of information interaction when providing municipal services in electronic form is carried out by the unified system of interdepartmental electronic interaction, including information databases, as well

as software tools that ensures the interaction of information systems. The operator of this federal state information system is the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. The unified system of interdepartmental electronic interaction ensures the provision of municipal services in electronic form, including the use of information system, the Public Services Portal, and also provides information interaction in the provision of municipal services. Interaction of information systems of local self-government authorities with information systems, to which the results of provision of municipal services are sent with the consent of the applicants, is carried out with the use of the unified interaction system and regional systems connected to it. All regional systems of interdepartmental electronic interaction established in the constituent entities of the Russian Federation in order to ensure the provision of regional public services and municipal services in electronic form are connected to the unified interaction system. According to the provisions of Resolution No. 697 of the Government of the Russian Federation of 8 September 2010 "On the unified system of interdepartmental electronic interaction", the main functions of the unified system are: to ensure the transmission of requests for municipal services filed by applicants through the Public Services Portal to the information systems connected to the interaction system, through which the requested municipal services are provided; to ensure the exchange of electronic messages between authorities and organisations when providing municipal services; to ensure the transmission of requests, other documents and information on the progress and results of municipal service requests to the Public Services Portal; to ensure the provision in electronic form of documents placed in information systems.

Let us consider on what issues in the field of organising municipal services, including those provided in electronic form, local self-government authorities are entitled to issue municipal regulatory legal acts. Thus, the administration of the municipality establishes the procedure for forming and maintaining a register of municipal services, and establishes

the procedure for developing and approving administrative regulations for the provision of municipal services. The administrative regulation of the service is a regulatory legal act that establishes the procedure and standard for its provision, in accordance with which the service is provided. The municipal administrative regulations provide for: the composition, sequence and timing of administrative procedures, requirements for the procedure for their performance, the particularities of administrative procedures in electronic form, as well as the standard for the provision of the service.

The administrative regulations for the provision of municipal services include the standard for the provision of the service, which contains requirements that take into account the particularities of the provision of the municipal service in electronic form. These requirements are connected with the operation of the system of interdepartmental electronic interaction and relate to the provision of documents and the procedures for the provision of the service itself. In fact, the standard of municipal service provision sets the minimum required level to which the main parameters of the service provided in the municipality should correspond. The standard for the provision of a municipal service shall include: the name of the service; the name of the authority providing the service; the result of the service; the term of the service provision; the legal basis for receiving the service; the comprehensive list of documents required for its provision; the list of grounds for refusal to accept documents; the comprehensive list of grounds for refusal to provide the service; the indicators of the service accessibility and quality; requirements, including those taking into account features of providing the service in electronic form.

V. A. Ruban and A. S. Kuznetsova point out that the administrative regulations for providing services are instruments for regulating the provision of municipal services. This regulation organises the activities of local self-government authorities, allows them to specify their results, and establishes ways of interaction between local self-government authorities and residents of municipalities while receiving services (Ruban, Kuznetsova, 2020).

The administrative regulations for the provision of municipal services contain a list of documents required for their provision. It is not permitted to require an applicant who has requested a municipal service to provide a document that is not specified in the administrative regulations. The refusal to provide a municipal service on the grounds of not submitting a document that is not specified in the administrative regulations is unjustified, as confirmed by court practice. Thus, in the Cassation Decision of the Judicial Chamber on Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 23 October 2019 No. 18-KA19-51, the court pointed out that bodies providing municipal services are not entitled to demand from the applicant the submission of documents and information the submission of which is not provided for by regulatory legal acts governing relations arising in connection with the provision of municipal services.

L.I. Voronina, S.N. Kostina and M. V. Kukartseva point out that the procedure for developing and approving administrative regulations for the provision of municipal services by local administrations is determined independently and the number of administrative regulations for municipal services is increasing. For example, as at 2015, 94,000 administrative regulations had already been approved at the local level in Russia, mostly for services similar in all municipalities and attendant problems related to the development of regulations. They include among such problems: imperfect requirements for the development, approval and adoption of administrative regulations; lengthy approval procedures; cumbersome sentences describing the composition, sequence and timing of administrative procedures; excessive texts of administrative regulations, especially those describing actions or procedures of an operational and technological nature that do not directly affect the applicant. In addition, municipal administrative regulations are often formal, mechanically duplicating provisions of other regulatory legal acts, and there are gaps in the structure of the description of the municipal service provision process (Voronina, Kostina, Kukartseva, 2017).

According to T.M. Ilyushenko and Y.O. Meshkova, due to the fact that the procedure for development and approval of administrative regulations for the provision of municipal services is determined by local administrations independently, this leads to the fact that in practice the same service in different municipalities can be provided in different ways. For example, the name of the service, the result of its provision, the list of documents required from the applicant and the time limits for the provision of the service may differ (Ilyushenko, Meshkova, 2014).

It should be emphasised that the adoption of the list of standard municipal services has to a certain extent contributed to the unification of the names of municipal services provided by local governments, information about which is placed in state and municipal information systems that maintain registers of these services. These registers were approved by the Government Decree of the Russian Federation No. 2113-d of 18 September 2019, which contains recommendations regarding the naming of typical municipal services. In addition, the local administrations' observation of the recommendations on the development of administrative regulations for the provision of public services contributes to unification. Such recommendations are contained in Decree No. 373 of the Government of the Russian Federation of 16 May 2011 "On development and approval of administrative regulations for execution of state functions and administrative regulations for provision of public services" and are applied when developing the procedure for developing administrative regulations for provision of municipal services.

It should be noted that there is a need to unify both the terms and descriptions of services provided in different municipalities and the structure and content of respective administrative regulations of municipal services, taking into account the need for electronic interaction between state authorities, local self-government authorities, organisations and applicants, and the specifics of providing municipal services in electronic form. This is significant for ensuring the provision of municipal services using the State Services Portal infor-

mation system, which allows providing these services in electronic form, as well as access to information about such services provided in various municipalities throughout Russia, and also using regional portals for state and municipal services. It should be noted that it is difficult for specialists of local self-government authorities to unify the legal regulation of municipal services, given their overload, the existence of other powers that require their involvement, and, in addition, they often have little or no relevant professional training in lawmaking and regulation of municipal services. In order to ensure a unified legal space, it seems justified for executive bodies of state authority of constituent entities of the Federation to provide assistance to local self-government authorities of different types of municipalities by preparing model municipal legal acts, which can be used by local self-government authorities in their work to develop relevant draft regulations on the provision of municipal services.

Conclusion

At present, there is an active development of municipal services using remote, digital technologies, electronic interaction between public authorities and local self-government authorities, the ease of use of state and municipal information systems and services and mechanisms of interdepartmental electronic interaction is increasing. At the same time, some issues related to the legal regulation of the provision of municipal services in electronic form remain unresolved. In particular, these include the incompletely resolved issues of developing, adopting administrative regulations for the provision of municipal services, establishing the procedure and standard for their provision.

References

Davydova M. L., Mamay E. A., Sharno O. I. Public Services in the Modern Russian State and Digital World. In *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. Studies in Computational Intelligence*, 2019. 826.

Dmitrieva E. A. Predostavlenie municipalnyh uslug v elektronnoj forme: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Provision of municipal services in electronic form: contemporary state and perspectives of development]. In *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*, 2012, 3, 51–54.

Municipal services in electronic form are provided through the Public Service Portal. The applicant has the opportunity to file a request for the provision of municipal services by contacting directly on the websites of the municipal authorities providing the relevant services. Municipal administrations shall establish the procedure for the formation and maintenance of registers of municipal services, as well as the procedure for the development and approval of administrative regulations for municipal services, which shall establish the procedure and standard for their provision. The provision of municipal services is carried out in accordance with such regulations.

It should be noted that the demand for receiving services in electronic form is largely determined by the ease with which they can be accessed. For example, the interfaces through which the interaction with the authority or organisation providing the service is carried out should be convenient and comprehensible. Requirements for the procedures for the provision of services, aimed at ensuring their convenient and comprehensible use, should be enshrined in the regulations. The applicant should be provided with a convenient identification and authentication service, navigation and search services, and information on the available services, including those related to life situations. It should also be possible to use different methods to receive the same service. It should be both available to file an application in electronic form using an electronic signature through a single portal or official website of the authority or organisation providing services and to apply in person at the same service authority or organization providing services, or multifunctional centers for providing services.

Golubeva A. A., Gilenko E. V., Dzhedzheya V. B. Enhancing public value of local public services through electronic interaction. In *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta [Russian Management Journal]*, 2019, 17 (2), 159–178.

Ilyushenko T. M., Meshkova Y. O. Upravlenie processom predostavleniya gosudarstvennyh i municipalnyh uslug v ramkah elektronnoho pravitelstva Krasnodarskogo kraya [Management of process of providing the state and municipal services within the electronic government of Krasnodar krai]. In *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management]*, 2014, 1, 47–53.

Khabibullin A. G., Barchukov V. K., Petrogradskaya A. A. To the Question of Digital Transformation of Local Government Bodies. In *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022. 304.

Loginova A. S., Shubina E. A. Predostavlenie elektronnyh gosudarstvennyh uslug v Rossijskoj Federacii: problemy i puti ih resheniya [The provision of electronic public services in the Russian Federation: the problems and their solutions]. In *Rossiiskij juridicheskij zhurnal [Russian Juridical Journal]*, 2018, 4, 137–144.

Pavlov A. Y., Batova V. N., Kovalyova N. N., Kolyesnikov A. V., Sokolov A. Y. Development trends of legal regulation of information support at the municipal level, In *International Journal of Advanced and Applied Sciences*, 2016, 3 (5), 21–26.

Petrin I. V., Pogodina I. V., Belokonev S. Y. Predostavlenie elektronnyh uslug regionalnymi organami vlasti i organami mestnogo samoupravleniya v RF: pravovaya osnova i problemy pravoprimeneniya [Provision of e-services by regional authorities and local governments in the Russian Federation: legal framework and law enforcement issues]. In *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-government]*, 2017, 3, 23–27.

Public Services Portal of the Russian Federation Public services in 2019: main events and facts. 2019. Available at: https://www.gosuslugi.ru/help/news/2019_12_30_results_of_the_year (accessed 25 February 2021).

Ruban V. A., Kuznetsova A. S. Predostavlenie gosudarstvennyh uslug kak faktor socialno-ekonomicheskogo razvitiya strany [Provision of public services as a factor of the country's socio-economic development]. In *Vestnik BGU. Ekonomika i menedzhment [BSU bulletin. Economics and management]*. 2020, 2, 29–33. DOI: 10.18101/2304-4446-2020-2-29-33

Simagina O. V. Traktovka ponyatiya «municipalnaya usługa» v sisteme predostavleniya publicnyh uslug v Rossijskoj Federacii [Understanding of concept «municipal service» in system of granting of public services in the Russian Federation]. In *Vestnik Tumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Herald]*, 2011, 3, 111–115.

Sokolova O. S. Voprosy informacionnogo obespecheniya predostavleniya municipalnyh uslug v federalnom zakone «Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipalnyh uslug» [Issues of information support for provision of municipal services in the federal law “On the organisation of providing public and municipal services”]. In *Sovremennoe pravo [Modern law]*, 2010, 12, 43–48.

Styrin E., Mossberger K., Zhulin A. Government as a platform: Intergovernmental participation for public services in the Russian Federation. In *Government Information Quarterly*, 2022, 39 (1), available at: www.sciencedirect.com/journal/government-information-quarterly/vol/39/issue/1

Tereshchenko L. K. Gosudarstvennye i municipalnye uslugi: problemy pravoprimeneniya [State and Municipal Services: Law Enforcement Issues]. In *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2018, 10, 101–110.

Voronina L. I., Kostina S. N., Kukartseva M. V. Sovershenstvovanie reglamentacii okazaniya municipalnyh uslug [Improving the regulation of the provision of municipal services]. In *Rossiiskij juridicheskij zhurnal [Russian Juridical Journal]*, 2017, 2, 55–63.

Zenin S. S. Pravovye formy okazaniya gosudarstvennyh i municipalnyh uslug [Legal forms of rendering of state and municipal services]. In *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-government]*, 2014, 7, 31–39.

EDN: SNJBJV
УДК 347.51

Tort Liability of Children

Elena V. Mishchenko and Tatiana V. Letuta*

*Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation*

Received 13.09.2021, received in revised form 16.03.2023, accepted 24.03.2023

Abstract. The purpose of the study is to determine the compliance of tort law with the modern capabilities of children. The prevalence of cyber-crimes, the active involvement of children in the Internet space allow us to talk about the paradox of the imbalance between legal capacity (tortious capacity) and the actual access of children to commit legally significant actions. In such circumstances, the rules on compensation for harm at the expense of parents (legal representatives) in many cases no longer correspond to the general idea and meaning of tort liability. The ineffectiveness and injustice of the norms on the tort responsibility of children are expressed in the complete absence of the educational function of these norms for the children as tortfeasors. The impunity of the actions of adolescents from the point of view of civil law only leads to the further spread of child violence. A proposal to introduce a rule on joint tort liability of parents and close relatives with whom the child lived with the consent of the parents was sent to achieve the goals of restoring justice. The rule on the age from which it is possible to take into account the guilt of the victim will help to eliminate the inconsistency of judicial acts. The proposed legislative changes are a necessary stage in the formation of a legal system that meets the needs of changing reality.

Keywords: tort law, the liability of parents, children's rights, children as tortfeasors, children's tort liability, the digitalization.

Research area: law.

Citation: Mishchenko E. V., Letuta T. V. Tort liability of children. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 724–732. EDN: SNJBJV

Деликтная ответственность несовершеннолетних

Е.В. Мищенко, Т.В. Летута

*Оренбургский государственный университет
Российская Федерация, Оренбург*

Аннотация. Целью исследования является определение соответствия деликтного права современным возможностям детей. Распространённость киберпреступлений, активная вовлечённость детей в интернет-пространство позволяют вести речь о парадоксе дисбаланса между юридической дееспособностью (деликтоспособностью) и фактическим доступом детей к совершению юридически значимых действий. В таких условиях правила о возмещении вреда за счёт родителей (законных представителей) во многих случаях уже не соответствуют общей идее и смыслу деликтной ответственности. Неэффективность и несправедливость норм о деликтной ответственности детей выражаются в полном отсутствии воспитательной функции данных норм для самих детей-деликвентов. Безнаказанность действий подростков с точки зрения гражданского права влечёт лишь дальнейшее распространение детского насилия. Достижению целей восстановления справедливости направлено предложение о введении правила о солидарной деликтной ответственности родителей и близких родственников, у которых проживал ребёнок с согласия родителей. Устранению противоречивости судебных актов будет способствовать правило о возрасте, с которого возможен учёт вины потерпевшего. Предлагаемые изменения законодательства являются необходимым этапом формирования системы права, отвечающей запросам меняющейся действительности.

Ключевые слова: деликтное право, ответственность родителей, права детей, дети как причинители вреда, ответственность детей за правонарушения, цифровизация.

Научная специальность: 5.1.3. – частно-правовые (цивилистические) науки.

Цитирование: Мищенко Е.В., Летута Т.В. Деликтная ответственность несовершеннолетних. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 724–732. EDN: SNJB JV

The norms on the tort liability of children are reflected in Articles 1073–1075 of the Civil Code of the Russian Federation No. 14-FZ of January 26, 1996 (part two). According to them, minors under the age of 14 are unable to bear responsibility. Their parents (adoptive parents) or guardians are responsible for the harm caused by them, unless they can prove that the harm was not their fault. Minors aged from fourteen to eighteen years independently bear tort liability. But in the absence of income or property, the legal regime of compensation is similar to cases of harm to minors under the age of fourteen. Special rules for the tort liability of minors were established

taking into account international, constitutional, branch acts, which contain norms on special protection and care for children, on guarantees of their healthy development, and on the protection of their property rights¹.

¹ Preamble, Article 5 of the Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990); Article 2, 17 of the Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020); Articles 56, 60 of the Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 N 223-FZ (as amended on 02.07.2021); Federal Law No. 124-FZ of 24.07.1998" On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation".

However, the universal digitalization, which has led to a rapid expansion of the ability of children to independently carry out actions in the Internet space, raises the question of the relationship between such opportunities and legal mechanisms for influencing the behavior of violators. This issue primarily concerns the adequacy of the legal structure of the tort liability of minors. Since tort liability performs not only a compensatory, but also an educational function.

There is a controversy in the legal literature regarding the correctness of the dominant approach not only in Russia, but also in foreign countries, according to which in most cases parents (other legal representatives) are liability for the child's tort responsibility². For example, A. M. Rabets defends the independence of the responsibility of parents in torts involving children (Rabets, 2017: 244). E. V. Ruzanova identifies a complex causal relationship between the lack of proper upbringing and the harm caused by minors (Ruzanova, 2018). A. V. Milokhova insists on changing the current mechanism, in which it is necessary to establish the guilt of parents. She believes that the harm should always be compensated, and the law should establish clear criteria for exempting parents from the obligation of compensation (Milokhova, 2010). D. E. Bogdanov (Bogdanov, 2012: 71), Nuno Ferreira (Ferreira, 2008) in their works, they associate the effect of the principle of justice and the educational function with the rules we are considering.

Discussions on the chosen topic are also caused by controversial court decisions, in which in some cases, compensation for harm is imposed on parents without clarifying the

² For example, the parent or legal guardian of a child under the age of fourteen is liable for damage caused to a third person by the act of this child, provided that this act could be considered illegal if his age did not prevent it. A person exercising parental responsibility or legal custody of a child who has reached the age of fourteen, but has not yet reached the age of sixteen, is liable for damage caused to a third person through the fault of this child, unless he can be accused of not preventing the behavior of this child (Article 6: 169 Dutch Civil Code) See.: Dutch Civil Code. Book 6 The law of obligations. Title 6.3 Tort (unlawful acts). Available at: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodebook066.htm>

grounds for the offense³, in others, the court establishes the guilt of the tortfeasor, the behavior of the victim who has not reached the age of 14⁴. Both options are theoretically erroneous, since according to the current legislation, there must be four grounds for imposing liability: illegality of acts, harm, causation and guilt. The latter reason is usually established in relation to parents whose actions (aimed at raising a child) caused the illegal behavior of the tortfeasor.

Therefore, the topic we have chosen is relevant. It requires its further development, taking into account the changed conditions of public life, which allow minors to independently, often in secret from their parents, implement their actions on the Internet.

About the income and property of minor tortfeasors

The age groups in force in Russia are quite different from the concept of adulthood in pre-revolutionary Russian law. In modern private law, minors from 14 to 18 years of age are considered as delinquent subjects. According to the norms of the Code of Civil Laws of the Russian Empire, the following categories of minors were distinguished: from 0 to 14 years, from 14 to 17 years and

³ For example, the court did not find out why exactly a minor at the age of 12 lived with his grandmother, and not with his parents who are divorced. At the time of the fire, which caused the destruction of the premises, the parents of the minor culprit of the fire were not restricted or deprived of parental rights. No clarifying data characterizing the performance of their parental duties is provided in the court decision. See: The decision of the Oktyabrsky District Court of Arkhangelsk No. 2-2010/2020 2-2010/2020~M-1449/2020 M-1449/2020 from July 30, 2020. Case No. 2-2010 / 2020 on the claim of the Administration of the MO "City of Arkhangelsk" to N. B. Prygunova. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/cypjQ8pCsOrC/>

⁴ For example, the court on the claim of the parents of a minor who suffered serious harm to his health took into account that in the actions of a minor delinquent "there is guilt in the form of negligence, since the injury of a minor T. was obtained as a result of a child's play, any intent of a minor K. there was no reason to harm his health." The court also took into account the behavior of the minor victim, "who did not take security measures and did not move to a safe distance at the moment when the children were throwing bricks from the roof" See: Decision No. 2-90/2017 2-90/2017~M-73/2017 M-73/2017 of May 18, 2017 in case No. 2-90 / 2017 Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/5slhrxqzWfUw/>

from 17 to 21 years. Persons under the age of 17 were often referred to as minors in the norms and law enforcement acts (Isachenko, 1914). According to Articles 653, Article 686 of the Code of Civil Laws of the Russian Empire, compensation for harm caused by minors occurred at the expense of their parents or persons obliged to exercise supervision if they did not take appropriate measures to prevent tort⁵. Otherwise the damages were recovered from the property belonging to the minor. A number of authors believe that these rules were illogical because there was no age limit up to which children could not be held liable in tort (Bespalov, 2011). In the draft Civil Code (Articles 2607–2609), attempts were made to correct this gap⁶. The draft provisions established that minors who had not reached the age of ten or under the age of seventeen, but did not realize the harmfulness of their act, were not responsible for the harm they caused. Parents and persons obliged to supervise minors were responsible for the actions of children if they could not prove that they had no opportunity to prevent the act that caused harm. However, despite some specification of the age and state of awareness of the harm-doer, the rule that compensation for harm can occur at the expense of the harm-doer himself in some cases has been preserved.

It should be noted that children under the age of 14, as in the pre-revolutionary period of the development of law, can acquire property as a result of donation, during the commission of small household transactions and transactions on the disposal of funds provided by a legal representative (Article 28 of the Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ). They can earn money, in particular, by participating in the organization and performance of cinematographic, theatrical, circus works (Article 63 of the Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of 30.12.2001 (ed. of 28.06.2021). Consequently,

minors can have both their own income and their own property.

According to polls conducted by the All-Russian Center for Public Opinion Research – 83 % of Russians support teenagers who have decided to get their first job experience before the age of 18⁷. Most of the respondents started working themselves in adolescence. This means that minors are much more likely than one can imagine having their own funds and property, with which it would be possible to cover at least part of the damage to the victim.

More than a hundred years ago, the Russian legislator understood that if a minor has his own property, it is possible to satisfy claims at the expense of this property, why is it impossible to prescribe this in the current law? Nuno Ferreira notes in his work that all legislators need to pay special attention to the rights of children (Ferreira, 2011). This is paramount. We must respect the fundamental rights of children. Therefore, the possible compensation of damage by the child who causes harm can create his personal debt at a very young age and cause a “crushing” blow to the development of the child’s potential, his personal, professional plans. If we allow compensation for harm at the expense of the property or income of the child who causes harm, then this can ruin his life for acts committed in childhood (Ferreira, 2011: 589). In this context, it seems that our proposal does not correspond to current trends related to the protection of children’s rights. However, for some reason, the arguments of this author do not reflect the need to protect the victims of child tortfeasors. After all, another healthy child can become their victim. He also had personal and professional plans that he might never be able to implement. For example, when the tortfeasor is a child, he threw bricks from the roof of a high residential building at children who were on the playground in front of this building. Having got into the head of one of them, he caused serious harm to health and, of course, suffering and deprivation as-

⁵ Code of Laws of the Russian Empire. Volume X. Available at: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x/

⁶ Draft Civil Code of the Russian Empire, 1905 St. Petersburg. Available at: <https://constitutions.ru/?p=4930>

⁷ Rabota dlya podrostkov: za i protiv. [Work for teenagers: pros and cons]. June 17, 2019. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rabota-dlya-podrostkov-za-i-protiv>

sociated with further long-term treatment and health consequences⁸. Why should we care about the happiness of one child and ignore the other? Why are we able to regret what we did in childhood and not show sympathy for a victim deprived of health. After all, according to modern legislation, the maintenance of a child is the responsibility of the parents. This obligation is unconditional and is not even associated with the presence or absence of a parent's permanent and sufficient income. Therefore, the imposition of a penalty on the property of a minor is not capable of leading to its ruin.

Scientific papers state that questions about the age of minors in determining the possibility of compensation for harm should be inferior to the criteria of individual development of a minor. Thus, S. V. Markosyan proposes to formulate a rule according to which the court will have the right to impose the obligation to compensate for harm on parents (other representatives), taking into account the degree of mental development of a minor tortfeasor (Markosyan, 2010). This proposal essentially brings us back to the rules on the tort liability of minors in pre-revolutionary legislation and the draft Civil Code, which indicated a state of awareness, "understanding" of minors, which entailed the possibility of compensation for harm at the expense of the causer (Article 653 of the Code of Civil Laws of the Russian Empire; Article 2607 of the draft Civil Code). We believe that the transition to evaluation categories in the tort under consideration is capable of generating ambiguous court decisions. The establishment of the mental development of each minor tortfeasor cannot occur only on the basis of a survey by a psychologist or a representative of the guardianship authorities.

A fair assessment of the minor's condition will require an appropriate commission examination. The procedural costs caused by this approach will only create conditions for formalism and the imposition of the obligation of compensation for harm on parents in all cases.

⁸ Kashinsky City Court of the Tver region. Solution # 2-90/2017 2-90/2017-M-73/2017 M-73/2017 from May 18, 2017 on the case № 2-90/2017 Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/5slhrxqzWfUw/>

Or they will create conditions for social tension, when children from disadvantaged families will always be released from responsibility due to their lack of positive experience and mental immaturity, and children from prosperous families will be brought to tort responsibility due to their responsible attitude to school and positive characteristics from others.

Of course, the issues of the possibility of including the property and income of a minor in the compensation for harm require further reflection and are possible only taking into account the inadmissibility of shifting responsibility for improper upbringing and behavior of parents to children. However, situations in which a child under the age of 14 commits offenses and causes harm by burdening his conscientious parents (other legal representatives) with payments for damages are unacceptable. After all, as will be demonstrated further on judicial examples, not in all cases the behavior of a delinquent is the result of improper performance of their parental duties.

The educational function of the tort responsibility of minors

Consideration of the question of the educational function of tort liability, we believe, should begin with a quote from Samoy, I., Borucki, C. and Keirse, A.: "First of all, tort law concerns the search for those cases when damage should be compensated. The law no longer focuses exclusively on personal freedom, but also deals with the broader interests of society (Samoy, 2019). These broader interests of society also affect one of the main functions or goals of tort liability – educational. The law is developing along the path of simultaneous promotion and development of special measures that allow ... to have an educational impact on the causer of harm (Kornev, 2006). Through what mechanisms is it possible to influence a minor? It is obvious that in the absence of compensation for damage at the expense of the property of a minor – no. Therefore, the educational function of tort law at the present stage does not manifest itself at all if we are talking about children who already have the ability to perform legally significant actions on the Internet, but are freed by law from the burden of imposing tort liability

on them until the age of 14. We believe that this does not correspond to modern realities and requires revision.

The digitalization of public life requires a revision of the attitude to the child as a delinquent. The Internet space expands the autonomy and independence of children, giving them an almost limitless opportunity to communicate, receive and transmit information, often without parental control. “Early Internet maturation” comes into dissonance with the legal capacity of minors. This is the main paradox that makes scientists and practitioners around the world sound the alarm. A certain conscious formation of the child as a person inexorably gives him a large amount of abilities from year to year. Moreover, a minor at the age of 12 undoubtedly has a completely different awareness of his actions in the world around him than a child at 3 years old. There is an obvious gap in those cases when, for example, a person of 13 years commits a crime (fraud using the Internet), causes significant harm, but, having his own earnings or property, for some reason is not able to pay the expenses of the victim of the crime.

The question arises: if access to participation in the digital space is expanding, and control by parents becomes almost impossible, how can we talk about the lack of responsibility of a minor? It is impossible to exclude a minor from the Internet space in modern conditions. The establishment of “parental control” systems is also not always effective, since children communicate with each other and find ways to bypass them or access the network on other gadgets.

The question of the educational function also touches on the problem of the victim’s behavior. If the actions of the delinquent were caused by a long-term (systemic) negative psychological impact (for example, through social networks) that humiliates the human dignity of the child, entailing negative consequences for his health, causing harm is a retaliatory action aimed at stopping such impact. The paradox is that it is difficult to apply the rules on necessary defense or extreme necessity (when another child is being protected) in judicial practice to minors. The reason for this lies in the fact that

in the articles that exempt from tort liability or significantly reduce its size (Articles 1066, 1067, 1083 of the Civil Code of the Russian Federation No. 14-FZ of January 26, 1996 (part two) there are no reservations about the minor status of the victim or the causer of harm. In civil law, there is a significant gap in this part, discrediting tort law in general. Bullying (Cyber-Mobbing) as an aggressive harassment of one of the schoolchildren is committed in many cases by a group of individuals and has sophisticated forms and extremely serious consequences. The victim of such harassment is not always able to tell parents, teachers or police officers about it. In such conditions, the victim of persecution becomes the causer of harm when defending his rights.

Here is an example that is quite common for modern society. Unable to withstand the mental pressure, the victim entered into an open fight during which she turned into a causer of harm to the health of the offender. After that, the parent of the harmer, who alone brings up four children, tried repeatedly to settle the conflict peacefully. Both the victim and the causer received bodily injuries, but the parent of the causer did not apply to law enforcement agencies with a statement. The parents of the victim appealed to law enforcement agencies and to the court. Is there any fault of minors here? Apparently, in such an example, the question should be posed differently: “Does private law allow us to compensate for harm for actions aimed at self-defense in the ways that the victim had at his disposal?”⁹

The Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation states that if the court establishes the facts of illegal or immoral behavior of the victim, which was the reason for the crime, then these circumstances are taken into account when determining the amount of compensation for moral damage. However, the age of the victim is not indicated anywhere. Is it possible to take into account the guilt of the injured minor? Despite the theoretical provisions regarding the lack of

⁹ See: Decision of the Saki District Court of the Republic of Crimea No. –1567/2020 2–1567/2020–M-1120/2020 M-1120/2020 of July 30, 2020 in case No. 2–1567 / 2020 Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/q3upQqAe9QZ/>

delinquency in a child at a young age, there is still no unambiguous answer in the literature. Back in the early 1960s, N. S. Malein wrote that the rules for taking into account the guilt of the victim also apply to a minor (Malein, 1962). Such accounting implies a reduction in the amount of damage that will be recovered from the violator or even an exemption from liability. The causer will be obliged to partially compensate for the damage; the other non-compensated part of the damage will fall on the victim himself, since he is guilty of causing the damage. However, full exemption from tort liability in cases of harm to health or life is impossible (paragraph 2 of Article 1083 of the Civil Code of the Russian Federation No. 14-FZ of January 26, 1996 (part two)). However, there are still no explanations in the legislation regarding the age of the causer at which it is possible to talk about such a decrease. The ability to correctly, intelligently assess the meaning of the perfect, the ability to be aware of their actions or guide their actions does not come from the moment of birth. Moreover, if, in relation to the causer of harm, there are at least age criteria in the laws and the features of tort liability are specified, then there are no such criteria in relation to the victim. Therefore, in some court decisions, we can trace the clarification of the guilt and behavior of the victim – a minor, and in others – not. It can be assumed that the courts are deliberately trying to silence the question of the possibility of reasoning about the guilt of the victim. After all, the dominant approach in the legal literature is that if the victim has not reached the age of 14 (minor), his behavior has no legal significance.

The question of the educational impact on the delinquent is directly related to the previous question about age. It is logical to assume that we recognize the possibility of a person understanding his actions from a certain age, then we also recognize the possibility of realizing the consequences of what he has done, realizing the loss of his property or a decrease in income as a fair equivalent compensation. Foreign researchers claim that from the point of view of psychology, minors under 10 years old cannot bear tort responsibility (Jansen, 2017). Starting

from this age, children are able to comprehend their actions and evaluate them, to exercise due diligence. That is why laws in different countries formulate a “refutable presumption” about the impossibility of tort liability of children from seven to fourteen years old.

On the issue of the fault of parents (legal representatives)

As mentioned earlier, one of the mandatory grounds of tort liability is guilt. The law does not recognize minors as fully capable subjects. Therefore, the articles on the tort responsibility of minors deal with the fault of parents (legal representatives). The fault is multidimensional. The Russian judicial practice is dominated by the approach according to which guilt means exclusively the mental attitude of the violator to his actions¹⁰.

In tort law, there is a presumption of guilt of the causer and the main task of the victim is to file a lawsuit in which to prove the fact of illegal actions, harm and causal connection between them. The causer must prove the absence of guilt. This approach is similar to the French tort law, which proclaims the presumption of guilt of parents and tort liability is a consequence of a violation of the duty of upbringing, supervision and care of the child (Pauw, 1978: 307). Pieter Pauw notes that the responsibility is based on the offense committed by the parent in that they did not show due care when watching the child. If the child has other relatives in the ascending line – they actually have the opportunity to have no less, or even more influence on the formation of personality. Therefore, we do not agree with those court decisions that trace the automatic imposition of tort liability only on parents in cases where there was an obvious influence of other relatives on the behavior of the child.

¹⁰ It should be recognized that at present there are more and more scientific works orienting the reader to the concept of guilt peculiar to common law countries, which consists in assessing the degree of “reasonableness” of the behavior of the delinquent and the victim, their actions from the point of view of the behavior of an “ordinary, prudent” person. See: in more detail, Zaitseva N. V. Methods of determining reasonableness in tort legal relations on the example of common law countries. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 5 (136). pp. 170–178.

For example, in the case where the decision described the circumstances of the fire, it was noted that the children lived with their grandmother, who periodically smoked¹¹. This is not an isolated case. Staying with relatives is a natural practice and it should not remove responsibility from those persons to whom parents have entrusted their child (Kulikov, 2021). According to the results of the investigation, the grandmother's guilt in the occurrence of an uncontrolled fire has not been established. Here, compensation for damage occurred on the principle of causing, since there is no data in the case materials indicating the parents' fault in not fulfilling their duties. Permanent residence with a smoking grandmother could not but affect the child's consciousness. The court did not clarify the reasons for the separation of parents with children. It is quite possible that the reasons were valid. And the transfer of children to temporary residence with a close relative was objectively the best option for children. In such cases, it would be necessary to establish the joint responsibility of parents and persons directly influencing the formation of personality. In this regard, the legislation should take into account that the residence of children or the presence of children with close relatives with the permission of parents should be regarded by the courts as the exercise of supervision over them. It is possible to establish joint and several liability in cases where there is a fault in the upbringing of parents and supervision of other close relatives.

Education should not remain the exclusive prerogative of the parent. Not every single family with children is an isolated group. Moreover, the state should create conditions for a safe life, primarily for children. They act out of age and are more aware of what is happening around them. It is impossible to protect them from the digital space. Modern models of forming adequate communication for their child imply the active involvement in the process of monitor-

ing such communication not only of parents, but also of close relatives, teachers, and the state, which should provide safe and high quality content and, accordingly, fair tort laws.

Conclusion

Modern tort law needs to be improved, taking into account the peculiarities associated with the digitalization of public life and, in fact, obtaining unlimited freedom of action for minors.

The issue of preventing violations committed by minors is complex. It should be resolved both with the help of information legislation aimed at eliminating illegal content, blocking information harmful to children's health in the Internet space, and with the help of insurance and family legislation. However, the purpose of this study was to determine the compliance of the legal regulation of the institution of tort liability of minors with modern conditions. And within the framework of this institution, we believe it is necessary to solve the problem of accounting for the behavior of the victim – a minor. The legislation does not specify from what age it is possible to take into account the behavior (guilt) of the victim. This gap creates problems in practice that were already known to Soviet civil law. The contradiction of court decisions destabilizes the law enforcement process and negatively affects the authority of tort, therefore, civil law as a whole, pursuing just ideals and the idea of full compensation for harm. Therefore, in art. 1083 of the Civil Code of the Russian Federation No. 14-FZ of January 26, 1996 (part two), it is necessary to prescribe the age from which it is possible to take into account the guilt of the victim.

In cases where children live or regularly stay with close relatives with the permission of their parents, it seems inappropriate to assign responsibility to the parents, since close relatives also directly influence the behavior of the child, as well as his parents. The joint responsibility of parents and persons directly influencing the formation of personality should be established, and the residence of children with close relatives with the permission of parents should be regarded by the courts as the exercise of supervision over them.

¹¹ See: The decision of the Oktyabrsky District Court of Arkhangelsk No. 2–2010/2020 2–2010/2020–M-1449/2020 M-1449/2020 from July 30, 2020. Case No. 2–2010 / 2020 on the claim of the Administration of the MO "City of Arkhangelsk" to N. B. Prygunova. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/cypjQ8pcsOrC/>

References

- Bespalov Y.F., Yakushev P.A. *Vnedogovornye obyazatel'stva s uchastiem rebenka: material'no-pravovye i protsessual'no-pravovye aspekty* [Extra-contractual obligations with participation of a child: substantive and procedural legal aspects]. Moscow, 2011.
- Ferreira N. Putting the age of criminal and tort liability into context: a dialogue between law and psychology. In *The International Journal of Children's Rights*, 2008, 16(1), 44, 29–54.
- Ferreira N. The harmonisation of private law in Europe and children's tort liability: a case of fundamental and children's rights mainstreaming. In *International Journal of Children's Rights*, 2011, 19 (3), 571–594.
- Jansen R-M and Neethling J. Delictual Capacity and (Contributory) Negligence of Minors. In *Journal of Contemporary Roman-Dutch Law*, 2017, 80, 474–482
- Kulikov V. Chuzhaya rodnya. Babushki i dedushki poluchat polnomochiya rastit' vnukov [Foreign relatives. Grandparents will receive the authority to raise their grandchildren], In *Rossiiskaya gazeta – Federal'nyi vypusk* [Rossiyskaya Gazeta-Federal], 2021, 119(8470) Available at: <https://rg.ru/2021/06/01/za-babushkami-i-dedushkami-zakrepiat-pravo-na-vozpitanie-vnukov.html>
- Malein N.S. *Vozmeshchenie vreda pri povrezhdenii zdorov'ya nesovershennoletnikh* [Compensation for damage to the health of minors. State Publishing house of legal literature]. Moscow, Gos izd-vo yuridicheskoi literatury, 1962. 65 p.
- Markosyan S. V. *Nesovershennoletnie sub'ekty deliktnykh obyazatel'stv v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii* [Minor subjects of tort obligations in the civil law of the Russian Federation]. Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2010.
- Milokhova A. V. Problemy pravovogo regulirovaniya obyazannosti po vozmeshcheniyu vreda litsom, ne yavlyayushchimsya prichinitelem vreda [Problems of legal regulation of the obligation to compensate for harm by a person who is not the causer of harm]. In *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»* [Bulletin of the Russian State University. The series «Economics. Management. The right»], 2010, 14(57), 138–146.
- Pauw P. The liability of parents for loss caused by their children. In *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*, 1978, 11(3), 305–319.
- Rabets A. M. Sootnoshenie grazhdansko-pravovogo polozheniya nesovershennoletnikh i ikh zakonnykh predstavitelei v dogovornykh i deliktnykh obyazatel'stvakh (problemy teorii i praktiki) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [The correlation of the civil status of minors and their legal representatives in contractual and tort obligations (problems of theory and practice)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2017, 424, 241–246.
- Ruzanova E. V. Osobennosti osnovaniya voznikoveniya obyazatel'stv vsledstvie prichineniya vreda s uchastiem nesovershennoletnikh // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» [Features of the basis for the occurrence of obligations as a result of causing harm with the participation of minors]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the Omsk University. The "Right" series], 2018, 1(54), 89–93.
- Samoy I., Borucki C. and Keirse A. The Role of Belgian and Dutch Tort Law in the Legal Battle Against Damage as a Result of Smoking Behaviour. In *Utrecht Law Review*, 2019, 15(3), 78–98. DOI: <http://doi.org/10.36633/ulr.542>

EDN: QMQRGJ
УДК 341, 34.05, 349.7

Definition “Spent Nuclear Fuel” in EU Law and Russian Legislation

Yulia V. Lebedeva*

*Moscow State Institute of International Relations, MGIMO University
Moscow, Russian Federation
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

Received 20.03.2022, received in revised form 28.12.2022, accepted 24.03.2023

Abstract. The purpose of the study is a comparative research of two legal approaches to define term “spent nuclear fuel” in Russian and EU law. The Russian legislature has determined that spent nuclear fuel (SNF) is not radioactive waste (RW), but it is an independent object of legal regulation and it is subject to further processing for further use as fuel for nuclear power plants. This study analyses the dual-track approach to SNF in EU law, which is enshrined in the EU Directive 2011/70, since some European countries consider spent nuclear fuel as RW, others as a renewable resource. This article supports the idea of adoption a new legal definition of “spent nuclear fuel” in the Russian Federation, which will give an additional impetus to develop the energy dialogue and further cooperation in the nuclear field between the EU countries and Russia; but it also will exclude environmental damage.

Keywords: legal definition of “spent nuclear fuel”, EU law, Russian law “On the use of atomic energy”, COUNCIL DIRECTIVE 2011/70/EURATOM establishing a Community framework for the responsible and safe management of spent fuel and radioactive waste, Energy Strategy of Russia for the period up to 2030, MOX fuel for BN-800 fast reactor.

Research area: international law. EU Law.

Citation: Lebedeva Yu. V. Definition “Spent nuclear fuel” in EU Law and Russian legislation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 733–739.
EDN: QMQRGJ

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: y.lebedeva.68@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4902-1657

Правовое определение «отработавшего ядерного топлива» в праве ЕС и законодательстве Российской Федерации

Ю.В. Лебедева

*Московский государственный институт
международных отношений (МГИМО Университет)
Российская Федерация, Москва
Министерство иностранных дел Российской Федерации
Российская Федерация, Москва*

Аннотация: Целью работы является сравнительное исследование двух правовых подходов к формулировке правового определения «отработавшего ядерного топлива» в российском законодательстве и праве ЕС. Российский законодатель определил, что отработавшее ядерное топливо (ОЯТ) не относится к радиоактивным отходам (РАО), а является самостоятельным объектом правового регулирования и подлежит дальнейшей переработке с целью последующего использования в качестве топлива для АЭС. Анализируется двойной подход к ОЯТ в праве ЕС, который закреплен в Директиве ЕС 2011/70, так как одни европейские страны ОЯТ рассматривают как РАО, другие как возобновляемый ресурс. Проводится идея принятия в Российской Федерации нового правового определения «отработавшего ядерного топлива», которое даст дополнительный импульс для развития энергетического диалога, дальнейшего сотрудничества в атомной сфере между странами ЕС и Россией и исключит злоупотребления и нанесение ущерба окружающей среде.

Ключевые слова: правовое определение «отработавшее ядерное топливо», право ЕС, российский закон «Об использовании атомной энергии», Директива ЕС об отработавшем ядерном топливе и радиоактивных отходах, Энергетическая стратегия России на период до 2030 года, ядерное МОКС-топливо для реакторов на быстрых нейтронах.

Научная специальность: 12.00.10 – международное право, европейское право.

Цитирование: Лебедева Ю. В. Правовое определение «отработавшего ядерного топлива» в праве ЕС и законодательстве Российской Федерации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 733–739. EDN: QMQRGJ

Introduction

At the end of the 20th century – at the beginning of the 21st century, the scope of application of “atoms for peace” significantly expanded, in particular, in storage systems for electricity (hydrogen powerbank), in security (wireless highly sensitive capacitive strain sensors), in nuclear medicine (the use of radiopharmaceuticals, currently work is underway to create the first Center for Nuclear

Medicine in Irkutsk in Russia), ionizing radiation treatment of agricultural products, composites, rubber, in space exploration (compact radioisotope generators), in the creation of nuclear navy and floating nuclear power plant (floating nuclear power plant “Akademik Lomonosov”), and finally, nuclear technology has made a significant contribution to the fight the COVID-19 pandemic in 2020 (creation of the “Tianox” device for therapy with

nitric oxide, sterilization of medical equipment, masks, instruments, special clothing, dressings). In connection with the expansion of the use of nuclear technologies, the volumes of radioactive waste and spent nuclear fuel are increasing. Therefore, the adoption of the legal definition of “spent nuclear fuel”, as one of the main conceptual tools in legal regulation in this area, provides a unified approach to understanding the key phenomena occurring in society.

1. Statement of the problem

In Article 1 paragraph 2 «*Scope of application*» of *Federal Law No. 190-FZ* “On radioactive waste management and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” of 2011, it was stated, “the provisions of this Federal Law do not apply to relations in the field of spent nuclear fuel management”¹.

Thus, the legislator has determined that spent nuclear fuel does not belong to radioactive waste, but spent nuclear fuel is an independent object of legal regulation. In this connection, the adoption of a new legal act is required, which would formulate a legal definition of “spent nuclear fuel” and which would regulate the management of spent nuclear fuel. And such an attempt was made on April 22, 1999, when the text of the draft federal law «On industrial processing and storage of spent nuclear fuel»² was introduced to the State Duma. For the first time a Russian legislator in Article 1 of the draft law proposed a legal definition of «spent nuclear fuel», defining it as “assemblies of fuel elements removed from nuclear reactors, the further use of which in nuclear re-

actors without reprocessing is not provided»³. The State Duma did not pass draft law; because the delivery to Russia additional volumes of spent nuclear fuel from other countries would worsen the environmental situation in the country. Another reason for refusing further consideration and accepting it was the active position of the Russian public, which organized the collection of signatures of more than 2.5 million Russians for holding a referendum on the question: «Are you in favor of the ban on the import of radioactive materials from other states into the territory of Russia for storage, disposal or processing?» (Iablokov, 2001)

Although the draft law has not been adopted, the understanding that managing the amount of accumulated spent nuclear fuel and developing technologies for its reprocessing led to the adoption of the Energy Strategy of Russia for the period until 2030⁴. In the Energy Strategy of Russia, in Section 8 “Nuclear Fuel Cycle and Nuclear Energy”, it was noted that the development of the production base in Russia in the nuclear industry until 2030 will be carried out on the basis of the creation of a nuclear power plant cycle management infrastructure based on the creation of unified state systems for managing spent nuclear fuel, radioactive waste management and the development of decommissioning technologies for shutdown nuclear power plants.

3. Discussion

3.1. Legal definition of «spent nuclear fuel» in Russian legislation

But the definition «spent nuclear fuel» was enshrined in law by the Russian legislator only in 2016 (Federal Law No. 74-FZ on March 30, 2016, which made amendments and additions to the 1995 Federal Law of the Russian Federa-

¹ Federalniy Zakon ot 11.07.2011 № 190-FZ «Ob obrashchenii s radioaktivnymi otkhodami i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii», Sobranie zakonodatel'stva RF, 2011, № 29, St.4281 [Federal Law of July 11, 2011 N 190-FZ "On Radioactive Waste Management and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", Collected Legislation of the Russian Federation, 2011, N 29, Art. 4281.]

² Proekt federal'nogo zakona No. 99043110–2 O promyshlennoi pererabotke i khranении otrabotavshogo iadernogo topliva, vnesennyi 22.04.1999 goda v Gosudarstvennuiu Dumu RF [Draft Federal Law No. 99043110–2 On industrial processing and storage of spent nuclear fuel, submitted on April 22, 1999 to the State Duma of the Russian Federation]. SPS “Konsul'tant Pljus”.

³ Proekt federal'nogo zakona No. 99043110–2 O promyshlennoi pererabotke i khranении otrabotavshogo iadernogo topliva, vnesennyi 22.04.1999 goda v Gosudarstvennuiu Dumu RF [Draft Federal Law No. 99043110–2 On industrial processing and storage of spent nuclear fuel, submitted on April 22, 1999 to the State Duma of the Russian Federation]. SPS “Konsul'tant Pljus”.

⁴ Rasporiazhenie Pravitel'stva RF Ob Energeticheskoi strategii Rossii na period do 2030. No. 1715-r. 13.11.2009 [Government Act of the Russian Federation On the Energy Strategy of Russia for the period up to 2030. No. 1715-r. 13.11.2009.] SPS “Konsul'tant Pljus”.

tion «On the Use of Atomic Energy»). Art. 3 of the Federal Law of the Russian Federation «On the Use of Atomic Energy» gives the following legal definition «spent nuclear fuel» – a «nuclear fuel irradiated in the reactor core and finally removed from it»⁵.

The legal definition of spent nuclear fuel was taken from Art. 2 of the 1997 Joint Convention on the Safety of Spent Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management, which Russia ratified in 2005⁶. This legal definition is narrowly technical. Thus, the legal definition of spent nuclear fuel adopted by the Russian legislator does not reflect the concept of a closed nuclear fuel cycle, which was adopted in the USSR since the formation of the country's atomic energy and which the Russian Federation adheres to the present (Kudryavtsev, Gusakov-Stanyukovich, 2012). In contrast to the USA, Canada, Sweden, Finland, Spain and a number of other European countries, which adhere to the concept of an open nuclear fuel cycle, which is much simpler and shorter. But an open nuclear fuel cycle is economically high-cost, and at the same time it is more difficult to ensure environmental safety, since it requires long-term isolation of spent nuclear fuel from the biosphere. As S. Zhiznin and V. Timokhov rightly point out in their work «Nuclear Aspects of Energy Diplomacy», a closed nuclear fuel cycle has both advantages (providing nuclear power plants with fuel for hundreds of years with any increase in demand, reducing the volume of high-level waste) and disadvantages (environmentally hazardous radiochemical production). In 2018, Mining and Chemical Combine part of state nuclear corporation «Rosatom» in Zheleznogorsk (Krasnoyarsk Territory) successfully carried out a pilot reprocessing of spent nuclear fuel

⁵ Federalnyy zakon "Ob ispol'zovanii atomnoi energii (s izmeneniyami i dopolnениями) ot 21.11.1995. № 170-FZ [Federal Law "On the Use of Atomic Energy" (as amended and additional) of November 21, 1995, No. 170-FL]. SPS "Konsul'tant Pljus".

⁶ Federalnyi Zakon ot 04.11.2005 № 139-FZ «O ratifikatsii Ob"edinennoi konventsii o bezopasnosti obrashcheniia s otrabotavshim toplivom i o bezopasnosti obrashcheniia s radioaktivnymi otkhodami [Federal Law of November 4, 2005 N 139-FZ On Ratification of the Joint Convention on the Safety of Spent Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management] SPS "Konsul'tant Pljus".

from a VVER-1000 power reactor of Russian nuclear power stations⁷. The performance of the unique technologies, that do not pose any risks to the environment, has been fully confirmed. Since the legal definition of "spent nuclear fuel" was adopted in 2016, and «Rosatom» tested new technologies in 2018, the Russian legislator, accordingly, did not formulate in the term that spent nuclear fuel can be used as fuel for a nuclear power plant again, subjecting it to the next cycle enrichment. Although thanks to the development of Russian science, this became possible by turning spent nuclear fuel into a product that has economic value for the nuclear market.

Many Russian researchers (Supotaeva, 2009, Grishchenko, 2010, Grishin, 2011) note the need to adopt a federal law on the management of spent nuclear fuel and formulate a new legal definition of «spent nuclear fuel» based on modern technologies used in the nuclear industry of Russia at the present.

In practice, spent nuclear fuel becomes a renewable resource used in a closed nuclear fuel cycle, which does not reflect the existing legal definition in Russian legislation. Technological changes in the nuclear industry inevitably entail changes to the regulatory and legal framework of nuclear law as a consequence of the response to the change, improvement, development and application of new technologies that require appropriate legal confirmation.

3.2. *The legal definition of «spent fuel» to the EU law*

Although Euratom and all EU member states have signed and ratified the 1997 Joint Convention on the Safety of Spent Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management, in which Art. 2 gives the definition of «spent fuel» as «means nuclear fuel irradiated in the reactor core and finally removed from it»⁸. However, this legal defi-

⁷ Rosatom gotov nachat' "zelenuiu" pererabotku otrabotavshogo iadernogo topliva [Rosatom is ready to start "green" reprocessing of spent nuclear fuel] Available at: <http://www.rosatom.ru/journalist/smi-about-industry/rosatom-gotov-nachat-zelenuyu-pererabotku-otrabotavshogo-yadernogo-topliva/> (accessed 13 October 2020)

⁸ Joint Convention on the Safety of Spent Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management, Com-

dition is of a purely technical nature and the EU member states in their national legislation initially adopted the broader wording of «spent nuclear fuel».

Thus, the approach of various European countries (Sweden, Finland, France, Bulgaria, Hungary, Romania) to the definition of «spent nuclear fuel» was different. In EU law, during the development of EU Directive 2011/70 during the development of the legal definition of spent nuclear fuel, a discussion took place between the proponents of the closed nuclear fuel cycle and the open nuclear fuel cycle (Rodriguez-Penalonga, Moratilla Soria, 2017, Shant Krikorian, 2019). The difference is that for some EU Member States that use a closed nuclear fuel cycle, spent nuclear fuel is a resource for reprocessing to produce new fuel for nuclear power plants. For other EU member states that use an open nuclear fuel cycle (or once-through fuel cycle), spent nuclear fuel is radioactive waste that must be stored without reprocessing pending final disposal.

The discussion between the supporters of a closed nuclear fuel cycle and an open nuclear fuel cycle in EU law continues to this day. The legislation of European states in the field of the nuclear industry reflects these different approaches. Moreover, the current EU Directive 2011/70 on spent nuclear fuel and radioactive waste secured the compromise. Article 3 paragraph 11 of EU Directive 2011/70 «spent fuel» defines «nuclear fuel that has been irradiated and permanently removed from the reactor core. Spent nuclear fuel can also be considered as a renewable resource that can be reprocessed or disposed of as nuclear waste»⁹.

EU law details the legal concept of «spent nuclear fuel» from the perspective of various political, economic and scientific-technical approaches in the EU member states. For example, the French law school (Schneider, Marignac, 2008) considers spent nuclear fuel as a raw material with a renewable resource

in a closed nuclear fuel cycle due to the possession of the latest technologies in the field of processing spent nuclear fuel into new fuel for subsequent use at nuclear power plants. For countries such as Sweden, Finland (Larsson, Andersson, Wingefors, 1968, Stendahl, 2009, Lanaro, Brewitz, Brunk, Carlvik, Hedberg, Mörtberg, Ragnarsdotter Thor, Zika, 2015, Vilhunen, Kojo, Litmanen, Taebi, 2019) spent nuclear fuel is already waste for storage without further processing due to their political and economic approaches to this issue. For Bulgaria, Hungary and Romania (Tomov, 2015, Glodeanu, Patrascoiu, 2019, Takáts, Buday, 2003) spent nuclear fuel is nuclear waste for storage without further processing due to the fact that these countries do not have the latest reprocessing technologies due to a weak scientific, technical and economic base, since the process of reprocessing spent nuclear fuel is expensive and energy-intensive.

4. Conclusion

At present, the Russian Federation has begun industrial production of MOX nuclear fuel for fast reactors from spent nuclear fuel. In this regard, it would be worth considering the possibility of bringing the legal definition of «spent nuclear fuel» in the current Federal Law of the Russian Federation «On the Use of Atomic Energy» in accordance with new technologies (including the use of «voloxidation») in a closed nuclear fuel cycle. The following legal term can be proposed: *spent nuclear fuel is nuclear fuel that has been irradiated and finally removed from the reactor core, which is a renewable resource, and which can be further processed in a closed nuclear fuel cycle.*

Such a clearer legal definition of «spent nuclear fuel», in comparison with the current definition in Russian legislation, will make it possible to develop more productively the energy dialogue and mutually beneficial nuclear cooperation between the EU and Russia, showing more clearly the difference in approaches between closed nuclear fuel cycle and once-through fuel cycle. Such a legal approach, on the one hand, will make it possible to avoid double interpretation of spent nuclear fuel and legal gaps when concluding international treat-

pendium of International Legal Instruments in the Nuclear Energy Field, Part I, International School of Nuclear Law, University of Montpellier, AEN NEA, France, 2008 Session, p.68

⁹ Council Directive 2011/70/EURATOM of 19 July 2011 establishing a Community framework for the responsible and safe management of spent fuel and radioactive waste. Official Journal of the EU 199, 2.8.2011, pp.48–56

ties on the issue of spent nuclear fuel management.

A clear legal formulation of «spent nuclear fuel» will not make it possible to replace spent nuclear fuel with radioactive waste (for example, during transportation from third countries to the territory of the Russian Federation), to interpret the legal definition of «spent nuclear fuel» more broadly, including a number of radioactive waste, which in turn will help to avoid environmental crimes.

On the other hand, the content and context of Russian legislation can support innovation in the energy economy, and at the same time prevent abuse and damage to the environment, as well as lay down new principles for the func-

tioning of the system for the non-proliferation of fissile nuclear materials – uranium and plutonium.

In modern conditions of technological civilization, Russia's entry into the era of fast neutron reactors and the prospects for the construction of a molten salt reactor in the near future, are the events that oblige the legislator to be ready for the changes that have come and to timely prepare the legislative basis for the legal implementation of developing high-tech processes in the Russian nuclear industry and prevent environmental violations, thereby protecting future generations from radiation contamination of soil, air and water on the territory of the Russian Federation.

References

Glodeanu F., Patrascoiu S. *The challenges of Romanian back-end fuel cycle*. 2019. https://www.researchgate.net/publication/330956916_THE_CHALLENGES_OF_ROMANIAN_BACK-END_FUEL_CYCLE/link/5c5d230f299bf1d14cb3614f/download (accessed 7 December 2021).

Grishin A. N. *Pravovoi rezhim otrabotavshogo iadernogo topliva [Legal regime of spent nuclear fuel]*. 2011. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Правовой-режим-отработавшего-ядерного-топлива> (accessed 22 November 2021).

Grishin A. N. *Sovershenstvovanie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii v sfere obrashcheniia s otrabotavshim iadernym toplivom [Improvement of the legislation of the Russian Federation in the field of spent nuclear fuel management]*. 2011. <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-v-sfere-obrascheniya-s-otrabotavshim-yadernym-toplivom/viewer> (accessed 14 November 2021).

Grishchenko A. I. *Tendentsii razvitiia atomnogo prava zakonodatel'stva Rossii v svete Energeticheskoi strategii – 2030 [Trends in the development of nuclear law of Russian legislation in the light of the Energy Strategy – 2030]*. 2010. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/9e6/9e6fc564433872a22b99dadfb8139bd2.pdf> (accessed 14 November 2021).

Iablokov A. V. *Atomnoe navazhdenie, ili, pochemu ne stoit vvozit' v Rossiiu otrabotavshee iadernoe toplivo [Nuclear obsession, or why it is not worth importing spent nuclear fuel into Russia]*. 2001. URL: <http://nuclearno.ru/?id=2920> (accessed 13 October 2020).

Krikorian S. *France's Efficiency in the Nuclear Fuel Cycle: What Can 'Oui' Learn?* 2019. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/frances-efficiency-in-the-nuclear-fuel-cycle-what-can-oui-learn> (accessed 7 December 2021).

Kudriavtsev E. G., Gusakov-Stanukovich I. V. *Obrashcheniia s obluchennym iadernym toplivom v Rossiiskoi Federatsii [Spent nuclear fuel management in the Russian Federation]*. 2012. URL: <https://www.atomic-energy.ru/articles/2012/05/25/33663> (accessed 14 November 2021).

Lanaro F., Brewitz E., Brunk J., Carlvik N., Hedberg B., Hedberg Bj., Mörtberg A., Ragnarsdotter Thor, H., Zika H. *Safe and responsible management of spent nuclear fuel and radioactive waste in Sweden Notification of the Swedish National Programme under the Council Directive 2011/70/Euratom*. 2019. URL: <https://www.stralsakerhetsmyndigheten.se/contentassets/3338045571154db58fdd57ed6d793731/201532-safe-and-responsible-management-of-spent-nuclear-fuel-and-radioactive-waste-in-sweden-national-plan> (accessed 7 December 2021).

Larsson A., Andersson K., Wingefors S. *Sweden: Policy and licensing*. 1968. URL: <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/magazines/bulletin/bull28-1/28104694144.pdf> (accessed 7 December 2021).

Rodriguez-Penalonga L., Yolanda Moratilla Soria B. *A Review of the Nuclear Fuel Cycle Strategies and the Spent Nuclear Fuel Management Technologies*. 2017. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwivg4zQ6tH0AhW8kcMKHbM9Bjw4ChAWegQIBRA-B&url=https%3A%2F%2Fwww.mdpi.com%2F1996-1073%2F10%2F8%2F1235%2Fpdf&usg=AOvVaw37nA2m0jzyMKcwblt2ykiS> (accessed 7 December 2021).

Schneider M., Marignac Y. *Spent Nuclear Fuel Reprocessing in France*. 2008. URL: <https://fissilematerials.org/library/rr04.pdf> (accessed 29 November 2021).

Stendahl S. *Spent nuclear fuel and the principle of national responsibility: national policies in a European context; the case of Sweden*. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/228653265_Spent_nuclear_fuel_and_the_principle_of_national_responsibility_national_policies_in_a_European_context_the_case_of_Sweden (accessed 7 December 2021).

Supataeva O. A. *O sovershenstvovanii zakonodatel'noi bazy obrashcheniia s RAO i OIAT [On improving the legislative framework for the treatment of raw and spent nuclear fuel]*. 2009. URL: <https://www.atomic-energy.ru/articles/2009/01/26/1864> (accessed 29 November 2021).

Takáts F., Buday G. *Spent fuel dry storage in Hungary*. 2003. URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/publications/PDF/csp_020c/PDF/CSP-20_Part_1.pdf (accessed 7 December 2021).

Tomov E. *O bolgarskom OIAT [About Bulgarian spent nuclear fuel]*. 2015. URL: <https://www.atomic-energy.ru/articles/2015/05/06/12340> (accessed 7 December 2021).

Vilhunen T., Kojo M., Litmanen T., Taebi B. Perceptions of justice influencing community acceptance of spent nuclear fuel disposal. A casestudy in two Finnish nuclear communities. 2019. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/13669877.2019.1569094?needAccess=true> (accessed 7 December 2021).

Zhiznin S. Z., Timokhov V. M. *Iadernye aspekty energeticheskoi diplomatii [Nuclear Aspects of Energy Diplomacy]*, Moscow, MGIMO-University, 2017. 264 p.

EDN: PLTEZW
УДК 165.19

Political and Legal Knowledge and Attempts by People to Control the Unknown with the Help of Religion

Sergey A. Drobyshevsky* and Tatyana V. Protopopova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 17.11.2022, received in revised form 28.12.2022, accepted 24.03.2023

Abstract. Scientific knowledge cannot reduce the scope of the unknown laws of the universe, the action of which can destroy humanity at any moment. In this situation human individuals turn to religion, using political and legal knowledge to control the unknown. For example, people declare the universe to be a politically organized society. They call the sovereign of such a comprehensive integrity God, declare their obedience to the law created by Him, take for granted divine sanctions for offenses established by the Almighty, and also ask the said ruler to help meet human needs. For those who do not believe in religion, this method of controlling the unknown does not allow to cognize the unknown sphere of the world and use the relevant information for the preservation and progress of human individuals. Believers hold the opposite belief. Therefore, adherents of religion calmly perceive themselves and the world around them as objects that can be improved by them, and with confidence in success undertake a variety of creative activities in various areas of social life. Non-believers, who are interested in the survival and progress of human individuals, cannot but be pleased with such efforts of believers, in harmony with their own efforts to achieve mentioned goals, and, as a rule, do everything possible to support these actions of believers. As a result, the described religious practice contributes to the survival and progress of mankind. Apparently, this explains its presence in all human societies.

Keywords: universe, the unknown, the survival of humanity, religion, politics, law, natural law.

Research area: law.

Citation: Drobyshevsky S.A., Protopopova T.V. Political and legal knowledge and attempts by people to control the unknown with the help of religion. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 740–752. EDN: PLTEZW

Политико-правовое знание и попытки контроля людьми непознанного с помощью религии

С.А. Дробышевский, Т.В. Протопопова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Научное познание не может сократить сферу непознанных закономерностей вселенной, действие которых в состоянии в любой момент уничтожить человечество. В этой ситуации человеческие индивиды обращаются к религии, применяя для контроля непознанного политико-правовое знание. Например, люди объявляют вселенную политически организованным обществом. Суверена такой всеобъемлющей целостности они именуют Богом, заявляют о своем повиновении созданному им праву, воспринимают как должное божественные санкции за установленные Всевышним правонарушения, а также просят названного властителя помочь в удовлетворении людских потребностей. Для тех, кто не верит в религию, указанный способ контроля непознанного не позволяет познать неизвестную людям сферу мира и использовать соответствующие сведения для сохранения и прогресса человеческих индивидов. Верующие же придерживаются противоположного убеждения. Поэтому приверженцы религии спокойно воспринимают самих себя и окружающий мир как объекты, которые могут быть ими усовершенствованы, и с уверенностью на успех предпринимают многообразную созидательную деятельность в различных областях социальной жизни. Неверующие же, заинтересованные в выживании и прогрессе человеческих индивидов, не могут не быть довольными такими усилиями верующих, гармонирующими с их собственными стараниями для достижения отмеченных целей, и, как правило, предпринимают все возможное для поддержки указанных действий верующих. В итоге охарактеризованная религиозная практика способствует выживанию и прогрессу человечества. По-видимому, так объясняется ее присутствие во всех человеческих обществах.

Ключевые слова: вселенная, непознанное, выживание человечества, религия, политика, право, естественное право.

Научная специальность: 5.1.1 – теоретико-исторические правовые науки.

Цитирование: Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Политико-правовое знание и попытки контроля людьми непознанного с помощью религии. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 740–752. EDN: PLTEZW

Введение в проблему исследования. Эта проблематика традиционно выступает объектом познания. Ей посвящено множество публикаций, в том числе сочинений авторитетных деятелей религии (Августин Блаженный 1994; Фома Аквинский, 2012; Boyer, 1994; Berman, 1974; Буайе, 2017: 22–23).

Приверженцы религиозных вероучений в такого рода работах исходят из того, что контроль людьми непознанного с помощью религии эффективен. Правда, ведутся споры относительно его деталей. Скажем, в сочинении Фомы Аквинского «Сумма теологии» приводятся противоречащие друг

другу мнения об этих частностях. Они сформулированы разными теоретиками религии, включая его самого (Фома Аквинский, 2012: Т. I. Трактат о священном учении. Вопрос 1. Разделы 7 и 8. Трактат о едином Боге. Вопрос 19. Раздел 8.).

Однако присутствующие в научной литературе атеистические воззрения этот контроль вообще не предполагают в качестве нужного для людей, поскольку содержат «отрицание всякой религии» (Философский словарь, 1980: 25). Например, речь идет о следующей аргументации, сформулированной А. В. Маслихиным. «С нашей точки зрения, – отметил этот исследователь, – религиозная версия мироздания является фантастической, иллюзорной, поэтому в будущем она будет вытеснена научной... ибо только мудрость позволяет создать истинную и правдивую картину мира, иметь научное сознание» (Маслихин, 2011: 10).

Осмысление приведенных идей в плане выявления в них моментов истины и заблуждения необходимо. Отсюда вытекает актуальность предпринятого далее формулирования ряда суждений, которые выявляют рациональное зерно в ранее созданной теории и позволяют применить его и в науке, и на практике. Иными словами, упомянутые суждения имеют теоретическую и практическую значимость.

Концептуальные основания исследования. Они включают ряд идей. Прежде всего человечество познает закономерности существования самого себя и окружающего мира посредством науки. Люди используют эти необходимые и существенные связи в их деятельности для обеспечения своего выживания, а также прогресса, понимаемого как все большее господство человеческих индивидов над собственной и внешней природой (Pound, 1968: 16).

Однако на любом этапе познания люди находятся в одной и той же ситуации. Независимо от успехов познавательной деятельности, осуществляемой научными методами, сфера непознанного не уменьшается. Здесь справедливы слова И. Бентама, сформулированные, правда, по другому поводу.

«Горизонт расширяется по мере того, как мы движемся» (Бентам, 1867: 327).

От неизвестных людям закономерностей непознанной ими области зависит не только прогресс, но и само выживание человеческого общества. Ведь действие таких неизученных человеком необходимых и существенных связей вселенной может в любой момент не только затормозить человеческий прогресс, но и уничтожить человечество.

В этой ситуации люди при попытках контролировать непознанную ими сферу обычно используют все свои возможности максимально. Такой их образ действий понятен. Люди в массе своей хотят выжить и совершенствоваться.

Постановка проблемы. Человеческие индивиды в политически организованном обществе для обеспечения своего самосохранения и прогресса в условиях потенциальных угроз со стороны неизвестной им части вселенной обращаются к религии. Их соответствующая религиозная деятельность для контроля непознанного выступает как использование имеющегося у человечества опыта выживания и совершенствования в политически организованном обществе, где осуществляется правовое регулирование. В ходе нее применяется политико-правовое знание, которым обладают человеческие индивиды.

Так поступать людям позволяют характерные черты религии. В самом деле, «религиозные понятия и верования есть... представление социального порядка. Вот почему говорят, что специфические формы социальной организации ведут к принятию специфических форм религиозного мышления и практики» (Boyer, 1994: 13).

Причем отмеченное «представление» в политически организованном обществе включает обращение к политике как к правовому регулированию и, более конкретно, к праву. Ведь здесь неизменно присутствуют «политические» (Boyer, 1994: IX), включая правовые, «аспекты религиозного убеждения» (Boyer, 1994: IX). В частности, имеется в виду то, что «религия без права теряет свой социальный и исторический характер

и становится чисто личной мистикой. Право (процесс разрешения конфликтов и создание каналов кооперации путем распределения юридических прав и обязанностей) и религия (коллективная забота о конечном смысле и цели жизни, а также приверженность этим смыслу и цели) являются двумя различными измерениями человеческого опыта» (Berman, 1974). Вместе с тем в указанном обществе «в каждой религии есть и должен быть правовой элемент... Религия сама имеет правовые измерения» (Berman, 1974). Проблема заключается в том, каковы они, когда идет речь о попытках людей контролировать с помощью религии непознанную человечеством часть вселенной.

Методология. Примененные методы для исследования попыток контроля людьми в политически организованном обществе непознанного с помощью религии отобраны исходя из необходимости точного установления того, как именно эти человеческие усилия осуществляются, каковы их политико-правовые «измерения» и результаты. Для решения указанных задач прежде всего подходят общенаучные способы познания. Из них наиболее широко использованы наблюдение, анализ, синтез, сравнение, предполагающее противопоставление; формально-логическое умозаключение. Однако для осуществления выделенных задач потребовалось также обратиться к собственным политологии и правоведению понятийным аппаратам этих отраслей знания в разнообразии исторических условий. Имеется в виду использование в проведенном исследовании терминов политика, политически организованное общество, государство, государственно-организованное общество, система государственных органов, суверен, суверенная власть, право, правовое регулирование, система правовых норм, правоприменительная деятельность, правонарушение и т.п.

Обсуждение. Как известно, в политически организованном обществе человеческие индивиды обеспечивают свое самосохранение и прогресс путем реализации комплекса мер, вытекающих из познанных ими закономерностей функционирования этого

социального организма. В частности, люди обычно выказывают почтение действующей суверенной власти, добровольно подчиняются сформулированному ею праву, воспринимают как должное правоприменительную деятельность, включая санкции за правонарушения, и выдвигают адресованные суверену просьбы исполнить их желания относительно политико-правовой проблематики.

Подобным образом человеческие индивиды во многих случаях пытаются и посредством религии контролировать непознанные ими силы вселенной, создавая для этого систему соответствующих мер. Последние включают применение имеющихся у человечества политико-правовых знаний.

Например, люди объявляют вселенную политически организованным обществом, где осуществляется правовое регулирование. Суверена такой всеобъемлющей целостности они именуют Богом, заявляют о своем повиновении созданному им праву, воспринимают как должное божественные санкции за установленные Всевышним правонарушения, а также просят названного властителя помочь в удовлетворении людских потребностей что касается желанной для этих лиц политики и права. В частности, современные «иудаизм и христианство... провозглашают, что сам Бог является законодателем и судьей; более того, его законы и судебные решения есть чудесная вещь, предмет грандиозности и радости, благодетель для человечества. Это выражается повсюду и в Ветхом, и в Новом Завете» (Berman, 1974).

Едва ли такой способ контроля непознанного за пределами научного познания не есть лучшее из того для этой цели, что человечество пока придумало. Обоснование просто.

Люди используют для указанного контроля наиболее общие закономерности познанной ими сферы мира, обеспечивающие при своем действии выживание и прогресс человеческих индивидов. Иными словами, человечество применяет квинтэссенцию всего полезного для людских нужд знания, которое оно имеет.

Не случайно выделенный способ контроля человеческими индивидами непознан-

ного широко распространен в политически организованных обществах прошлого и современности. В самом деле, он представляет собой религиозную практику с использованием политико-правовых знаний, без которой, как известно, не обходился и не обходится ни один отмеченный социальный организм. Имеются в виду и те, где влиятельны атеистические воззрения (Буайе, 2017: 15).

Исторических примеров наличия такого рода религиозной практики с использованием политико-правовых знаний в политически организованных обществах можно привести сколько угодно. Скажем, она присутствовала в условиях первобытности, греко-римской цивилизации древности и западноевропейского средневековья.

Что касается первобытного общества, где, как обосновано рядом авторов, есть политика (Hoebel, 1958: 486; Naas, 1982: 3–4) и право (Hoebel, 1966: 14), то здесь практика взаимодействия с природой самых древних в истории коллективов охотников-собирателей никоим образом не благоприятствует складыванию в человеческих умах представления о том, что люди – господа природы. Напротив, такой опыт убеждает человеческих индивидов в верности противоположного утверждения.

Они считают, что природные явления либо равны объединениям людей по могуществу, либо превосходят эти организации по силе и в состоянии причинить ущерб человеческим индивидам, которые его не могут предотвратить. Не исключено, что именно поэтому первобытные охотники-собиратели приравнивают себе окружающие природные феномены, воспринимая неодушевленные явления природы как живые, нередко олицетворяя и наделяя их психикой, то есть очеловечивая. Притом последняя подчас тождественна человеческой, а иногда и лучше развита, чем у людей (Роуз, 1981: 52; Васильев, 1983: 32–33, 39–40; Элькин, 1952: 176; Тайлор, 1989: 312; Hoebel, 1954: 69–70).

Нецивилизованные охотники-собиратели, руководствуясь своим опытом контактов друг с другом и с внешней средой (Service, 1966: 68), воспринимают вселенную как вза-

имодействие привычных им общин. Однако, как считают человеческие индивиды, кроме них самих каждое такое политически организованное общество включает в качестве членов противостоящие человечеству феномены окружающей природы (Элькин, 1952: 194–195; Falkenberg, 1982: 128–129). Более того, люди полагают, что взаимодействующие с ними олицетворенные и наделенные умом отдельные явления космоса, в том числе стихийные силы, небесные тела, болезни, полезные ископаемые, подчиняются правовым и иным правилам этих обществ (Элькин, 1952: 194–195; Falkenberg, 1982: 128–129).

По взглядам первобытных охотников-собирателей, порядок в мире поддерживается через согласование поведения руководства составляющих вселенную политически организованных обществ. Управляющими же структурами каждого подобного объединения выступают органы, состоящие из человеческих индивидов и иных имеющих психические свойства явлений природы, равно как и отдельные люди и указанные взаимодействующие с человечеством естественные феномены. Именно эти структуры руководства принимают и изменяют правовые нормы, действующие в описываемых общинах (Берндт Р.М., Берндт К.Х., 1981: 195, 200; Охотники. Собиратели. Рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе, 1972: 272–273; Элькин, 1952: 183; Исследования по общей этнографии, 1979: 219).

Вселенная воспринимается людьми как не отличающаяся от каждого включающего их политически организованного общества в том, что является упорядоченной, когда интересы всех ее частей уравновешены, а именно среди последних нет находящихся в привилегированном либо в приниженном положении. Если же такой ситуации нет, то космос дезорганизован и в итоге имеет место вред всем участникам космического общения, в том числе человеческим индивидам. Вот почему люди убеждены, что для них вредоносное поведение в отношении не принадлежащих к человечеству олицетворенных феноменов природы непозволительно, ибо наносит ущерб самим

человеческим индивидам. Более того, всем участникам космического взаимодействия нужно содействовать друг другу таким образом, чтобы среди них не было обиженных (см. Элькин, 1952: 89; Hoebel, 1954: 69–74; Берндт Р.М., Берндт К.Х., 1981: 310).

В частности, люди в нецивилизованных политически организованных обществах, руководствуясь этими своими политико-юридическими знаниями, обычно не жалуют времени для религиозных обрядов, которые, как считают человеческие индивиды, приносят пользу взаимодействующим с ними олицетворенным явлениям природы. Обрядовая практика существует потому, что первобытные охотники-собиратели рассматривают себя должниками по отношению к указанным природным феноменам. Последние, по мнению людей, выступают их кредиторами, предоставляющими человечеству многообразие благ и прежде всего саму человеческую жизнь. Своими обрядами члены нецивилизованных политически организованных обществ стремятся компенсировать такие блага.

Между прочим, именно поэтому первобытные австралийские аборигены, осуществляя обрядовые действия, «ведут себя по отношению к олицетворенным естественным видам и явлениям совершенно так же, как по отношению друг к другу» (Элькин, 1952: 194). По их представлениям, «стоит только... не выполнить обрядов – и... само существование человека и природы будет поставлено под угрозу» (Элькин, 1952: 185), состоящую в том, что «жизнь... прервется» (Элькин, 1952: 185).

Иллюстрируемый способ контроля человеческими индивидами непознанного широко применялся в греко-римской цивилизации древности. В частности, о стоических идеях, используемых в попытках такого контроля, известно, например, следующее.

Как полагал Эпиктет, «мир есть единое государство, и он создан из единой субстанции. Ему присущ необходимый кругооборот, и одно уступает в нем место другому» (Древнеримские мыслители, 1958: 118). Разделяя это мнение, Сенека прибавлял: «Два государства... объемлем мы душою: одно

поистине общее... вмещающее богов и людей, где мы не глядим на тот или на этот угол, но ходом солнца измеряем пределы нашей гражданской общины; и другое, к которому мы приписаны рождением» (Сенека Луций Анней, 1977: 341).

Аналогичные суждения сформулировал и Марк Аврелий. По его словам, «человек – гражданин» (Марк Аврелий, 1914: 33) высшего государства. По отношению к последнему «все остальные государства – только отдельные домохозяйства... Если духовное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане. Следовательно, мы причастны к какому-нибудь гражданскому устройству, а мир подобен» (Марк Аврелий, 1914: 33, 41) государству. «Ибо кто мог бы указать на какое-нибудь другое общее устройство, к которому был бы причастен весь род человеческий? Отсюда-то, из этого» (Марк Аврелий, 1914: 41) государства, «и духовное начало в нас, и разумное, и закон» (Марк Аврелий, 1914: 41). Притом во всемирном государстве «все совершается... не только согласно определенному порядку, но и согласно справедливости, точно кто-то распределил все сообразно достоинству» (Марк Аврелий, 1914: 42).

По представлениям стоиков, Бог как суверен всемирного государства формулирует для всей этой целостности естественное или природное право. В отдельном государственно-организованном обществе людей свойственная ему система государственных органов создает еще одну систему правовых норм. Так как человеческое государство входит во всемирное, эта система не должна противоречить естественному праву. Например, если, как считал Эпиктет, по божественному естественному праву лучшее должно всегда господствовать над худшим (Greek Philosophy, 1959: 307), то в системах права человеческих государств нужно добиться руководящей роли лучших людей.

В западноевропейском средневековье характеризуемый способ контроля челове-

ческими индивидами непознанного происходил на базе идей крупнейших мыслителей этой эпохи. Имеются в виду, между прочим, следующие суждения Фомы Аквинского. Они в известной мере схожи с отмеченными идеями стоиков.

Первое. «Мы можем составить определение закона, который есть не что иное, как направленное на общее благо и обнародованное установление разума того, кто призван заботиться обо всем сообществе» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 90. Раздел 4). И «коль скоро мир... управляется божественным провидением, то, следовательно, всем вселенским сообществом правит божественный разум. Поэтому сама идея управления миром в Боге, Правителе вселенной, имеет природу закона. И коль скоро замысел божественного разума, согласно сказанному в Писании (Прит. 8, 23), не подчинен времени и вечен, то и этот вид закона необходимо должен быть назван вечным... Вечный замысел божественного закона, являясь определенным Богом к управлению предвиденными Им вещами, имеет характер вечного закона... Коль скоро все подчиненные божественному провидению вещи... управляются и измеряются вечным законом, то очевидно, что все вещи так или иначе причастны вечному закону, а именно они обладают соответствующими им склонностями к надлежащим им действиям и целям в той мере, в какой в них всеян вечный закон. Но из всего сотворенного разумная тварь подчинена божественному провидению наиболее превосходным образом, поскольку она в определенном смысле сопричастна провидению через помышление как о себе, так и о других. Таким образом, она сопричастна Вечному Разуму благодаря чему обладает естественной склонностью к надлежащему акту и цели, и такая причастность разумной твари вечному закону называется естественным законом» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 91. Разделы 1, 2; Библия, или Священные книги Ветхого и Нового Завета, 1876–1878) или правом.

Естественный закон «Бог всевает... в человеческий разум так, что он стано-

вится известным человеку естественным образом... Как в созерцательном разуме из известных нам по природе недоказуемых начал выводятся заключения различных наук, знание которых не присуще нам по природе, но достигается исключительно посредством умственных усилий, точно так же из предписаний естественного закона как из общих и недоказуемых начал человеческий разум должен приходить к относящимся к конкретным вопросам более частным установлениям. Эти выведенные человеческим разумом частные установления называются человеческими законами» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 90. Раздел 4. Вопрос 91. Раздел 3). При этом «те определения, которые сделаны в соответствии с человеческим законом, считаются определениями... действующего права» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 99. Раздел 3).

Человеческий закон «является правилом и мерой, управляемым и измеряемым более возвышенными [правилом и] мерой. И эти более возвышенные правило и мера двояки, а именно божественный закон и естественный закон» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 95. Раздел 3). При определении ими человеческого права у людей «нет власти не от Бога...» и потому «противящийся власти» в делах, на которые распространяются ее полномочия, «противится Божию установлению (Рим. 13. 1. 2)» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 96. Раздел 4; Библия, или Священные книги Ветхого и Нового Завета, 1876–1878).

Второе. «Чтобы любой человек мог правильно жить в сообществе», его поведение должно характеризоваться следующим. «Он правильно действует в отношении главы сообщества... Поэтому было необходимо, чтобы божественный закон содержал... предписания, определяющие человека в его отношениях с Богом... В отношении главы сообщества от человека требуется три вещи: во-первых, преданность; во-вторых, почтение; в-третьих, служение. Преданность своему господину состоит в том, что принадлежащее ему по праву не передается кому-либо другому, что выражено в... заповеди слова-

ми: «Да не будет у тебя других «богов» пред лицом Моим». Почтение своему господину выражается в том, что его достоинству непозволительно наносить никакого ущерба, и это передано... заповедью: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно». Служение своему господину является платой за те выгоды, которые получили от него его слуги, и об этом говорит нам... заповедь об освящении дня субботы в память о сотворении всего» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 100. Раздел 5).

Только что сформулированная идея о поведении человека в отношении Бога как главы вселенского сообщества выражена Фомой Аквинским и иначе. По его словам, «порядок разума выстраивается от цели... В наибольшей степени противной человеческому разуму является неупорядоченная расположенность к цели... В войске, которое определено к военачальнику как к своей цели, в первую очередь необходимо подчинение солдат военачальнику, а противоположное этому наиболее горестно... Из всего того, посредством чего мы определяемся к Богу, первым является то, что человек должен подчиняться ему со всею преданностью и не иметь ничего общего с Его врагами. Вторым – то, что он должен оказывать Ему почтение. Третье – то, что он должен предложить Ему свое служение. Ведь так и в войске: куда большим проступком солдата является измена и вступление в сговор с противником, нежели непочтение к военачальнику, а последнее куда хуже, нежели проявляемая им в некоторых вопросах служебная нерадивость» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 100. Раздел 6). Причем «нельзя полагать, что мы можем приобрести все необходимое для жизни без помощи Бога, но только посредством одних лишь своих усилий, каковую мысль Господь отвергает, говоря, что человек никак не может прибавить себе роста (Мф. 6, 27)» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 108. Раздел 3; Библия, или Священные книги Ветхого и Нового Завета, 1876–1878).

Как считал Фома Аквинский, «главным назначением всего внешнего поклонения

является предоставление человеку возможности поклоняться Богу... Человек менее всего склонен почитать обыденное и схожее со всем остальным, тогда как то, что отличается от другого, причем в смысле некоторого превосходства, восхищает его и вызывает почтение. По этой причине существует обычай, что цари и князья, которые должны почитаться своими подданными, облачаются в драгоценные одежды и владеют наибольшими и наикрасивейшими дворцами. И по той же причине для поклонения Божеству надлежало назначить особое время, особое помещение, особые сосуды и особое служение, дабы благодаря этому душа человека могла быть приведена к наибольшему почитанию Бога» (Фома Аквинский, 2012: T.VI. Трактат о законе. Вопрос 102. Раздел 4).

Реализуя такие представления, христианская религиозная практика и в Средние века, и ныне пытается с использованием политико-правового знания контролировать непознанную человечеством часть вселенной. Эта и остальные осуществляемые людьми попытки указанного контроля, в том числе ранее охарактеризованные, делаются человеческими индивидами прежде всего именно для своего выживания.

Естественно, что самосохранение человечества должно рассматриваться как высочайшая цель, которую люди осуществляют при реализации сформулированного для них Богом естественного закона или права. Разумеется, из нее вытекает высочайшая или наиболее общая для человеческих индивидов норма естественного права.

Последняя должна непосредственно реализовывать указанную цель. Именно это обстоятельство определяет то, что рассматриваемое правило собой представляет.

Относительно содержания такого предписания ясно и следующее. Во-первых, несомненно, что указанное наиболее общее правило будет соотноситься с остальными нормами естественного права как общее, с одной стороны, и вся конкретизация этого общего – с другой. Иного соотношения просто не может быть логически.

Во-вторых, самая общая норма естественного права будет реализовывать наибо-

лее общую цель, стоящую перед обществом. Правила же, конкретизирующие самую общую норму, выступают как осуществление остальных целей общества. Причем последние являются конкретизацией его наиболее общей цели.

Два классика юриспруденции не согласны с тем, что высочайшей или наиболее общей целью естественного права для подчиняющихся ему людей является обеспечение выживания человечества. Подразумеваются Т. Гоббс и Л.Л. Фуллер. Естественно, что, по их взглядам, не она должна закрепляться в самом определении содержания наиболее общего правила естественного права.

Скажем, Т. Гоббс писал следующее, характеризуя «естественные законы... Для того чтобы никто из людей не мог оправдываться незнанием этих законов, они были резюмированы в одном легком правиле, доступном пониманию и самого неспособного человека. И это правило гласит: не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе» (Гоббс, 1964: 183).

Л.Л. Фуллер же полагал, что из «высочайшей» (Fuller, 1964: 185) цели людей вытекает содержание «центрального... принципа» (Fuller, 1964: 186) естественного права. И из его изложения ясно, что если эта цель есть самая высокая, то она и наиболее общая (see Fuller, 1964: 18–19, 184–186). Так что из нее вытекает и самое общее правило естественного права.

Что касается содержания указанной нормы, то оно, по словам Л.Л. Фуллера, таково. «Устанавливай, поддерживай и сохраняй целостность путей общения, посредством которых люди передают друг другу то, что понимают, чувствуют и желают» (Fuller, 1964: 186). Эта норма следует из цели поддержания общения между людьми.

Однако едва ли Л. Л. Фуллер прав в определении высочайшей или наиболее общей цели естественного права для подчиняющихся ему людей. Она есть выживание, то есть обеспечение существования общества. Ведь без поддержания существования людей об их общении не может быть и речи. Общение людей есть часть существования

человеческого общества, правда, необходимая. Вот почему неверна и приведенная идея Л.Л. Фуллера о содержании наиболее общего предписания естественного права.

Если же попытаться исправить его ошибку, то исходить нужно из того, что эта норма призвана непосредственно реализовывать самую общую цель людей, а именно обеспечение существования общества. Отсюда содержание рассматриваемого правила должно быть следующим. Людям необходимо делать все нужное для обеспечения существования своего общества.

Разумеется, они должны и общаться друг с другом. Но этот императив есть хотя и норма естественного права, но не самая общая.

Не случайно Аврелий Августин писал: «Говорят справедливо, что в своем роде первый и сильнейший голос природы внушает человеку, чтобы он... избегал смерти; что он друг себе до такой степени, что хочет быть одушевленным существом, хочет жить в этом соединении души и тела и горячо стремится к этому. Велика сила тех зол, которые побеждают это естественное чувство, избегающее смерти всяческим образом, всеми силами и средствами» (Августин Блаженный: Книга девятнадцатая, глава IV).

Также не случайно Фома Аквинский, рассуждая о содержании естественного закона или права, выразился следующим образом. «Очевидно, что порядок предписаний естественного закона соответствует порядку естественных склонностей... В человеке в первую очередь наличествует склонность к тому благу, которое по природе общо человеку и всем остальным субстанциям, и коль скоро любая субстанция по природе стремится сохранить свое бытие, то в связи с этой [основополагающей] склонностью естественный закон распространяется на все те средства, которые способствуют сохранению человеческой жизни или уклонению от того, что ей препятствует. Во-вторых, в человеке наличествует склонность к тому, что принадлежит ему более частным образом, а именно к тому, что по природе общо ему и всем остальным животным. Со стороны этой склонности к естественному закону

относится все то, о чем говорят как о “сообщенном природой всем животным”, а именно соитие, воспитание потомства... В-третьих, в человеке наличествует склонность к благу согласно природе его разума, каковая природа свойственна только ему. Так, человеку присуща естественная склонность знать истину о Боге и жить в обществе. В этом отношении все, что принадлежит этой склонности, принадлежит к естественному закону; например, избегать невежества, не обижать тех, с кем живешь... Хотя предписания естественного закона сами по себе множественны, тем не менее они зиждутся на одном общем им всем основании» (Фома Аквинский, 2012: Т.VI. Трактат о законе. Вопрос 94. Раздел 2), а именно на необходимости выживания человечества.

Что же касается сформулированной Т. Гоббсом самой общей нормы естественного права, часто именуемой «золотым правилом» (Чистое учение о праве Ганса Кельзена, 1988: 168), то оно вообще не укладывается в содержание естественного права, ибо не обеспечивает существования общества. Это доказал Г. Кельзен (Чистое учение о праве Ганса Кельзена, 1988: 168–170).

В частности, он отметил следующее. Люди, даже находясь в одинаковом положении, зачастую «хотят разного. То, что один человек считает хорошим обращением для себя и поэтому, следуя золотому правилу, именно так обращается с другим, может восприниматься этим другим как дурное обращение. Для одного ложь и обман могут быть желательны, а для другого – нежелательны» (Чистое учение о праве Ганса Кельзена, 1988: 170). Отсюда в политически организованном обществе при осуществлении «буквально» (Чистое учение о праве Ганса Кельзена, 1988: 170) понимания золотого правила непременно возникнут «конфликты» (Чистое учение о праве Ганса Кельзена, 1988: 170), неминуемо вызывающие уничтожение отмеченного социального организма.

Заключение. Характеризуемый способ контроля человеческими индивидами непознанного, представляющий собой религиозную практику с использованием политико-правовых знаний, противоположным образом

оценивается верующими и неверующими в религию. Для тех, кто не верит, он не позволяет людям познать неизвестную им сферу мира и использовать соответствующие сведения для своего самосохранения и прогресса. Упадок или гибель многих обществ в истории, где рассматриваемый метод широко применялся, об этом свидетельствуют.

Поэтому для неверующих не может быть сомнения в следующем. Обеспечить самосохранение и прогресс общества способна лишь познавательная деятельность, осуществляемая научными методами, с уже отмеченным ограничением. Имеется в виду то, что непознанная наукой сфера никогда не сокращается и усилий науки для обеспечения выживания и прогресса общества может оказаться недостаточно.

Между прочим, в пользу последнего сформулированного заключения свидетельствует такой факт. Как отмечали Аврелий Августин и Фома Аквинский, неразумно полагать, что человек может иметь полный успех в своей деятельности, в том числе познавательной, без помощи Бога. Человеческих сил попросту не хватит (см. Августин Блаженный: книга пятнадцатая глава XVIII, книга девятнадцатая глава IV; Фома Аквинский, 2012: Т.VI. Трактат о законе. Вопрос 108. Раздел 3). Ими выражена та же самая мысль, что и в приведенном ранее библейском изречении: человек не может прибавить себе роста, дабы быть способным решить все стоящие перед ним задачи без поддержки Божества.

Однако для верующих в религию характеризуемый способ контроля человеческими индивидами непознанного, представляющий собой религиозную практику с использованием политико-правовых знаний, с несомненностью позволяет людям познать неизвестную им сферу мира и использовать соответствующие сведения для своего самосохранения и прогресса. Упадок же или гибель многих обществ в истории, где рассматриваемый метод широко применялся, свидетельствуют лишь о двух вещах. Подразумеваются либо ложность религии в той или иной степени, либо ошибки при обсуждаемом контроле.

В этой ситуации при осуществлении описанной религиозной практики с использованием политико-правовых знаний верующие

спокойно воспринимают самих себя и окружающий мир как объекты, которые могут быть ими усовершенствованы, и с уверенностью на успех предпринимают многообразную созидательную деятельность в различных областях социальной жизни. Неверующие же, заинтересованные в выживании и прогрессе общества, не могут не быть довольными такими усилиями верующих, гармонирующими с их собственными стараниями для достижения отмеченных целей, и поэтому, как правило, предпринимают все возможное для поддержки указанных действий приверженцев религии.

В итоге рассмотренная религиозная практика приносит пользу человечеству в деле обеспечения его выживания и прогресса. Притом, по-видимому, именно так понимаемой ее полезностью объясняется уже упомянутое

присутствие этой деятельности во всех человеческих обществах.

Правда, специалисты обосновывают пользу от рассматриваемой практики и иными обстоятельствами. В частности, рациональное зерно присутствует в следующих суждениях. Во-первых, «религия снижает тревожность и делает окружающий нас мир более комфортным местом обитания» (Буайе, 2017: 15). Во-вторых, «религия может дать людям чувство безопасности и некоторого комфорта, так что люди оказываются способными устранить психологическую озабоченность и страх» (Yang Heli, 2012). Эти суждения не противоречат сформулированному до них обоснованию полезных результатов для человечества от применения указанной религиозной практики.

Список литературы

- Августин Блаженный. *О граде Божием*. 1994. Available at: <http://azbyka.ru//www.lib.pravmir.ru/library/book/2774> (accessed 15 October 2022).
- Бентам И. *Избранные сочинения*. СПб.: Издание «Русской книжной торговли, 1867, 678 с.
- Берндт Р. М., Берндт К. Х. *Мир первых австралийцев*. М.: Наука, 1981, 448 с.
- Библия, или Священные книги Ветхого и Нового Завета*. СПб., М.: М. О. Вольф, 1876–1878. Т. 1, 630 с.; Т. 2, 605 с.; Т. 3, 314 с.
- Буайе П. *Объясняя религию. Природа религиозного мышления*. М.: Альпина нон-фикшн, 2017, 496 с.
- Бьерре Й. *Затерянный мир Калахари*. М.: Мысль, 1964, 192 с.
- Васильев Л. С. *История религий Востока*. М.: Высшая школа, 1983, 368 с.
- Гоббс Т. *Избранные произведения: в 2 т. Т. 2*. М.: Мысль, 1964. 747 с.
- Древнеримские мыслители. Свидетельства, тексты, фрагменты*. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1958. 280 с.
- Исследования по общей этнографии* / под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1979. 282 с.
- Марк Аврелий. *Наедине с собой. Размышления*. М.: М. и С. Сабашниковы, 1914. LVI. 199 с.
- Маслихин А. В. Религиозное и атеистическое сознание. *Вестник Марийского государственного университета*, 2011, 6, 5–10.
- Охотники. Собиратели. Рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе* / под ред. А. М. Решетова. Л.: Наука, 1972. 288 с.
- Роуз Ф. *Аборигены Австралии. Их прошлое и настоящее*. М.: Наука, 1981. 160 с.
- Сенека Луций Анней. *Нравственные письма к Луцилию*. М.: Наука, 1977. 384 с.
- Тайлор Э. Б. *Первобытная культура*. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1980. 719 с.
- Фома Аквинский. *Сумма теологии*. Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис, 2012. Т. 1, 6. Available at: <http://search.rsl.ru/gu/record/01000974615> (accessed 25 October 2022).
- Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. переводов. Вып. 2* / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1988. 213 с.
- Элькин А. *Коренное население Австралии*. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. 254 с.
- Berman H. J. *The Interaction of Law and Religion*. Nashville, N. Y.: Abingdon Press, 1974. 174 p. Available at: <http://www.socialtheology.com/docs/berman-law-and-religion-000074.pdf> (accessed 28 October 2022).

- Boyer P. *The Naturalness of Religious Ideas: A Cognitive Theory of Religion*. Berkeley: University of California Press, 1994. 342 p.
- Falkenberg J. Tribe, Material Culture and Communication among the Murinbata of Northern Australia. In *Tromso Museums Skrifter*, 1982, 18, 119–136.
- Fuller L. L. *The Morality of Law*. New Haven: Yale University Press, 1964. 202 p.
- Greek Philosophy. A Collection of Texts with Notes and Explanations*. Ed. by C. J. de Vogel. The Hellenistic-Roman Period. Leiden: E. J. Brill, 1959. Vol. 3, 669 p.
- Haas J. *The Evolution of the Prehistoric State*. N. Y.: Columbia University Press, 1982, 261 p.
- Hoebel E. A. *Anthropology: The Study of Man*, 3rd ed., N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1966. 591 p.
- Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954, 357 p.
- Hoebel E. A. *Man in the Primitive World: An Introduction to Anthropology*. N.Y., McGraw-Hill Book Company, 2nd ed., 1958. 678 p.
- Pound R. *Social Control through Law*. Hamden, Conn., Archon Books, 1968. 138 p.
- Service E. R. *The Hunters. Englewood Cliff*. New Jersey, Prentice-Hall, 1966, 118 p.
- Xuan Dong, Chenyu Yang, Kun Zhang, Shan Jiang, Xiao Cai. The Relationship Between Religion and Law From the Perspective of Functionalism and Ideology. Vol. 435. 6th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2020). January. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020. Available at: <http://www.atlantis-press.com/125939382.pdf> (accessed 18 October 2022).
- Yang Heli. The Significance of Religion in Human Society and Religious Freedom. China Nationalities Daily, 2012, August 28. Cit. by Xuan Dong, Chenyu Yang, Kun Zhang, Shan Jiang, Xiao Cai. The Relationship Between Religion and Law From the Perspective of Functionalism and Ideology. Vol. 435. 6th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2020). January. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Available at: <http://www.atlantis-press.com/125939382.pdf> (accessed 18 October 2022).

References

- Avgustin Blazhennyi. *O grade Bozhiem [About the City of God]*. 1994. Available at: <http://azbyka.ru://www.lib.pravmir.ru/library/book/2774> (accessed 15 October 2022).
- Bentam I. *Izbrannye sochineniya [Selected Writings]*. St. Petersburg, Izdanie knizhnoi trgovli, 1867. 678 p.
- Berndt R. M., Berndt, K. H. *Mir pervykh avstraliitsev [The World of the First Australians]*. Moscow. Nauka, 1981. 448 p.
- Biblia, ili Sviashchennye knigi Vetkhogo i Novogo Zaveta. [The Bible or the Holy Books of the Old and New Testaments]*. Sankt-Petersburg-Moscow, M. O. Volf. 1876–1878. Vol. 1, 630 p.; Vol. 2, 605 p.; Vol. 3, 314 p.
- Buaie P. *Ob''iasniia religiiu. Priroda religioznogo myshleniia [Explaining religion. The Nature of Religious Thinking]*. Moscow, Alpina non-fikshn, 2017. 496 p.
- Buaie P. *Ob''iasniia religiiu. Priroda religioznogo myshleniia [Explaining Religion. The Nature of Religious Thinking]*. Moscow, Alpina Non-Fiction, 2017. 496 p.
- Vasil'ev L. S. *Istoriia religiy Vostoka [History of the Religions of the East]*. Moscow, Vysshiaia shkola, 1983. 368 p.
- Gobbs T. *Izbrannye proizvedeniia v 2 t. [Selected Works in 2 Volumes]*. Moscow, Mysl', 1964. Vol. 2, 747 p.
- Drevnerimskie mysliteli. Svidetel'stva, teksty, fragmenty. [Ancient Thinkers. Evidence, Texts, Fragments]*. Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 1958, 280 p.
- Issledovaniia po obshchey etnografii. Pod red. U. V. Bromleia. [Studies in General Ethnography. Ed. by Yu. V. Bromley]*. Moscow, Nauka, 1979. 282 p.

- Mark Avreliy. *Naedine s soboy. Razmyshleniia [Alone with Myself. Reflections]*. Moscow, Izdaniie M. i S. Sobashnikovkykh, 1914, LVI. 199 p.
- Maslikhin, A. V. Religioznoe i ateisticheskoe soznanie [Religious and Atheistic Consciousness]. In *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Mari State University]*, 2011, 6, 5–10.
- Okhotniki. Sobirатели. Rybolovy. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy v dozemel'del'cheskom obshchestve. Pod red. A. M. Reshetova. [Hunters. Gatherers. Anglers. Problems of Socio-Economic Relations in Pre-Agricultural Society. Ed. by A. M. Reshetov]*. Leningrad, Nauka, 1972, 288 p.
- Rouz F. *Aborigeny Avstralii. Ikh proshloe i nastoiashchee [Aborigines of Australia. Their Past and Present]*. Moscow, Nauka, 1981, 160 p.
- Seneka Lutsiy Anney. *Nravstvennye pis'ma k Lutsiliu. [Moral Letters to Lucilius]*. Moscow, Nauka, 1977, 384 p.
- Taylor, E. B. *Pervobytnaia kultura [Primitive Culture]*. Moscow, Politizdat, 1989, 573 p.
- Filosofskiy slovar'. Pod red. I. T. Frolova. [Philosophical Dictionary. Ed. by I. T. Frolova]*. Moscow, Politizdat, 1980, 719 p.
- Foma Akvinskii. *Summa teologii. [Sum of Theology]*. Kiev, Nika-Tsentr, El'kor-MK, Ekslibris, 2012. Vol. 1, 6. Available at: <http://search.rsl.ru/ru/record/01000974615> (accessed 25 October 2022).
- Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena. Sbornik perevodov. Vypusk 2. [The Pure Doctrine of Law by Hans Kelsen. Collection of Translations]*. Otv. red. V. N. Kudr'avtsev, N. N. Razumovich. Moscow, Izdatel'stvo INION RAN, 1988, 213 p.
- El'kin A. *Korennoe naselenie Avstralii [Indigenous People of Australia]*. Moscow, izdatel'stvo inostranoy literatury, 1952, 254 p.
- Berman H. J. *The Interaction of Law and Religion*. Nashville, N. Y.: Abingdon Press, 1974, 174 p. Available at: <http://www.socialtheology.com/docs/berman-law-and-religion-000074.pdf> (accessed 28 October 2022).
- Boyer P. *The Naturalness of Religious Ideas: A Cognitive Theory of Religion*. Berkeley: University of California Press, 1994, 342 p.
- Falkenberg J. Tribe, Material Culture and Communication among the Murinbata of Northern Australia. *Tromso Museums Skrifter*, 1982, 18, 119–136.
- Fuller L. L. *The Morality of Law*. New Haven, Yale University Press, 1964, 202 p.
- Greek Philosophy. A Collection of Texts with Notes and Explanations*. Ed. by C. J. de Vogel. The Hellenistic-Roman Period. Leiden: E. J. Brill, 1959, Vol. 3, 669 p.
- Haas J. *The Evolution of the Prehistoric State*. N. Y., Columbia University Press, 1982, 261 p.
- Hoebel E. A. *Anthropology: The Study of Man*, 3rd ed., N.Y., McGraw-Hill Book Company, 1966, 591 p.
- Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1954, 357 p.
- Hoebel E. A. *Man in the Primitive World: An Introduction to Anthropology*. N.Y., McGraw-Hill Book Company, 2nd ed., 1958, 678 p.
- Pound R. *Social Control through Law*. Hamden, Conn., Archon Books, 1968, 138 p.
- Service E. R. *The Hunters. Englewood Cliff*. New Jersey, Prentice-Hall, 1966, 118 p.
- Xuan Dong, Chenyu Yang, Kun Zhang, Shan Jiang, Xiao Cai. The Relationship Between Religion and Law From the Perspective of Functionalism and Ideology. Vol. 435. 6th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2020). January. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020, Available at: <http://www.atlantis-press.com125939382.pdf> (accessed 18 October 2022).
- Yang Heli. The Significance of Religion in Human Society and Religious Freedom. *China Nationalities Daily*, 2012, August 28. Cit. by Xuan Dong, Chenyu Yang, Kun Zhang, Shan Jiang, Xiao Cai. The Relationship Between Religion and Law From the Perspective of Functionalism and Ideology. Vol. 435. 6th International Conference on Humanities and Social Science Research (ICHSSR 2020). January. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Available at: <http://www.atlantis-press.com125939382.pdf> (accessed 18 October 2022).

EDN: AGQYOB
УДК 347.983

Benefits of the Specialization of Courts in Social and Labor Disputes

Yermek A. Buribayev, Zhanna A. Khamzina*,
Gakku N. Rakhimova, Kuralay Turlykhankyzy
and Nessibeli B. Kalkayeva

*Abai Kazakh National Pedagogical University
Almaty, Kazakhstan*

Received 22.02.2022, received in revised form 19.03.2022, accepted 24.03.2023

Abstract. There are no comparative studies of judicial specialization concerning Kazakhstani practice, and the methodology for assessing its specific advantages and disadvantages has not been developed. After a few remarks on the advantages and disadvantages of judicial specialization, this manuscript takes a detailed look at the state of the problem in Kazakhstan, where the announced reforms indicate a new trend in favor of the creation of new specialized courts. It is concluded that specialization indicates the development and functionality of the judicial system of the state. Specialization is both the basis for building the country's judicial system and an important means of its dynamic progressive development. At the same time, judicial specialization should be approached with extreme caution, always evaluating its implementation from different angles and in the light of all the possible side effects that it may have on the proper administration of justice, as well as on the core purposes and values of the judiciary. The paper highlights the factors that make up the argument for the creation of social and labor courts in Kazakhstan. We also argue that the basis for the creation of specialized social and labor courts in Kazakhstan might be something more than just increasing the competence and efficiency of the court; this signals a step towards making decisions focused on the qualitative resolution of social and labor conflicts that have the potential danger of influencing the stability of statehood.

Keywords: court, judicial system, judicial specialization, legal proceedings, social and labor disputes.

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP09259109).

Research area: law.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: 292803@mail.ru, yermek-a@mail.ru, gakku_almacity@mail.ru, kuralay_turlykhan@mail.ru, nesibeli77@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2631-6372 (Buribayev), 0000-0003-0913-2002 (Khamzina)

Citation: Buribayev Ye. A., Khamzina Zh. A., Rakhimova G. N., Turlykhankyzy K., Kalkayeva N. B. Benefits of the specialization of courts in social and labor disputes. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 753–763. EDN: AGQYOB

Преимущества специализации судов по социальным и трудовым спорам

Е.А. Бурибаев, Ж.А. Хамзина, Г.Н. Рахимова, К. Турлыханкызы, Н.Б. Калкаева

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая
Казахстан, Алматы*

Аннотация. Отсутствуют сравнительные исследования судебной специализации в практике Казахстана, методология оценки ее преимуществ и недостатков также не была разработана. В статье подробно рассмотрена данная проблема в стране, где объявленные реформы предполагают создание новых специализированных судов. Сделан вывод, что специализация влияет на развитие и функциональность судебной системы государства, будучи ее основой и важным средством динамичного поступательного развития. В то же время введение судебной специализации требует осторожности и оценки с разных точек зрения. В статье приведены аргументы в пользу создания социальных и трудовых судов в Казахстане. Мы также утверждаем, что такое решение может дать больше, чем просто повышение компетентности и эффективности суда. Это шаг на пути к качественному разрешению социальных и трудовых конфликтов, которые могут быть потенциально опасны для государственной стабильности.

Ключевые слова: суд, судебная система, судебная специализация, судебные разбирательства, социальные и трудовые споры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP09259109).

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства.

Цитирование: Бурибаев Е. А., Хамзина Ж. А., Рахимова Г. Н., Турлыханкызы К., Калкаева Н. Б. Преимущества специализации судов по социальным и трудовым спорам. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 753–763. EDN: AGQYOB.

Introduction

At the end of 2021, a new Concept of Legal Policy until 2030 was approved in Kazakhstan (Kazakhstan, 2022), which proclaimed that in the next ten years, continued work will be required to modernize the judicial system in terms of further specialization of courts.

From the point of view of Kazakhstani legislation, there are no barriers to both the specialization of legal proceedings¹ and

¹ According to paragraph 2 of Art. 75 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, judicial power is exercised through civil, criminal, and other forms of legal proceedings established by law. In cases provided for by law, crim-

the courts². The specialization of judges in Kazakhstan is a *fait accompli* that characterizes the national judicial system. At the same time, the specialization of judges is connected not only with the functioning of the system of specialized courts for juvenile, administrative, economic, and investigative cases but also with the internal specialization of judges in civil courts of general jurisdiction. Today, in fact, civil courts have formed a specialization of judges who practice processes in certain categories of cases. In courts of all instances, the emerging specialization of certain judges is taken into account when transferring cases to proceedings. Moreover, considering the specialization of judges is directly enshrined as a criterion for the automated distribution of cases in courts³. Thus, the specialization of Kazakhstani judges is an important feature of judicial practice, which affects the quality of the administration of justice and allows the state in the current conditions to maintain the level of guarantees of judicial protection of rights and freedoms without incurring the increased costs usually associated with the creation of specialized courts.

A universal judge in the modern legal environment, which includes an assessment of the state of legislation and its dynamics, the actual complexity of legal relations, the emergence of new areas of legal regulation, is rather an outdated type of representative of the judiciary. This is a myth coming from the post-Soviet system, and its consequence is the existing powerful deep-rooted image of a uni-

versal judge and the rejection of specialization. The ideal of a generalist judge, developed and put into practice, keeps the Kazakhstani system captive to an archaic idea and hinders its development. From the point of view of legal doctrine, this myth is an obstacle for the Supreme Court in its reform course and does not allow serious consideration of the wider specialization of the courts.

versal judge and the rejection of specialization. The ideal of a generalist judge, developed and put into practice, keeps the Kazakhstani system captive to an archaic idea and hinders its development. From the point of view of legal doctrine, this myth is an obstacle for the Supreme Court in its reform course and does not allow serious consideration of the wider specialization of the courts.

The paradox lies in the fact that expert specialization permeates all areas of our lives, all areas of public administration, most modern professions are highly specialized, especially the highest elite level of professional practice. The profession of a judge is the “crown” of the legal profession, as a rule, is the top step of a legal career. Only an extra-specialist in a particular area of legal relations should and can administer justice that ensures not only law and order, but also the trust of society. The results of scientific research (Coviello et al., 2019; Kleandrov, 2021) confirm that the specialization of judges has a positive effect on the quality of the administration of justice and the timing of cases in courts.

However, earlier studies (Baum, 2009, 2011) have concluded that the most important reason for caution in inferring the desirability of judicial specialization is the limited information available on its impact. Existing academic research provides only a fragmentary view of the extent to which the potential effects of judicial specialization are actually manifested – positive, negative, or mixed.

The lack of information on the impact of specialization deserves consideration in the framework of the following hypothesis put forward in this manuscript. Extensive international experience testifies to the effectiveness of the functioning of special labor and social courts in many countries. The specialization of judges and the introduction of certain special rules for the procedural consideration of these disputes will significantly increase the level of guarantees of social and labor human rights and improve the accessibility of justice. At the same time, the specialization of judges and the rules of procedure can be considered as a primary link, which can have an independent place in the national system of administration of jus-

inal proceedings are carried out with the participation of jurors.

² By virtue of paragraphs 1, 3, 3–1 of Art. 3 of the Constitutional Law of the Republic of Kazakhstan dated December 25, 2000, No. 132 "On the judicial system and the status of judges of the Republic of Kazakhstan", the judicial system of the Republic of Kazakhstan consists of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, local and other courts. Other courts may be created in the Republic of Kazakhstan, including specialized courts (military, financial, economic, administrative, juvenile and others). Specialized courts are formed by the President of the Republic of Kazakhstan with the status of a regional or district court.

³ Rules for the automated distribution of cases in courts, approved by the decision of the plenary session of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated December 06, 2019, No. 21, https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/pravila_avtomatizirovannogo_raspredeleniya.pdf

tice. The specialization of the court includes the specialization of judges and procedures, the formation of a new institutional structure, and is also a secondary link in the differentiation of the judicial system.

The goal of sustainable development of Kazakhstan, as a new state in the post-Soviet space, requires the formation of a legal mechanism for resolving social and labor conflicts that can develop into dangerous clashes that threaten the development of the country, based on social and labor disagreements. Special social and labor courts can become an important and effective element in reducing the overall level of conflict in society, achieving social peace and sustainable development goals.

Overview of data influencing decisions on court specialization

In research, the demand for judicial specialization is determined by the following factors:

- the need for a specialized and joint solution of the corresponding serious problem, which gives rise to various conflicts of a criminal and civil nature around itself (in many cases, the need to provide social assistance);

- the constant growth of relevant disputes or offenses, which requires the creation of specialized bodies, which should be enough (Gutiérrez, 2011);

- proponents of judicial specialization regularly refer to what they see as the benefits of specialization for the operation of courts, which they usually refer to as efficiency, competence, and uniformity (Bruff, 1991; Dreyfuss, 1990; Damle, 2005);

- higher efficiency of specialized courts, which is understood as a single case of cancellation of their decisions by higher courts in comparison with universal courts, is defined in the work of Hansford, 2011. In addition, in the last century, in the study of Petrukhin et al., 1979, the experience of a judge allows a 33 % reduction in the number of canceled court decisions, and the presence of specialization – by 75 %;

- efficiency as the speed of the judicial procedure is inherent only if the courts are either specialized in relation to the procedure, or

completely specialized in relation to the cognizance of a certain category of cases, or both. The partial specialization of this issue does not affect the duration of the case (Castelliano et al., 2021);

- the creation of specialized courts with exclusive jurisdiction in certain areas of the law increases the uniformity of decisions in these areas, thereby contributing to greater predictability and confidence in the courts and, possibly, a decrease in the number of appeals (Gramckow & Walsh, 2013). Specialized courts serve to reduce and even eliminate conflicts in the interpretation and application of the law in their area(s) of jurisdiction. Specialized courts are desirable when there are compelling arguments or requirements for uniformity or consistency in the application of the law. Uniformity in decision-making leads to predictability, and the main benefit of predictability is that it reduces the need for litigation, lessens the likelihood that prospective parties will find legitimate grounds for going to court, and that it builds the trust of both parties (Zimmer, 2009);

- research results (Coviello et al., 2019; Castelliano et al., 2021) show that the specialization of judges to consider the same type of cases leads to faster trials and decisions. At the same time, the quality of the administration of justice is not reduced;

- the increasing complexity of modern society and the emergence of new areas of law in which technical concepts prevail can be considered as an ideal justification for the creation of specialized courts. A new array of elaborate cases, raising intricate issues of facts and rights, deserves consideration by judges with high qualifications in the subjects under consideration. As an advantage of a specialized court, it is possible to single out the possibility of establishing additional criteria for a judge when selecting for a position: the presence of special knowledge in a particular field required for deep “immersion” in a controversial question;

- new specialized courts can contribute to the solution of a problem affecting different legal systems, i.e., a huge burden on ordinary courts (Silvestri, 2014).

On the other hand, there are manuscripts presenting results that refute the positive effects of specialization of courts and judges.

Uzelac, 2014 summarizes the arguments against the specialization of courts and judges. It is concluded that over-enthusiasm must be suppressed and that any attempt to specialize judges, judicial structures, and procedures must be carefully balanced against the possible negative effects that specialization may have, both at a general level and at the level of specific benefits associated with the administration of justice. It is concluded that there is no consistent approach to judicial and jurisdictional specialization in Europe, both in terms of the level and the form of specialization. The point of view of judges and their professional organizations is also skeptical about certain aspects of specialization – specialization is considered potentially harmful to the unity of the judicial profession, its basic professional qualities, and ethical foundations. Most importantly, over-specialization can undermine the fundamental values of modern judicial systems.

Silvestri, 2014 points out the shortcomings of judicial specialization: “The danger of “isolation” of specialized courts, a tendency to self-isolation within the limited scope of issues within their competence”.

A review by Gramckow & Walsh, 2013 highlights the following vulnerabilities: risks to judge independence and impartiality; risk to the unity of the judiciary; potential disparities in access to justice; risk of losing flexibility in the development of the law if judgments are always issued by the same limited number of persons.

Each of the above arguments needs to be studied from the standpoint of modern conditions in Kazakhstan, applicability to the current realities of the quality, accessibility, and effectiveness of the administration of justice

Specialization of courts, judges, or rules of procedure?

There are several structures of specialization in the administration of justice: specialization of judges, specialization of the rules of procedure, specialization of courts and their structures (singling out collegiums for civil,

criminal, administrative cases). In turn, the specialization of courts can be carried out in the following forms: the creation of an independent system of specialized courts, the organization of separate courts in the system of general courts, the formation of a specialized composition of the court.

Specialization on a sectoral basis of substantive law (labor and social security) in the conditions of Kazakhstan, first of all, *de facto* exists not so much as a judicial principle, but as a judicial procedure. Special reduced limitation periods have been introduced for applying to courts for individual labor disputes, and a mechanism for mandatory pre-trial settlement of disputes through conciliation procedures is in place. The procedural law establishes special rules of jurisdiction for certain claims arising from labor and social relations; terms of consideration of cases in the courts of the first instance are reduced; court decisions on certain categories of claims are subject to immediate execution. The listed exceptions to the general rules of civil proceedings or special conditions for procedures for claims arising from labor and social security legal relations are not an innovation in Kazakhstani procedural law but are a continuation of the traditions of the legislation of the Soviet period of our history. The specialization of judges in Kazakhstani courts is an important feature of the national model of administration of justice, the legitimacy of which is confirmed by a direct indication in the legal acts of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan.

Specialization on a sectoral basis of substantive law (labor and social security) in the conditions of Kazakhstan, first of all, *de facto* exists not so much as a judicial principle, but as a judicial procedure. Special reduced limitation periods have been introduced for applying to courts for individual labor disputes, and a mechanism for mandatory pre-trial settlement of disputes through conciliation procedures is in place. The procedural law establishes special rules of jurisdiction for certain claims arising from labor and social relations; terms of consideration of cases in the courts of the first instance are reduced; court decisions on certain categories of claims are subject to immediate

execution. The listed exceptions to the general rules of civil proceedings or special conditions for procedures for claims arising from labor and social security legal relations are not an innovation in Kazakhstani procedural law but are a continuation of the traditions of the legislation of the Soviet period of our history. The specialization of judges in Kazakhstani courts is an important feature of the national model of administration of justice, the legitimacy of which is confirmed by a direct indication in the legal acts of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan.

However, the practice of specialization of legal proceedings and judges in national conditions is not successful and has not led to a renaissance of the local judicial system both in the considered narrow area of disputed legal relations and in general the entire structure. The number of social and labor conflicts is not decreasing, and there are permanent collective labor disagreements that potentially carry the risk of developing into political confrontations.

The studies conclude that Russian scientists support the idea of the specialization of judges. The arguments against the specialization of courts are as follows: significant material costs that do not correspond to the small number of cases decided by specialized courts, problems with access to justice, and the need for special training for highly specialized judges (Terekhova, 2014). If the specialization of judges does not have the nature of specific training, does not involve the implementation of additional costs, then the creation of courts determines significant budgetary costs.

A study of American jurisprudence summarizes: "Specialization is a regular part of the jurisprudence pattern; a significant number of judges do specialize in certain subject areas. Specialization of judges is an important feature of jurisprudence that can enhance judicial expertise without incurring many of the costs typically associated with specialized courts" (Cheng, 2008).

Judges' specialization is a given of belonging to both a certain structure of courts of general jurisdiction (criminal, civil) and to special courts. Specialization develops throughout the judicial career and is rather a "non-permanent"

characteristic that can change. Specialization is formed under the influence of objective and subjective factors: from working in a court operating in a certain area of disputed legal relations to having previous career experience in a particular branch of law, which is taken into account when distributing court cases. This area of judicial specialization in Kazakhstan has not actually changed, except for the impact of the factor of complication of public relations, the emergence of new branches of law. In Kazakhstan, in fact, the concept of judicial specialization traditionally prevails in the field of specialization of judges' competencies

The 30-year practice of forming a completely new national system of justice in Kazakhstan shows that specialization has actually become the main form of development of the judicial system. The constitutional mechanisms and foundations of the judiciary, enshrined in the 1995 Constitution, remain unchanged; the content of institutional structures changes; new jurisdictions appear, while the unity of the judiciary is not affected. Initiatives have been taken to establish various types of judicial jurisdictions, but the structural pyramid of courts has not changed.

At the same time, the further development of the judiciary requires new approaches and sound proposals for further expanding the specialization of courts, since the specialization of procedures and judges has actually exhausted itself – it has no potential for qualitative development and growth. Specialized courts have the potential to address the already traditional problems of Kazakhstani justice, the most important of which are the poor quality of the administration of justice and miscarriage of justice.

Specialization of courts in social and labor disputes

The main arguments in favor of creating social and labor courts in Kazakhstan (considering claims arising from individual and collective labor legal relations, as well as legal relations on social security, insurance, protection), in our opinion, is the importance of the political system's response to social and labor conflicts, having a potential threat to this sys-

tem and the sustainable development of the state. The transfer of conflict into the civilized field of litigation will allow “turning on” an effective state mechanism for resolving disagreements, finding solutions to acute social problems through legal means.

Of course, the world practice has worked out quite a few means of preventing topical conflicts. The most important tool is, first of all, the effective activity of trade unions. But in Kazakhstan, the trade union movement is normatively regulated and clearly structured with the creation of a single center and subordinate branches; the rights of trade unions are limited, and officials who have no true relation to the representation of workers are appointed to the posts of their heads. In fact, there is no meaningful dialogue between workers and employers through trade unions. These are destabilizing factors that require neutralization and make it necessary to create and search for other new ways to ensure a civilized social dialogue.

International experience testifies to the effectiveness of the functioning of labor and social courts. Many legal systems have specialized labor courts with jurisdiction over individual labor disputes or collective labor disputes, or both (Davies, 2012). Classical examples of effective courts for labor and social disputes are the special courts of Germany, Belgium, Norway, Indonesia, Poland, Hungary, Sweden, Luxembourg, Turkey, Finland. Courts for consideration of individual labor disputes operate in France, Argentina, Chile, Switzerland, Brazil, Spain. Special rules of litigation for the resolution of labor disputes are inherent in the Italian legal system.

The labor courts play an important role in determining the effective level of labor market regulation in Germany. A significant positive relationship has been found between labor court performance and unemployment (Berger & Neugart, 2011). The courts are an important element of the institutional framework of labor markets, often determining the degree of employment protection. The German labor courts are a prime example in this regard (Berger & Neugart, 2012).

In general, we have identified the following factors that make up the argument for the

creation of social and labor courts in Kazakhstan.

1. The need to apply special (in-depth) knowledge in the field of administration of justice in social and labor disputes. The array of labor and social security legislation is extensive, fragmented, and is in a constant process of reform. There were only 4 basic laws on labor in Kazakhstan over 30 years of development. Hundreds of amendments and changes are made to social legislation every year. The system of normative legal acts in this area largely consists not of laws, but of by-laws, including departmental, acts. Practice shows that it is impossible to be a professional expert in all branches of substantive law falling under the jurisdiction of general civil justice. The volume of legal proceedings in the social and labor sphere is growing and becoming more complicated every year. All these prerequisites require further specialization of courts and judges.

2. The specialization of courts in the social and labor field is due to the need to improve the efficiency of justice. The effectiveness of justice can be revealed through a combination of factors. This is an understandable and fair decision, based “on the analysis and application of the norms of substantive law with a necessarily motivated content, which eliminates the dispute about the law; facts, which have legal significance, resolving the case on the merits, capable of being executed by obligated subjects, are established” (Pakhomova, 2010). The decision must be made within the shortest reasonable time, and the circumstances of unreasonable delay in the trial must be excluded. Parties in social and labor disputes must bear adequate, low legal costs. The points made about the characteristics of litigation are based on the high vital importance for a person of employment, stability of labor relations, as well as access to the social security system.

3. In favor of the argumentation of the specialization of courts in social and labor disputes, the demand for a special approach of judges to these controversial legal relations is evidenced: taking into account the special subject composition of labor relations; ensuring a special approach to the settlement of labor disputes, taking into account the vital need for

citizens to participate in hired labor and receive remuneration; taking into account the risk for citizens of loss of life and health in labor relations if the employer fails to comply with labor protection measures; take into account the impossibility of restoring the original position of the parties (bringing the parties to their original position) upon the termination of the employment contract (Khamzina et al., 2021).

4. The need to adequately take into account the multidimensionality of legal regulation and complex law enforcement practice. Judges' superficial knowledge of these issues is dangerous and provokes the growth of social and labor conflicts. In our opinion, judicial specialization, accompanied by the full introduction of the institution of an expert judge, will allow solving the existing problems of qualitative consideration of individual and collective labor disputes, without bringing the latter to an extreme form – declaring strikes and subsequent participation in rallies, mass demonstrations with socio-economic demands.

5. In the first part of this study, we noted that the Kazakhstani judicial system has already undergone such forms of specialization as the specialization of judges and rules for the administration of justice. That is, simple forms of specialization have been implemented, and they have a significant and long-term practice of implementation, but this did not bring significant, tangible results for the issues of qualitative reduction of disputes and conflicts. On the contrary, official statistics (Kazakhstan, 2022) show that the number of social disputes has been steadily increasing in recent years.

Specialization should be carried out from simpler forms to more complex ones. At the same time, the implementation of a more complex form of judicial specialization is possible only if simpler forms are not able to effectively solve existing problems. The judicial system of Kazakhstan has already gone through simple forms of specialization, but this direction of development has not brought tangible results.

6. We should dwell on the factor of the presence of a fairly large category of cases arising in the considered area of legal regulation.

Over the past three years, cases related to labor disputes, violations of pension legisla-

tion, the procedure for assigning benefits, and compensations amounted to about 2 % of the total number of cases considered in civil proceedings with a decision (Kazakhstan, 2022), which is commensurate with the number of cases considered by specialized juvenile courts according to the rules of civil procedure.

In order to fully load the courts initiated for specialization, we propose to consider the feasibility of their integrated jurisdiction. That is, the jurisdiction of social and labor courts may include criminal cases on crimes that violate the social and labor rights of an individual, as well as civil and administrative cases. The allocation of cases within the jurisdiction of social and labor courts should be based on the object of unlawful encroachment – social and labor rights and freedoms of man and citizen.

7. The jurisdiction of social and labor courts should include the resolution of collective conflicts. This critical issue is essentially outside the judiciary in Kazakhstan. The procedures for resolving collective labor disputes are structured in such a way that the parties to the conflict have the opportunity to go to court for protection, restoration of rights and interests only after lengthy conciliation processes.

To resolve collective labor disputes, Kazakhstani labor legislation provides for the following sequential process: disputes are considered by the employer (association (association, union) of employers), if it is impossible to resolve it – in the conciliation commission, if an agreement is not reached in it – by labor arbitration, on issues not settled by it – in court. The last resort to resolve the conflict is to strike. Employees may decide to strike if conciliation procedures fail to resolve the collective labor dispute, as well as in cases where the employer evades conciliation procedures or fails to comply with the agreement reached in the course of resolving the collective labor dispute.

Complex multi-stage procedures for resolving collective conflicts are aimed at finding a solution to the corresponding social and labor problem. The court, like the announcement of a strike, is the last form of achieving an acceptable result. At the same time, Kazakhstani judicial practice in collective disputes is virtually negligible (Kazakhstan, 2022). The courts

proceed from the fact that the employees themselves cannot appeal against, for example, the illegal provisions of the collective agreement, the act of the employer, since they are not representatives of the entire labor collective. In this regard, special attention should be paid to the relevance and relevance of vesting specialized courts with jurisdiction in relation to collective labor disputes, as giving rise to special complex and large-scale social conflicts, which have happened more than once in the history of independent Kazakhstan.

Conclusion

The prerequisites set forth in this article allow us to speak about the existence of grounds for the creation of specialized courts. At the same time, it is necessary to take into account such an important prerequisite as the presence in the state of organizational and financial opportunities for their creation. As in the rest of the world, courts in Kazakhstan are financed from the state budget. The main argument against specialization is the significant financial costs that will inevitably arise when establishing new courts.

According to the Report of the European Commission on the Efficiency of Justice (CEPEJ), covering the period 2018–2020, published on October 22, 2020 (Kazakhstan, 2020), the average financing of courts per inhabitant in Europe is 40.8 euros, in Kazakhstan – 4.5 euros, Azerbaijan – 5.1, Russia – 20.6, Ukraine – 9.4 euros. If the average indicator for the countries of the former USSR (at the end of 2019) of expenditures on the judicial system in the structure of all public expenditures is 1.1 %, then in Kazakhstan this indicator is only 0.47 %, in Latvia – 2.71 %, Ukraine – 1.76, Lithuania – 1.31 (Kazakhstan, 2020). That is, in Kazakhstan, the costs of financing the judiciary are at least two times lower; according to this indicator, the country lags behind not only in comparison with the countries of the post-Soviet space, but, which is significant, is far from the standards of the states that are members of the OECD.

In this connection, we can talk about the chronic underfunding of the judicial system in Kazakhstan, which is really very expensive for

taxpayers. It can be argued that there is a need to increase the investment of public funds so that society can demand a proper return from the functioning of this branch of government, and specialization of courts can become one of the important directions for ensuring greater legal certainty, deeper justification for judicial decisions, shorter procedures, and greater efficiency.

On the way to substantiate the demand for the specialization of judges, one should initially recognize an obvious fact. The objective reasons that we have outlined above do not allow ensuring the proper level of competence of a judge in all branches of law, and hence high professionalism when considering any category of civil cases. Courts of general jurisdiction are overloaded with different categories of cases: from contractual obligations to special proceedings and land disputes. At the same time, the social and labor sphere is strategically important for Kazakhstan, and specialized courts will be sent to create guarantees for the effective preservation and development of human capital.

In this regard, it should be taken into account that specialization at the level of the judiciary, being a means of increasing the efficiency of justice, requires the state to invest certain resources, but only in the short term. At the same time, it is specialization that is an important prerequisite for saving public funds in the long term, due to the fact that within the framework of an efficient judicial system there are additional opportunities to reduce the costs necessary for the functioning of this system.

In addition, when deciding on the establishment of specialized social and labor courts in Kazakhstan, one must take into account the unstable, weak legal traditions of our country, the high level of corruption, the lack of genuine independence of the judiciary, including from local authorities and business structures. Labor legislation is vague, full of gaps, contradictions, and room for different interpretations. Social security legislation is traditionally supermassive, consisting not of laws, but of acts of government bodies; a non-professional cannot actually comprehend this area, and most citizens are not even aware of their social rights. In our opinion, the legislation in this area was

deliberately built and reformed in such a way as to neutralize the will of the state in building a social society and solve social and labor problems, while maintaining the conditions for economic development.

Each of these factors determines the inability of Kazakhstan to fully ensure and pro-

tect social and labor rights and human interests. Providing a new model for social and labor disputes will allow focusing on developing non-traditional solutions to traditional conflicts that take place in the social sphere, some of which directly threaten the sustainable existence of the state.

References

- Baum L. Probing the Effects of Judicial Specialization. In *Duke Law Journal*, 2009, 58(7), 1667–1684.
- Baum L. *Specializing the Courts*. University of Chicago Press, 2011.
- Berger H., & Neugart M. Labor courts, nomination bias, and unemployment in Germany. In *European Journal of Political Economy*, 2011, 27(4), 659–673. doi:10.1016/j.ejpoleco.2011.05.006.
- Berger H., & Neugart M. How German labor courts decide: An econometric case study. In *German Economic Review*, 2012, 13(1), 56–70. doi:10.1111/j.1468–0475.2011.00539.x.
- Bruff H. H. (1991). Specialized courts in administrative law. In *Admin. L. Rev.*, 43, 329.
- Castelliano C., Grajzl P., Alves A., & Watanabe E. Adjudication forums, specialization, and case duration: Evidence from Brazilian federal courts. In *Justice System Journal*, 2021, 42(1), 50–77. doi:10.1080/0098261X.2020.1854905.
- Cheng E. K. The myth of the generalist judge. In *Stanford Law Review*, 2008, 61(3), 519–572.
- Coviello D., Ichino A., & Persico N. Measuring the gains from labor specialization. In *Journal of Law and Economics*, 2019, 62(3), 403–426. doi:10.1086/704244.
- Damle S. V. Specialize the Judge, Not the Court: A Lesson from the German Constitutional Court. In *Virginia Law Review*, 2005, 1267–1311.
- Davies A. C. L. The court of justice as a labor court. In *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*, 2012, 14, 145–175. doi:10.1017/S 1528887000002226.
- Dreyfuss R. C. Specialized Adjudication. In *BYU Law Review*, 1990, 1990(1), 377–441.
- Gramckow H., & Walsh B. Developing specialized court services. In *International experiences and lessons learned, Justice and Development Working Paper Series*, 2013, 24.
- Gutiérrez A. I. L. Specialised justice for gender-based violence in Spain. [Justicia especializada en violencia de género en España]. In *Revista De Derecho*, 2011, 24(2), 205–223. doi:10.4067/S 0718–09502011000200009.
- Hansford E. Measuring the effects of specialization with circuit split resolutions. In *Stanford Law Review*, 2011, 63(5), 1145–1176.
- Kazakhstan (2020). *Sbornik Pravosudiye Kazakhstana: realii, trendy, perspektivy [Collection of justice of Kazakhstan: realities, trends, prospects]*. URL: https://sud.gov.kz/sites/default/files/pagefiles/sbornik_na_01.01.2021_rus.pdf.
- Kazakhstan Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 oktyabrya 2021 goda № 674 “Ob utverzhdenii Kontseptsii pravovoy politiki Respubliki Kazakhstan do 2030 goda” [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan “On approval of the concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan until 2030]. 2021. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U 2100000674#z305>.
- Kazakhstan. *Otchety o rabote sudov pervoy instantsii po grazhdanskim delam, dannyye informatsionnoy sluzhby Komiteta pravovoy statistiki i spetsial'nogo ucheta General'noy prokuratury Respubliki Kazakhstan [Reports on the work of the courts of first instance in civil cases, data of the information service of the Committee for Legal Statistics and Special Accounting of the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan]*. 2022. URL: <https://qamqor.gov.kz>.
- Khamzina Z. A., Buribayev Y. A., Turlykhankyzy K., Moidakhmetova Z., Koshpenbetov B., & Kalkayeva N. B. Unloading the judicial system in Kazakhstan? Alternative ways of resolving individual labor disputes. In *Comparative Law Review*, 2021, 27, 275–296. doi:10.12775/CLR.2021.011.

Kleandrov M. I. On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice. In *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*, 2021, 3, 7–23. doi:10.31857/S 102694520014034–8.

Pakhomova L. A. *Trebovaniya, pred'yavlyayemye k forme i soderzhaniyu postanovleniy suda pervoy instantsii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Requirements for the form and content of decisions of the court of first instance in civil proceedings]*. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2010.

Petrukhin I. L., Baturov G. P., & Morshchakova T. G. *Teoreticheskiye osnovy effektivnosti pravosudiya [Theoretical foundations of the effectiveness of justice]*. Moscow, Nauka, 1979.

Silvestri E. Judicial specialization: In search of the 'right' judge for each case? In *Russian Law Journal*, 2014, 2(4), 165–175. doi:10.17589/2309–8678–2014–2–4–165–175.

Terekhova L. Grounds for the specialization of courts and judges in Russia. In *Russian Law Journal*, 2014, 2(4), 176–186. doi:10.17589/2309–8678–2014–2–4–176–186.

Uzelac A. Mixed blessing of judicial specialization: The devil is in the detail. In *Russian Law Journal*, 2014, 2(4), 146–164. doi:10.17589/2309–8678–2014–2–4–146–164.

Zimmer M. Overview of Specialized Courts. In *International Journal for Court Administration*, 2009, 2(1), 46–60.

EDN: FVXDB
УДК 343.9

Icelandic Prevention Model

Viktor A. Shestak* and Alyona D. Tsyplakova

MGIMO University
Moscow, Russian Federation

Received 08.04.2022, received in revised form 15.10.2022, accepted 24.03.2023

Abstract. Iceland is often excluded from legal and criminological research on the Scandinavian region. The state with a reputation of its small prison population is regarded as the most secured and leads the way in Global Peace Index, Global Gender Gap Index and Social Justice Index. It is notable for its extremely humanitarian approach in the field of criminal policy even in comparison to the Nordic countries and cohesive social structure which lowers risks of offending behavior from the early age, as well as enhances resocialization of criminals after serving their punishment. Icelandic Prevention Model (IPM) is profoundly aimed at traditional crimes, while such emerging ones as illegal drugs, arms and human trafficking are of concern to the academic society. The authors underline the ambiguity of official data, taking into account the fact that Iceland is regarded as so-called *Scandinavian Exceptionalism*, and doubt the determination to replace imprisonment with non-custodial measures. This article examines limited scientific evidence of IPM effectiveness and the state of current affairs, among other things, lack of a strategy for crime combating, a fragmented approach, increasing migration, high recidivism rate, lack of social workers, places in correctional facilities. As the strengths of the Icelandic preventive model, one may single out national feeling safe and secured and faith in law enforcement bodies and Icelandic authorities, as well as great emphasis on juvenile delinquency.

Keywords: foreign crime, Iceland, Nordic countries, prevention model, comparative criminology.

Research area: law.

Citation: Shestak V.A., Tsyplakova A.D. Icelandic Prevention Model. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 764–774. EDN: FVXDBG

Исландская модель профилактики

В.А. Шестак, А.Д. Цыплакова

МГИМО МИД России

Российская Федерация, Москва

Аннотация. При проведении исследований законодательства и криминологической обстановки Скандинавского региона зачастую правоведы не включают данные об Исландии. Данная страна традиционно считается самой безопасной с маленьким числом заключённых и занимает лидирующие позиции в индексах глобального миролюбия, гендерного разрыва и социальной справедливости. По мнению ряда исследователей, она выделяется очень гуманным подходом к преступникам даже по меркам государств Северной Европы и сплочённой социальной структурой, которая позволяет как снизить риски преступного поведения ещё в подростковом возрасте, так помочь социально адаптироваться преступникам после отбытия наказания. Исландская превентивная модель преимущественно нацелена на традиционные виды преступлений, в то время как исследователями отмечается растущая обеспокоенность в отношении трансграничного незаконного оборота наркотических и психотропных веществ, оружия и торговли людьми. Авторами отмечается неоднозначность официальных статистических данных, на основании которых Исландия заслужила славу «Скандинавской исключительности» (англ. «Scandinavian Exceptionalism») в научной литературе, а также в сомнительной обоснованности рьяного стремления заменить тюремное заключение на альтернативные виды наказаний. Данная статья освещает ряд проблем, в том числе отсутствие единой стратегии противодействия преступности, фрагментарный подход к ней, рост числа мигрантов, высокий уровень рецидивизма, недостаток социальных работников и мест в исправительных учреждениях. Среди сильных сторон исландской превентивной модели можно выделить сформировавшееся у населения чувство защищённости и доверие к правоохранительным органам и исландским властям, а также повышенное внимание к подростковой преступности.

Ключевые слова: зарубежная преступность, Исландия, Скандинавские страны, превентивная модель, сравнительная криминология.

Научная специальность: 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Цитирование: Шестак В. А., Цыплакова А. Д. Исландская модель профилактики. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 764–774. EDN: FVXDBG

Introduction

Nordic criminal policy is notable for its humanitarian approach (Sveri, 2005). Iceland is typically portrayed as the most secured state with low crime rate and ranks first 13 years running in Global Peace Index (Institute for Economics and Peace 2021). A range of features make contribution to such high index value

(Gunnlaugsson, Galliher, 2000; Ólafsdóttir, Bragadóttir, 2006). Small and relatively homogeneous population (according to the World Bank 2020, 366,425), extreme weather, strong Scandinavian traditions are claimed to facilitate cohesive social structure (Blau, Blau, 1982; Van Willsem, de Graaf, Wittebrood, 2003). As to other industrial western nations,

development of economic life, labour, common goods production and distribution has resulted in increasing advertisement, tighter labour market, less employment security, growing number of unemployed and itinerant workers and change in social values that has caused marginalization and inequality (Adler, 1983; Christie, 2000; Garland, 2001). Iceland leads in Global Gender Gap Index 12 years in a row (World Economic Forum 2021) and ranks first in Social Justice Index (Nordic region is treated as exemplary) (BertelsmannStiftung, 2019). Moreover, Icelandic and American researchers have found the state to be prime instance of John Braithwaite's description of cohesive society that has great resources to resocialize offenders since shame is connected with a crime itself rather than a criminal (Braithwaite J. 1989). Such approach doesn't involve zero tolerance and stigmatization (unlike USA) (Duligov, 2021).

Theoretical framework

On the grounds of the analysis and systematization of the most beneficial resilience practice a study was conducted in accordance with the current state of affairs regarding contemporary methods to provide security in Iceland. It aims at representing dominant opinion in legal doctrine among Nordic and North-American specialists who devoted a number of papers on this issue. For instance, Ólafsdóttir, H., Bragadóttir, R., Kristjánsson, A. L., Sigfusdóttir, I. D., Thorlindsson, T., Mann, M. J., Sigfusson, J., Allegrante, J. P., Pratt, J., Garland, D., Mallén, A., Storgaard, A., Lauritsen, A. N., Giertsen, H., Hjelm-Rasmussen, M., Adler, F., Bernburg, J. G., Thórlindsson, Th., Baumer, E., Wright, R. stand for IPM prodigy. Meanwhile relatively small number of scholars such as Lappi-Seppälä, T., Koning, I. M., Galliher, J. F., Blau, J. R. and Blau, P. M. outline some drawbacks. Hence, the research critiques it in terms of one-sided approach.

Methods

The methodological basis of the criminological research includes analysis of the statistics retrieved from annual official reports. Authors review a number of world indexes presented by Institute for Economics and Peace,

World Economic Forum, The World Bank, BertelsmannStiftung, Global Initiative Against Transnational Organized Crime, Birckbeck. They examine data of the Prison and Probation Administration of Iceland, the National Statistics Institute of Iceland and Icelandic Police (*Lögreglan*). Not only is it unlimited to pure black-letter comparison of legislation and doctrinal concepts, but it also depicts the sociological environment supported by expert interviews, surveys, news inquiry and content analysis of information concerning crime situation in Iceland.

Statement of the problem

A number of scholars claim that Icelandic Prevention Model (IPM) outstandingly contributes to low criminal rate and should serve as a model for other states regardless of cultural, linguistic, religious, social and other circumstances, since its approach involves innovative general rules. It is gaining more and more attention and has become quite prominent in discussions. Thus, the issue of its worldwide transferability arises, although the majority is rather daydreaming and unaware of IPM elements. The purpose of this study is to answer two vital questions: what is so special about IPM and whether its measures are sufficient in order to resist brand new challenges.

Discussion

In General

In Iceland, as well as worldwide, unemployment, narcotics and psychoactive substance abuse, smoking, mental and physical health problems, family absence or isolation from it, victim experience, education lack or academic failure and, as a result, competitiveness on a labour market are the most frequent determinants of criminal behavior or simply criminological factors. It is worth mentioning that researchers rarely take into account alcohol abuse since it doesn't play a significant role in comparison to drugs addiction (Gunnlaugsson, 2021). These risk factors promote committing a crime and complicate social adaptation after serving a punishment (Ólafsdóttir, 2006). Nowadays Icelandic Prevention Model is based on the approach called *society is the patient*

and the following principles: complexity, targeting the social environment, using community resources and involving in decision-making on the question of crime prevention, empowerment withal egalitarianism, teamwork (bottom-up approach).

However, the potential is not being fulfilled in its entirety that may be proved by reoffending statistics (about 42 %) (Baumer, Wright, Kristinsdóttir and Gunnlaugsson, 2002). Iceland takes second place among Nordic countries in terms of recidivism after Norway (Kriminalvården, 2017), preferring criminals' isolation rather than active social adaptation (Mallén, Storgaard, Lauritsen, Giertsen, Gunnlaugsson, Hjelm-Rasmussen, 2019) (see below Fig. 1).

Nevertheless, taking into account amendments to the Icelandic law (Execution of Sentences Act No. 15 of 23 March 2016), the situation has improved. Incarcerated are entitled to work, studies, vocational training in respect of religious and philosophical beliefs and allowance. The above activities may be practiced outside prison for up to 12 months (people sentenced to long imprisonment must serve at least 5 years) and in particular cases are obligations. Following discipline rules is promoted by visits, short-term leaves on personal matter (e.g., the funeral itself or funeral preparation cere-

mony of a close relative, birth, baptism or confirmation of his or her child, serious illnesses of a family member), regular day and family leave (Fangelsismálastofnun Ríkisins, 2017). Though it is a true advantage of the IPM, one cannot claim that Iceland is an outstanding example in comparison to other western nations, inter alia to Nordic region.

Lack of psychological counselling, shortage of social workers and skill programs, drug and tobacco abuse remain unsolved (despite smoking ban on the prison territory) (Gunnlaugsson, 2011, Baldursson, 2000). One specialist took care for 180 prisoners in 2019 (RÚV 2017). This drawback is considered to be offset by non-custodial sanctions: community service (40–480 hours), electronic monitoring, treatment and rehabilitation centers, halfway houses (*Vernd*). Icelandic nationals believe fines are a more serious punishment, hence, if convicts have an option, they often agree on community service. 71 % of pollees are satisfied with their punishments and half is interested in jobs they are assigned (Olafsdottir, 2006). As for rehab, there is National Center of Addiction Medicine in Reykjavik with 2,000 patients annually. Iceland has a comprehensive treatment program for drug abuse financed by state-funded non-governmental organizations (Global Initiative Against Transnational Or-

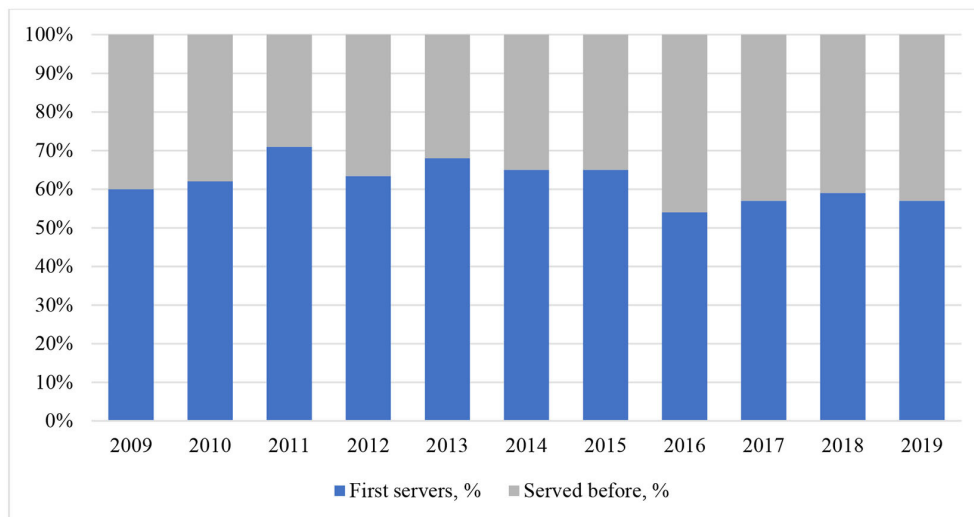

Fig. 1. Inmates in Icelandic prison (2009–2019)
Source: Annual Reports of Prison and Probation Administration

ganized Crime). Vernd is a halfway house run by a nonprofit private association in Reykjavík. This home provides comprehensive assistance and social reintegration to gain a foothold, inter alia psychological help and a close-knit family atmosphere. Withal electronic monitoring a person may stay up to 18 months there (already spent in prison at least 1/3 of sentence). Meanwhile a convict shall continue to work, study or undergo specified treatment and is not permitted to leave the home at night (23:00–07:00), consume alcohol, drugs and narcotics. Travel is also subject to monitoring (Vernd, 2012). Such a temporary shelter isn't a distinctive feature of Icelandic Model, since similar social institutions are in go also in a wide range of state (e.g., in Japan, Germany, Azerbaijan, Russia), but Icelandic ones are regarded as highly effective thanks to friendly environment, whereas, for instance, in the Russian Federation such facilities are described the following way: hostel for cons, sex workers and drug addicts whom youth are frightened of in their childhood (Duligov, 2021).

***Just statistical fluctuations
or ulterior motives?***

Not only does the question about the uniqueness remain, but the above-outlined measures provoke another dispute. They cut state costs and expenses on prison system and lower the burden on penal system, but lack of

due funding and space in all places of deprivation of liberty obstruct Prison and Probation Administration. Convicts are placed on a waiting list to serve their sentence. In 2009 the number of awaiting completion of the sentence stood at 2000, but in 2017 the situation has improved (up to 450). However, in 2020 it rose again and reached more than 600. It's a common practice if a convicted person leaves a courtroom after delivering a judgment and heads home as if an ordinary citizen unless there is a «vacant» place. There are recorded cases of waiting up to 3 years. Taking into account the number of incarcerated, the statistics emphasize a serious issue (Statistics Iceland) (see below Fig. 2 and Fig. 3).

At first, the majority of prisoners whose punishment was replaced with alternative measures were nonviolent criminals. They were sentenced for property offenses or violations of traffic laws, but later such leniency has been introduced for other offenders as well (Gunnlaugsson, 2011).

In conjunction with the above-mentioned statements there are two mutually exclusive trajectories. On the one hand, some scholars demand to establish community service as a sanction for more crimes instead of imprisonment, i.e., those who is to serve up to a two-year unconditional prison sentence should be enabled to apply for community service. Probation should be possible for all age groups

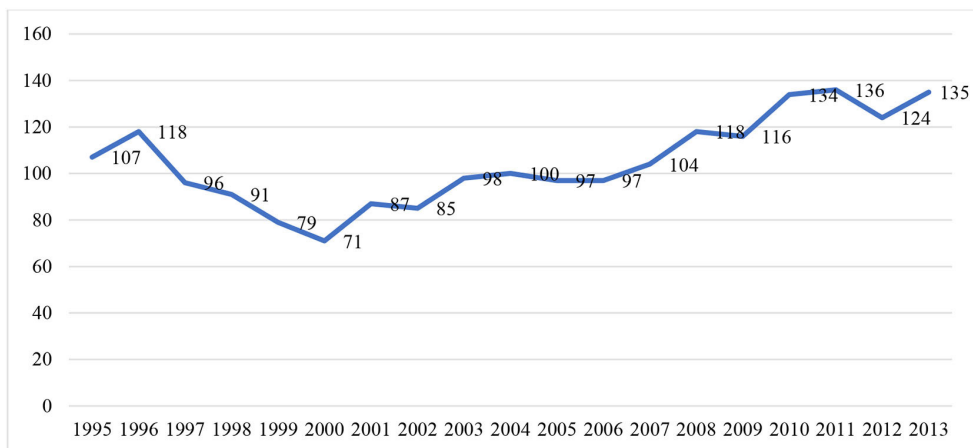

Fig. 2. Inmates in Icelandic prisons (1995–2013)
Source: the National Statistical Institute of Iceland

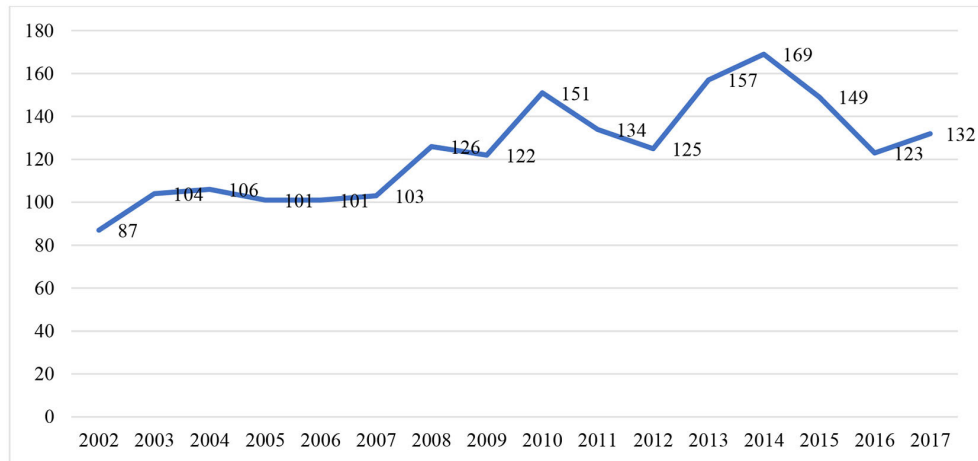

Fig. 3. Inmates in Icelandic prisons (2009–2019)
Source: Annual Reports of Prison and Probation Administration

(currently only for the youth) and release on parole after serving half term of sentence excepting most severe crimes. As a coercive additional measure mandatory therapy should be introduced. Moreover, convicts awaiting the completion of sentence more than 3 years should be pardoned in case of meeting certain criteria (Gunnlaugsson, 2021). Therefore, comparative analysis results in depicting Iceland as an example of Scandinavian exceptionalism with low crime rate and relatively short imprisonment (Pratt, 2008). On the other hand, statistics has been published rarely in time¹ and has been collected in a comprehensive manner from the beginning of the 21st century. In addition, data of National Statistical Institute and Prison and Probation Administration differ (cf. Fig. 2 and Fig. 3). National Statistical Institute of Iceland doesn't provide information about crimes apart from offenses in general. The comparison of Prison and Probation Administration Reports 2010–2014, 2012–2016 and 2013–2017 proves the inaccuracy (cf. prisoner statistics for the period 2013–2016) (Tölfræði). Therefore, a waiting list has only artificially reduced inmate number while the number of convictions has been going up. Among the

other things, one cannot make an unequivocal conclusion on effectiveness of such measures and may guess implicit reasons for their active implementation. Surveys show that every third Icelandic national consider punishments to be too lenient, in particular when it comes to violence and sex crimes. It is reasonable to isolate dangerous deviants for disciplinary purposes and for the sake of vulnerable society (Gunnlaugsson, 2011). Consequently, Iceland as a case of Scandinavian exceptionalism is not true. On the contrary, it has been fraudulent (Lappi-Seppälä, 2014).

(Debatable) IPM merit

It worth mentioning that juvenile delinquency is scrutinized thoroughly in Iceland. Deviant behavior derives frequently from tense family relations, low grades and participation in sports, art, religion or other social activities. That's why friends (as a social institution) and nocturnal lifestyle have a great impact on the teenagers and may engage in criminal activity as if it were a subculture (Bernburg, Thórlindsson, 1999, 2001, 2004; Bjarnason, 2000). First and foremost, it is necessary to reduce risks of youth offending by strengthening ties, promoting child integration and influencing 4 aspects of social environment: family, peer group, school and leisure time. It involves public vouchers or so-called leisure cards to

¹ This article was written in 2022. On this date Prison and Probation Administration Annual Reports provide data till 2015/2019. There is some statistics 2020, but its source is news rather than official one.

do sports or take part in cultural events (400 euro per a child aged 6–18 since 2017), curfew for the adolescents (22:00 in winter, midnight in summer) and development of enhanced parental and neighborhood control concerning child whereabouts and contacts. Icelandic and American researchers underline effectiveness of the above-mentioned measures in order to combat youth alcohol and drug abuse and violence offenses (Sigfusdóttir, Kristjánsson, Gudmundsdóttir, Allegrante, 2011; Kristjánsson, Sigfusdóttir, Thorlindsson, Mann, Sigfusson, Allegrante, 2016; Kristjánsson, Mann, Sigfusson, Thorisdóttir, Allegrante, Sigfusdóttir, 2020).

Nevertheless, some critics claim that although there is considerable decline in nicotine and narcotics use, legal framework has played a more significant role rather than non-mandatory measures. One should take into account such provisions as advertising ban of tobacco and alcohol, age limits to buy them (18 and 20, correspondingly), visibility ban of the produce, as well as harsh punishments against illicit drugs and narcotics trade (Sigfusson, 2018). Strong feeling of security withal fear of crime proves this theory (Ólafsdóttir, Bragadóttir, 2006). Still, we question the value of non-mandatory elements, because one has no accurate data based on empirical research that unpacks the contribution of IPM to declining consumption.

In 2020 there was an increase in number of drugs seized by the police and customs compared to 2019. Thus, the amount of seized marijuana increased (45,175 g. up to 91,772 g.) and cannabis – 12,030 g. up to 37,423 g., i.e., by 211 %. Restrictions on international travel and enhanced monitor at borders due to COVID-19 have given a boost to rear up domestic drugs in Iceland. According to the studies, cocaine use increased significantly between 2017 and 2019 (Lögreglan, 2021). In 2021 there was an initiative to decriminalize possession of all drugs for personal use. However, during public hearings the majority of public and scientific community were opposed to the idea (Samráðsgátt).

Other great concerns

Scholars outline a range of issues due to the internationalization in the light of almost total

centuries-long isolation (Gunnlaugsson, Þórisdóttir, 1999). After economic boom 1999 the number of migrants has risen drastically in 10 years. Overwhelmingly they came from Eastern European states looking for better working conditions. By the year 2008 the share of foreigners reached 17 % of all prisoners in Iceland and gradually increased in 2011 up to 25 %. By the year 2020 the proportion decreased to 18,9 % (Birckbeck). The bulk of crimes committed by foreign nationals is quite the same in comparison to the locals, in particular property, sex crimes and violence offences (Mallén, Storgaard, Lauritsen, Giertsen, Gunnlaugsson, Hjelm-Rasmussen, 2019; Gunnlaugsson, 2011). General statistics and egregious examples outline various challenges immigrant criminality (e.g., brutal murders in 2017 and 2021) (Iceland Magazine, 2018, Helgason, 2021). Crime groups operate both on the territory of Iceland² and remotely from Central and Eastern Europe (Poland, Lithuania, Romania, Albania), they are involved in drug smuggling, money laundering (Hafstað, 2021), people trafficking and sex trade (victims are oftentimes of Romanian and Albanian origin), cybercrimes, burglary and financing terrorism. Mainly cannabis and amphetamine export³ and synthetic drug import are carried out. There is cooperation between foreign and domestic actors (Global Initiative Against Transnational Organized Crime). In addition, Icelandic criminal groups operate on the territory of Spain, the Netherlands, Germany, Italy, Denmark, Latin America. Thus, their activity also extends national borders (Helgason, 2021).

Iceland is often being criticized for a lack of awareness about human trafficking, whereas labor unions call for complex defending measures, especially in terms of foreigners. Recently Icelandic authorities have teamed with nongovernmental organizations to provide assistance to victims of human trafficking and financial aid. There are shelters for women and children who are granted support from municipal social services. Interestingly, there are no special facilities for men, but state provides

² Nowadays there is information about 15 criminal gangs.

³ Reykjavík is among the largest amphetamine producers in Europe.

medical care, free legal advice and nutrition. In July 2020 a special center for victims of violence also joined coordination program (Global Initiative Against Transnational Organized Crime).

Motorcycle gangs (Bandidos, Hells Angels and Outlaws) also cause a lot of concern and each count about 40–50 people. However, it is worth mentioning that local criminal group activity doesn't characterize high proficiency and relies on social bonds, according to the National Commissioner of Police. Thus, they operate also in Nordic region, in particular in Sweden.

Rigorous weapon license legislation also ensures national feeling of security. The most common arms are sporting and hunting rifles. Police officers don't have guns on a routine patrol. The number of gun deaths has not exceeded 8 cases a year for the last 25 years. It also worth highlighting that in 2015 and 2018 there were sporadic cases (Ghosh, 2013). However, scholars warn against firearm trafficking (according to the data on 2017 a third of all arms in Iceland is not registered) (Alpers, Wilson, 2021).

As for cybercrime, Iceland has followed a philosophy called *see no evil*, unfortunately. It means that if one cannot see a danger, there is no threat at all (Ragnarsson, Bailes, 2013). According to the Post and Telecom Administration, in 2015 hijacks and extortionists attacked lots of Icelandic Internet users. In November due to attack the webpages of the government offices of Iceland were down for 13 hours (Hauksdóttir). The latest Report of Lögreglan contains a summary on cybersecurity situation worldwide and high-profile cases, but doesn't reflect Icelandic preparedness to response such threats (Lögreglan, 2016). Law enforcement in Iceland is concerned about the limited powers to track users of web hosting services provided by Icelandic companies. There are examples of drug trafficking websites in many parts of the world that are hosted by Icelandic companies, and the equipment that stores the website data is located both in Iceland and abroad. According to experts, the police have limited resources to request the closure or confiscation of certain domains (Lögreglan, 2021). On this ground one

may conclude that Iceland is not capable to resist brand new challenges.

Results

In conclusion, one may single out a wide range of issues, provided that Iceland is truly safe and relatively close-knit society thanks to homogeneity. Apparently, it's necessary to frame a comprehensive plan to combat both traditional crimes and emerging ones. Traditional crimes such as property, drug, violence and sex offenses are subject to separate acts. Despite strong feeling of security organized criminality is a serious matter and also requires sophisticated action plan on prevention.

Icelandic Prevention Model is a classical prevention example with strong alcohol policy and the elaborated approach to juvenile delinquency and drug addicts. Environmental prevention as a security measure is a promising concept to advocated for, as it focuses on reducing the visibility and accessibility of the substances, but an evaluation study or more surveys would buttress arguments in favor of the concept.

There are also lots of debatable aspects in terms of availability of resources, inter alia true purposes for dynamic replacement imprisonment by non-custodial sanctions, lack of space in prisons and social and psychological workers. Increasing number of recidivism and foreign criminality cast a long shadow on so-called *Scandinavian exceptionalism* of Iceland. According to the National Commissioner of Police, Icelandic authorities aware of problems, but they demand more firm and definite measures.

All in all, one cannot simply adopt Icelandic intervention concept due to its particular characteristics of the country. The most crucial features of the prevention in Iceland are embedded in local strategies at municipal level, whereas they are almost impractical for megapolises. The higher the population density, the greater problems with health, job opportunities, loneliness, weaker family and friend bonds occur. Moreover, some mechanisms such as parental monitoring depend on upbringing connected with the culture and traditions rather than lawmaking. That's why

geographical and social context must always prevail while implanting foreign models. At the same time, some elements were already implemented long time ago and they have become bare bones of any countering-crime policy.

References

- Adler F. *Nations Not Obsessed with Crime*. Littleton, Colo.: Fred B. Rothman and Co, 1983.
- Alpers P., Wilson M. Iceland – Gun Facts, Figures and the Law. Available at: <https://www.gunpolicy.org/firearms/region/iceland>. (Accessed 20.02.2022).
- Baldursson E. Prisoners, Prisons and Punishment in Small Societies. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, 2000, 1(1), 6–15.
- Baumer E., Wright R., Kristinsdóttir K. & Gunnlaugsson H. Crime, shame and reintegration: The case of Iceland. *In British Journal of Criminology*, 2002, 43(1), 40–59.
- Bernburg J.G., Thórlindsson Th. Adolescent violence, social control, and the subculture of delinquency: Factors related to violent behavior and non-violent delinquency. *In Youth & Society*, 1999, 30, 445–460.
- Bernburg J.G., Thórlindsson Th. Routine activities in social context: A closer look at the role of opportunity in deviant behavior. *In Justice Quarterly*, 2001, 18, 543–567. DOI: 10.1080/07418820100095011.
- Bernburg J.G. and Thórlindsson Th. I'm No Coward: A multi-level analysis of the social context of violence [Ég er engin gunga': Fjölstíaggreining á félagslegu samhengi ofbeldis]. *In Ú. Hauksson (ed.) Research in the social sciences [Rannsóknir í félagsvísindum V]*. Reykjavík: Félagsvísindastofnun Háskóla Íslands og Háskólaútgáfan. 2004, 103–112.
- BertelsmannStiftung. Social Justice in the EU and OECD Index Report 2019. Available at: https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/BSt/Publikationen/GrauePublikationen/SJI_2019.pdf. (Accessed 18.02.2022).
- Birckbeck. World Prison Brief. Iceland. Available at: <https://www.prisonstudies.org/country/iceland>. (Accessed 20.02.2022).
- Bjarnason Th. *Extent of violence among Icelandic adolescents and social explanatory factors [Umfang ofbeldis meðal íslenskra unglinga og félagslegir skýringaþættir]*. Reykjavík: Rannsóknir og greining, 2000.
- Blau J.R. & Blau P.M. The cost of inequality: Metropolitan structure and violent crime. *In American Sociological Review*, 1982, 47(1), 114–129. DOI: 10.2307/2095046.
- Braithwaite J. *Crime, Shame and Reintegration*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. DOI: 10.1093/bjc/42.1.40.
- Christie N. *Crime Control as Industry: Towards Gulags, Western Style*. London: Routledge, 2000. DOI: 10.4324/9781315512051.
- Duligov A. S. Problemy okazaniia ponoshchi osuzdennym k lishcheniiu svobody v sotsial'noi adaptatsii [Problems of helping people sentenced to imprisonment to socially adapt]. *Materialy Kh Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh "Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiiskogo prava" ["Traditions and novations in Russian law system: Materials of the international conference for young scientists"]*. M., Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2021, 55–57.
- Fangelsismálastofnun Ríkisins. Information on arrival to prison. Available at: <https://www.fangelsi.is/media/almennt/Information-on-arrival-to-prison.pdf>. (Accessed 19.02.2022).
- Garland D. *The culture of control: Crime and social order in contemporary society*. Oxford: Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1590/S 0104–44782003000100015.
- Ghosh P. Eden Shattered: Peaceful, Crime-Free Iceland Records Its Very First Fatal Police Shooting. Available at: <https://www.ibtimes.com/eden-shattered-peaceful-crime-free-iceland-records-its-very-first-fatal-police-1492018>. (Accessed 20.02.2022).
- Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Organized Crime Index. Iceland. <https://ocindex.net/country/iceland>. (Accessed 20.02.2022).

Gunnlaugsson H. Criminal Punishment in Iceland in the New Millennium. In *Punitivity: International Developments*, 3. Brockmeyer Verlag, 2011.

Gunnlaugsson H. Drug policy in Iceland: A paradigm shift in sight? Available at: <https://www.nsfk.org/blog/drug-policy-in-iceland-a-paradigm-shift-in-sight/>. (Accessed 18.02.2022).

Gunnlaugsson H. Criminal justice in a small Nordic country: The case of Iceland. In *Nordisk Tidsskrift for Kriminalvidenskab*, 2021, 1, 27–45.

Gunnlaugsson H., Galliher J.F. *Wayward Icelanders: Punishment, Boundary Maintenance, and the Creation of Crime*. Madison: University of Wisconsin Press, 2000. DOI: 10.2307/3089443.

Gunnlaugsson H. & Þórisdóttir R. Iceland and the Nordic drug survey: Drug use, public attitudes and youth. In *YOUNG*, 1999, 7(1), 19–35.

Hafstað V. Icelandic criminal groups abroad. Available at: https://icelandmonitor.mbl.is/news/news/2021/03/01/icelandic_criminal_groups_active_abroad/. (Accessed 20.02.2022).

Hauksdóttir G. Internet crimes in Iceland – New report. Available at: <https://www.icenews.is/2016/08/27/internet-crimes-in-iceland-new-report/> (Accessed 20.02.2022).

Helgason S. Brutal murder shocks Iceland, prompts government to focus on organized crime. Available at: <https://globalinitiative.net/analysis/iceland-organized-crime-beqiri-murder/>. (Accessed 20.02.2022).

Iceland Magazine Guilty verdict of Thomas Möller for brutal murder of Birna Brjánsdóttir confirmed. Available at: <https://icelandmag.is/article/guilty-verdict-thomas-moller-brutal-murder-birna-brjansdottir-confirmed>. (Accessed 20.02.2022).

Institute for Economics and Peace. Global Peace Index 2021. Available at: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2021/06/GPI-2021-web-1.pdf>. (Accessed 18.02.2022).

Koning I. M., De Kock C., van der Kreeft P., Percy A., Sanchez Z. M. & Burkhart G. Implementation of the Icelandic Prevention Model: a critical discussion of its worldwide transferability. In *Drugs: Education, Prevention and Policy*, 2021, 28(4), 367–378. DOI: 10.1080/09687637.2020.1863916.

Kriminalvården. Nordic statistics. For the prison service in Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden 2013–2017. Break the vicious circle [Nordisk statistik. För kriminalvården i Danmark, Finland, Island, Norge och Sverige 2013–2017. VI Bryter den onda cirkeln]. Available at: https://www.fangelsi.is/media/almennt/Nordisk-statistik-2013–2017.pdf?_x_tr_sl=is&_x_tr_tl=en&_x_tr_hl=en&_x_tr_pto=wapp. (Accessed 18.02.2022).

Kristjánsson A. L., Mann M. J., Sigfusson J., Thorisdóttir I. E., Allegrante J. P. and Sigfusdóttir I. D. Development and guiding principles of the Icelandic model for preventing adolescent substance use. In *Health Promotion Practice*, 2020, 21(1), 62–69. DOI: 10.1177/1524839919849032.

Kristjánsson A. L., Sigfusdóttir I. D., Thorlindsson T., Mann M. J., Sigfusson J. & Allegrante J. P. Population trends in smoking, alcohol use and primary prevention variables among adolescents in Iceland, 1997–2014. In *Addiction*, 2016, 111(4), 645–652. DOI: 10.1111/add.13248.

Lappi-Seppälä T. Imprisonment and Penal Demands: Exploring the Dimensions and Drivers of Systemic and Attitudinal Punitivity. In Body-Gendrot M., Kerezi R., Lévy, R., Snacken, S. (eds.). *The Routledge Handbook of European Criminology*, 2014, 295–335. Abingdon: Routledge.

Lögreglan. Organized crime in Iceland [Skipulögð brotastarfsemi á Íslandi 2021]. Available at: <http://www.logreglan.is/wp-content/uploads/2022/02/Skipulogd-brotastarfsemi-a-Islandi-2021.pdf>. (Accessed 20.02.2022).

Lögreglan. Computer and cybercrime – Risk and threat assessment [Tölvu- og netglæpir 2016 – Áhættu- og ógnarmat]. Available at: http://www.logreglan.is/wp-content/uploads/2022/01/Tolvu-og-netglæpir-2016_GRD.pdf. (Accessed 04.04.2022).

Mallén A., Storgaard A., Lauritsen A. N., Giertsen H., Gunnlaugsson H., Hjelm-Rasmussen M. (2019). *Crime and Crime Control in Four Nordic Island Societies: The Faroe Islands, Greenland, Iceland and the Åland Islands*. Scandinavian Research Council for Criminology.

Ólafsdóttir H. & Bragadóttir R. Crime and criminal policy in Iceland: Criminology on the margins of Europe. *European Journal of Criminology*, 2006, 3(2), 221–253. DOI: 10.1177/1477370806061977.

- Pratt J. Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess: Part I: The nature and roots of Scandinavian exceptionalism. *In British Journal of Criminology*, 2008, 48(2), 119–137. DOI: 10.1093/bjc/azm072.
- Pratt J. Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess: Part II: Does Scandinavian exceptionalism have a future? *In British Journal of Criminology*, 2008, 48(3), 275–292. DOI: 10.1093/bjc/azm073.
- Ragnarsson J. K., Bailes A. J. K. Iceland and Cyber-threats: Is it more than fear of fear? *In Icelandic Review of Politics & Administration*, 2013, 7(1):185, 187–204. DOI: 10.13177/irpa.a.2011.7.1.10.
- RÚV. One psychologist cares for 180 prisoners [Einn sálfræðingur sinnir 180 fongum]. Available at: <https://www.ruv.is/frett/einn-salfradingur-sinnir-180-fongum>. (Accessed 19.02.2022).
- Samráðsgátt. Plans for a bill amending the Act on Addictions and Narcotics 65/1974 (decriminalization of drugs consumption). [Áform um frumvarp til laga um breytingu á lögum um ávana og fíkniefni 65/1974 (afglæpavæðing neysluskammta)]. Last modified 9 July 2021. Available at: [https://samradsgatt.island.is/oll-mal/\\$Cases/Details/?id=2884](https://samradsgatt.island.is/oll-mal/$Cases/Details/?id=2884). (Accessed 20.02.2022).
- Sigfusdóttir I. D., Kristjánsson A. L., Gudmundsdóttir M. L. and Allegrante J. P. Substance use prevention through school and community-based health promotion: A transdisciplinary approach from Iceland. *In Global Health Promotion*, 2011, 18(3), 23–26. DOI: 10.1177/1757975911412403.
- Sigfusson J. Evidence Based Primary Prevention The Icelandic Model. Available at: <https://www.regionh.dk/forebyggelseslaboratoriet/præsentationer/Documents/Den%20Islandske%20Model%20-%20november%202018.pdf>. (Accessed 20.02.2022).
- Statistics Iceland. Prisoners 1995–2013. Available at: https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/Samfelag/Samfelag__domsmal__afbrot/?rxid=44282471-f479-49b0-a1cd-81f47b7222c4 (Accessed 19.02.2022 and Tölfræði. 2001–2017. Fangelsismálastofnun Ríkisins. Available at: <https://www.fangelsi.is/fangelsismalastofnun/tolfraedi/>. (Accessed 19.02.2022).
- Sveri K. Criminal Law and Penal Sanctions. In *Bondesson U. V. (ed.). Crime and Justice In Scandinavia*. Copenhagen: Forlaget Thomson, 2015.
- The World Bank. Population, total – Iceland. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=IS>. (Accessed 18.02.2022).
- Tölfræði. The State Prison Administration [Fangelsismálastofnun Ríkisins]. Available at: <https://www.fangelsi.is/fangelsismalastofnun/tolfraedi/>. (Accessed 19.02.2022).
- Van Willsem J., de Graaf N. D. & Wittebrood K. Cross-national differences in victimization. Disentangling the impact of composition and context. *In European Sociological Review*, 2003, 19(2), 125.
- Vernd. Heimilisreglur og Skilmálar á Laugateig 19. Available at: <https://www.vernd.is/index.php/vernd/heimilisreglur>. (Accessed 19.02.2022).
- World Economic Forum. Global Gender Gap Report 2021. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf. (Accessed 18.02.2022).

EDN: LBPGQK
УДК 346

Subordination of the Requirements of Construction Participants in the Bankruptcy Case of the Developer

Tatiana P. Shishmareva and Ekaterina E. En'kova*

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation*

Received 09.03.2023, received in revised form 21.03.2023, accepted 24.03.2023

Abstract. This article explores the issue of lowering the priority of satisfying the demands of creditors who are participants in construction and have the status of construction participants. The article presents an analysis of changes in the concept of “construction participant” in connection with the gradual inclusion of only citizens who meet their housing needs. The article concludes that participants in construction who have both monetary and non-monetary claims against the developer have a special status in bankruptcy proceedings. The legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the lowering of the priority of construction participants who pursue investment goals rather than meeting their housing needs are analyzed. The article proposes using a higher standard of proof when establishing the demands of a construction participant to confirm the purpose of using the residential premises.

Keywords: bankruptcy procedures, bankruptcy of the developer, construction participant, payment of compensation, subordination of claims, investment nature of the claims, standard of proof.

Research area: private law (civil) sciences.

Citation: Shishmareva T. P., En'kova E. E. Subordination of the requirements of construction participants in the bankruptcy case of the developer. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 775–782. EDN: LBPGQK

Субординация требований участников строительства в деле о банкротстве застройщика

Т.П. Шишмарева, Е.Е. Енькова

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье исследуется проблема понижения очередности удовлетворения требований кредиторов застройщика, имеющих статус участников строительства. Представлен анализ изменения понятия «участник строительства» в связи с последовательным включением в него только граждан, удовлетворяющих свои потребности в жилище. Сделан вывод об особом статусе в процедурах банкротства застройщика участников строительства, имеющих как денежные, так и неденежные притязания к застройщику. Проанализированы правовые позиции Верховного Суда РФ о понижении в очередности участников строительства, преследующих цели инвестирования, а не удовлетворения жилищной потребности. Предложено применять повышенный стандарт доказывания при установлении требования участника строительства для подтверждения цели использования жилого помещения.

Ключевые слова: процедуры банкротства, банкротство застройщика, участник строительства, выплата возмещения, субординация требований, инвестиционный характер требований, стандарт доказывания.

Научная специальность: 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки.

Цитирование: Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е. Субординация требований участников строительства в деле о банкротстве застройщика. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 775–782. EDN: LBPGQK

Introduction

In the process of establishing the claims of creditors in a developer's bankruptcy case, the grounds for their emergence are verified and the order of satisfaction is determined. Subordination of claims may occur during the establishment of creditors' claims, i.e. lowering their priority.

A. I. Shaidullin distinguishes between contractual and compulsory (legal) subordination (Shaidullin, 2022). We believe that this classification is incomplete. It is advisable to distinguish a third type of subordination based on the grounds for subordination, when the arbitration court considering the bankruptcy case justifies the need for subordination based on the principles of justice and applies

it when revealing clear unfairness. Let us call it judicial subordination. It seems that in the absence of legal regulation of many situations regarding subordination of claims, this type of subordination is significantly complicated. Judicial discretion and discretionary powers of the court are the basis for the application of this type of subordination.

Problem statement

When discussing the problems of subordination of creditors' claims, subordination of claims of controlling debtors and affiliated persons who provided compensatory financing loans to the debtor are usually distinguished. In our opinion, subordination can be applied in other cases as well. In particular, in bankruptcy

proceedings of a developer, other grounds for subordination are appearing.

Methodology

The following scientific research methods were used as a methodological basis for the study: analysis, synthesis, induction, deduction, teleological interpretation, forecasting.

Discussion

The legal basis for lawful subordination of claims in the Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 “On Insolvency (Bankruptcy)” (hereinafter – the Bankruptcy Law) is provided for claims of creditors and authorized bodies that are filed after the deadline for filing claims (Article 142), as well as for claims of dishonest counterparties in a transaction declared invalid under Article 61.1, paragraph 2, and Article 61.3, paragraph 2, as indicated in Article 61.9 of the Bankruptcy Law.

Contractual subordination is applied based on an intercreditor agreement on subordination regulated by Article 309.1 of the Civil Code of the Russian Federation. A. I. Shajdullin acknowledges that “such an agreement can be concluded either exclusively by individual creditors among themselves or with the participation of the debtor (internal subordination). In addition, absolute contractual subordination is possible by agreement between the creditor and the debtor” (Shajdullin, 2022).

At the same time, the legal position reflected in paragraph 4 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016 No. 54 “On Some Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation”, should be taken into account according to which contractual subordination is not applicable when bankruptcy procedures are introduced, and the order of satisfaction of creditors’ claims when bankruptcy procedures are introduced is established exclusively by the Bankruptcy Law. However, in some cases, judicial practice still recognizes the possibility of applying contractual subordination (for example, in the case of bankruptcy of LLC “Anchor Development”). The Economic Disputes Collegium of the Supreme Court of the Rus-

sian Federation pointed to the absence of any grounds for not applying the conditions of an agreement between creditors (determination of February 4, 2019 No. 304-ES 18–14031 in case No. A81–7027/20).

Moreover, legal positions have been developed in the summary of court rulings regarding the subordination of claims of controlling debtors and affiliated persons in the event of a loan being granted to a debtor in conditions where the debtor is experiencing financial difficulties in fulfilling its civil obligations and/or public duties, which was reflected in the Review of Judicial Practice for Disputes Related to Establishing Claims of Controlling Debtors and Affiliated Persons in Bankruptcy Proceedings, issued by the Supreme Court of the Russian Federation on January 29, 2020. In other legal systems, this type of subordination is usually regulated in insolvency legislation using various subordination models.

In Russian legislation, granting a loan to a debtor by controlling debtors and affiliated persons is not prohibited, but such creditors, unlike independent creditors, have greater knowledge of the debtor’s affairs, determine its actions, and are interrelated with it because they carry out entrepreneurial activities together. Therefore, the general principle in establishing claims of such creditors is to place the risk of the debtor’s insolvency on them and, accordingly, subordinate their claims when initiating bankruptcy proceedings, while, on the contrary, allowing independent creditors to satisfy their claims to a greater extent.

In the summary of court rulings, there are other cases of subordination of creditors’ claims that were not reflected in the aforementioned Review of January 29, 2020.

In the ruling of August 22, 2022, No. 305-ES 22–7163 in case No. A41–34210/2020, the Supreme Court of the Russian Federation stated that in the bankruptcy case of a developer, claims of individuals with investment character are satisfied in the fourth queue.

The validity of this position raises questions. One of the features of considering bankruptcy cases of persons who, in essence, are developers under the Bankruptcy Law, is a different order of satisfying claims of bankruptcy

creditors (compared to other categories of debtors), established by Article 201.9 of the said Law, in conditions where the unfinished construction object and land plot, which serve as the subject of lawful or contractual mortgage, are not sold at auctions.

The legislator allocates a privileged queue for citizens recognized as participants in construction, whose claims are satisfied in a priority order in relation to the claims of other bankruptcy creditors, namely, in the first subqueue of the third queue.

According to subparagraph 2 of paragraph 1 of article 201.1 of the Bankruptcy Law, participants in construction include individuals who have claims against the debtor for:

1) the transfer of residential premises, as well as parking spaces and non-residential premises up to 7 square meters, of a non-monetary nature;

2) monetary claims in the following cases: a) when the developer undertakes to pay damages and penalties if the contractual relationship between the participant in construction and the developer was terminated due to the participant in construction's refusal to participate in shared construction or as a result of termination of the contract for participation in shared construction or other contracts, both unilaterally and by mutual agreement; b) compensation for damages in the form of real damage in case of impossibility of the developer's obligation to transfer residential premises in kind; c) refund of funds transferred by the participant in construction, or funds in the amount of the value of the property transferred under the contract, when the contract concluded with the developer is recognized by the court as invalid (restitution claim); d) refund of funds paid under the contract when the contract is recognized by the court as not concluded (condictio claim); e) transformation of a non-monetary claim into a monetary claim due to the refusal of participants in construction to fulfill the contract for the transfer of residential premises and (or) parking spaces and non-residential premises (paragraph 1 of article 201.5); refusal to conclude the contract of those participants in construction whose claims cannot be satisfied due to the lack of residential premises or the

claims of several participants for one residential premises (paragraph 7 of article 201.10).

If the developer cannot fulfill the obligation to transfer residential and non-residential premises and parking spaces, the bankruptcy trustee carries out settlements in monetary form if the arbitration court does not make a decision on the transfer of an unfinished construction object or if the transfer of the developer's property to another developer is not made one month before the end of the bankruptcy proceedings.

The legal status of participants in construction with non-monetary claims is a matter of debate among higher judicial bodies. The Constitutional Court of the Russian Federation, following the provisions of the Bankruptcy Law, recognizes the status of bankruptcy creditors exclusively for participants in construction who have monetary claims against the debtor (determination of March 29, 2016, No. 529-O). At the same time, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation believe that participants with both monetary and non-monetary claims have an identical status (determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 3, 2014, No. VAS-1461/14). In the legal doctrine, the status of these creditors is recognized as equal, since there are different ways to protect their rights (Rogova, 2020).

Public-law entities are also participants in construction, but this category of creditors is not granted priority for satisfying their claims in the first queue, based on the grammatical and teleological interpretation of the relevant norm.

The legislature consistently changes the concept of a construction participant. When introducing amendments to the Bankruptcy Law by Federal Law No. 151-FZ of June 27, 2019 "On Amendments to the Federal Law "On Participation in the Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" the concept of a "construction participant" was changed by excluding legal entities from it. The

purpose of such a change is to establish a priority for protecting the property rights of citizens who have become investors in the construction of apartment buildings, satisfying their housing needs.

Meanwhile, disputes arise in judicial practice regarding the inclusion in the registry of creditors' claims of assignments from citizens who acquired them under a contract of assignment of the right to demand from assignors – legal entities who entered into a shared construction agreement with the developer after the entry into force of Federal Law No. 151-FZ of June 27, 2019, as a construction participant.

For example, assignee Z. acquired at auction the right to demand the transfer of residential premises under a shared construction agreement from a legal entity and applied to the bankruptcy trustee of the developer for its inclusion in the registry. After the bankruptcy trustee refused, the dispute was resolved in court. The Arbitration Court did not recognize the assignee as a construction participant, stating that the assignment agreement was concluded after the entry into force of Federal Law No. 151-FZ of June 27, 2019 (resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of December 6, 2021, No. F05–26665/2021 in case No. A41–615/2020).

The requirement of the assignee cannot be satisfied as part of the priority queue of construction participants, since legal entities, in the court's opinion, do not have the goal of satisfying their basic social need for their own housing, and the claims of the assignor could not be included in the register as the claims of a construction participant of the first sub-priority of the third priority.

It should be noted that when a transaction for the assignment of a claim is made, the assignor has the right to transfer the claim of the initial creditor to the assignee to the extent and on the conditions that existed at the time of the transfer of the right to the claim (paragraph 4 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017 No. 54 “On Some Issues of the Application of the Provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the Change of Persons in an Obligation Based on a Transaction”).

However, the court stated that the assignee may have additional rights that were not available to the original creditor.

The provision of such priority to construction participants is primarily due to the goal of special regulation of the bankruptcy of developers – protecting the property rights of citizens as non-professional investors. Thus, in the resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 23, 2013 No. 13239/2012, the achievement of this goal by the legislator is emphasized.

It is known that the protection of property rights of construction participants has been an acute social problem in Russia since the 90s, which has not found its final resolution, despite the repeated attempts of the legislator to change the legal paradigm in the relevant area. Perhaps only the transition to escrow accounts to some extent reduced the severity of the crisis.

In light of the foregoing, the question of the criteria for determining the order of satisfying the claims of creditors of an insolvent developer becomes particularly important. As noted earlier, only individuals, the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, and municipalities can be participants in construction (Article 201.1 of the Bankruptcy Law). The type of claims made by the creditor also affects their status as a participant in construction. Only claims for the transfer of residential premises or monetary claims can be considered, and for individuals, claims for the transfer of non-residential premises with an area not exceeding 7 square meters, as well as parking spaces.

Until recently, the courts did not take into account the status of individual entrepreneur, the number of residential premises acquired under the contract with the developer, or the motives for their acquisition when determining the status of a participant in construction. For example, in case No. A41–60101/13, a claim for the transfer of 7 apartments is included in the register (resolution of the Moscow District Arbitration Court of March 20, 2020), and in case No. A12–21397/2019, a claim of an individual entrepreneur for the transfer of 15 apartments is included in the register (resolution of the Volga District Arbitration Court of May 19, 2021).

However, in judicial practice, a different approach gradually began to prevail, according to which it is necessary to take into account the purpose of acquiring a residential premises when establishing the status of a participant in construction (see the resolutions of the Twentieth Arbitration Appellate Court of February 21, 2022, in case No. A09–9475/2019, the North Caucasus District Arbitration Court of July 26, 2022, in case No. A32–45401/2019, and the Northwest District Arbitration Court of April 14, 2022, in case No. A66–7173/2020).

In 2022, this position was supported by the Supreme Court of the Russian Federation in determination No. 305-ES 22–7163 of August 22, 2022, in case No. A41–34210/2020. The court agreed with the conclusions of the appellate and cassation courts, which found that the claims of citizen investors who entered into relations with the developer with the aim of further profit from the resale of residential premises should not be satisfied as part of the first sub-order of the third order, clarifying that the significant number of acquired apartments itself does not indicate the investment nature of the claims. Later, the lower courts began to actively apply the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation (resolution of the Moscow District Arbitration Court of September 20, 2022 in case № A41–34148/2020).

The opinion on the need to differentiate the status of “professional” and “non-professional” participants in construction requirements has been critically assessed in the academic community. According to a legal expert opinion from February 4, 2022 by A. V. Egorov, R. T. Miftakhutdinov, and O. R. Zaitsev, the legislature and the judiciary (at the time of the opinion’s preparation) deliberately reject this differentiation (Egorov, Miftakhutdinov, Zaitsev, 2022).

The position of the Supreme Court of the Russian Federation significantly deviates from the legal definition of a construction participant enshrined in Article 201.1 of the Bankruptcy Law, thereby undermining the principle of legal certainty and making the legal position of investors in the construction sector ambiguous.

Firstly, difficulties may arise in determining the nature of a citizen’s claims. Cur-

rently, the only criterion that courts rely on is the number of acquired apartments. However, in judicial practice, possible presumptions of “investment” relationships with the developer are already emerging: an investor’s conclusion of agreements for the assignment of claims to third parties, investor owning their own housing (see, for example, the resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of May 25, 2022, in case No. A41–34138/2020), the acquisition of housing by an investor’s close relatives from the same developer (the resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of September 26, 2022, in case No. A41–65911/2019). However, these presumptions do not solve the problem since they do not take into account the individuality of a citizen’s housing needs and those of their close relatives.

Secondly, the criterion of the purpose of acquisition raises questions of uncertainty. It is not entirely clear which ways of making a profit can be considered: only the assignment of claims to third parties and the resale of finished housing or also the rental of acquired apartments? It is unclear at what point the purpose should be “consumer”: when concluding a contract with the developer or when filing for bankruptcy? Finally, if a citizen did indeed intend to meet their housing needs, how can we determine which specific apartment should be included in the register of claims? Should the investor be given the right to choose or should the court decide?

Thirdly, it is necessary to take into account the limitations established in Article 13 of the Federal Law of July 29, 2017, Federal Law No. 218-FZ of July 29, 2017 “On the public law company “Territorial Development Fund” and on amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” regarding the amount of payments made by the Fund..

According to article 13, part 2 of the Law on Compensation Payments to citizens recognized as participants in construction and entitled to demand the transfer of residential, non-residential premises, and parking spaces are limited within the market value of 120 square meters but not less than the contract price paid. In accordance with part 2.1. of article 13, com-

pensation is paid to the citizen for one parking space and one non-residential premises. The size of payments is determined by the Rules for payment of the public law company "Territory Development Fund" on compensation to citizens – participants in construction entitled to demand the transfer of residential, non-residential premises and parking spaces, approved by the Government of the Russian Federation on October 7, 2017, No. 1233.

It should be noted that the Territory Development Fund has the right to decide to replace the decision on financing activities to complete construction with a decision to pay compensation of a monetary nature to participants in construction. In this case, the participants in construction have the right to transform their claims into non-residential premises provided that the method for satisfying their claims is chosen by the meeting of participants in construction.

References

Egorov A. V., Miftakhutdinov R. T., Zaitsev O. R. *Iuridicheskoe nauchnoe ekspertnoe zakliuchenie*. 2022. Available at: https://arbitrageru.legal/analytics/view/scientific_expertise/ (accessed 10 February 2023).

Federal'nyi zakon ot 26 oktiabria 2002 g. № 127-FZ «*O nesostoiatel'nosti (bankrotstve)*» [Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (accessed 10 February 2023).

Federal'nyi zakon ot 29 iiulia 2017 g. № 218-FZ «*O publichno-pravovoi kompanii «Fond razvitiia territorii» i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii*» [Federal Law No. 218-FZ of July 29, 2017 "On the public law company "Territorial Development Fund" and on amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221171/ (accessed 10 February 2023).

Federal'nyi zakon ot 27 iyunia 2019 g. № 151-FZ «*O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i inyx ob`ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenii v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii*» [Federal Law No. 151-FZ of June 27, 2019 "On Amendments to the Federal Law "On Participation in the Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327710/ (accessed 10 February 2023).

Obzor sudebnoi praktiki razresheniia sporov, svyazannykh s ustanovleniem v protsedurakh bankrotstva trebovaniia kontroliruiushchikh dolzhnika i affilirovannykh c nim lits, utverzhdennyi Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF ot 29 ianvaria 2020 g. [Review of judicial practice of dispute resolution related to the establishment of claims of controlling debtor and affiliated persons in bankruptcy procedures, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on January 29, 2020]. Available at: <https://www.vsr.ru/documents/all/28682/> (accessed 10 February 2023).

Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 29 marta 2016 g. № 529-O «*Ob otkaze v priniatii k rassmotreniiu zhaloby grazhdanina Emel'ianova Alekseia Viacheslavovicha na narushenie ego konstitutsionnykh*

Conclusion

In conclusion, in bankruptcy proceedings of a developer, in addition to legal and contractual subordination, the court may apply subordination of claims of participants in construction if it is established that the satisfaction of this claim does not aim to meet the housing needs of the citizen.

It seems necessary for the Supreme Court of the Russian Federation to develop an increased standard of proof for separate disputes of the discussed category. In the absence of clear criteria for the "investment" nature of the creditor's relationship with the developer, the further development of judicial practice in this direction may have a certain negative impact on economic relations: investments in construction will inevitably become more risky for citizens, including those who entered into legal relations with the developer to satisfy their own housing needs.

prav punktom 2 stat'i 3, punktom 2 stat'i 4, punktom 2 stat'i 7 i punktom 2 stat'i 33 Federal'nogo zakona "O nesostoiatel'nosti (bankrotstve)"». [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. № 529-O of March 29, 2016 "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Emelyanov Alexey Vyacheslavovich on violation of his constitutional rights by paragraph 2 of Article 3, paragraph 2 of Article 4, paragraph 2 of Article 7 and paragraph 2 of Article 33 of the Federal Law "On Insolvency (bankruptcy)"]. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=458236#P-3fneXTIT0Ves4gG1> (accessed 10 February 2023).

Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22 noiabria 2016 g. № 54 «*O nekotorykh voprosakh primeneniia obshchikh polozhenii Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii*» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 of November 22, 2016 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280144/ (accessed 10 February 2023).

Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21 dekabria 2017 g. № 54 «*O nekotorykh voprosakh primeneniia polozhenii glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o peremene lits v obiazatel'stve na osnovanii sdelki*» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 of December 21, 2017 "On some issues of application of the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in an obligation on the basis of a transaction"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280144/ (accessed 10 February 2023).

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 7 oktiabria 2017 g. № 1233 «*Ob utverzhdenii Pravil vyplaty publichno-pravovoi kompaniyei "Fond razvitiya territorii" vozmeshcheniya grazhdanam – uchastnikam stroitelstva. imeyushchim trebovaniya o peredache zhilykh pomeshcheniy. mashino-mest i nezhilykh pomeshchenii*» [Decree of the Government of the Russian Federation No. 1233 of October 7, 2017 "On Approval of the Rules for Payment of Compensation by the Public Law Company "Territorial Development Fund" to Citizens Participating in Construction who Have Requirements for the Transfer of Residential Premises, Parking Spaces and Non-Residential Premises"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280144/ (accessed 10 February 2023).

Rogova I.U.V. Bankrotstvo zastroishchika: sostoianie i problem. In *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, 2020, 4, 60–72.

Shaidullin A.I. *Subordinatsiia obiazatel'stvennyx trebovaniy kontroliruiushchix dolzhnika i affilirovannyx s nim lits v delax o bankrotstve xoziaistvennyx obshchestv*. Diss. ... kand. iurid. nauk. Moskva, 2022. Available at:

https://izak.ru/upload/iblock/151/SHaidullin-A.I._Kandidatskaya_dissertatsiya_final_pdf.pdf (accessed 10 February 2023).

EDN: WMVTXC
УДК 340, 347, 34.03

Decisions of International Courts in the System of Sources of Law (Using the Example of the Acts of the European Court of Human Rights)

Vladimira V. Dolinskaya^{*a} and Vladimir L. Slesarev^b

^a*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation*

^b*S.S.Alekseev Private Law Research Center
under the President of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

Received 03.03.2023, received in revised form 20.03.2023, accepted 24.03.2023

Abstract. The relevance of the study is due to the need to determine the place of judicial acts, including international courts in the systems of national and international law. The goal is to determine approaches to the development of optimal interaction between national and supranational law, the constitution, laws and judicial acts while minimizing political, subjective and evaluative moments.

Comparative legal analysis was used as the main research method.

The problems of the absence of uniform approaches to the concept of “sources of law” and their system in various branches of law and in the doctrine; the official inclusion/non-inclusion of judicial acts among the sources of law; the place of acts of international courts in the systems of international and national law are analyzed.

At the international level, the place of judicial acts in the form of decisions has been determined and it is in the hierarchy of sources of international law below international treaties, customs and principles of law.

The tendencies of strengthening the control activities of the ECHR and the phenomenon of “principled resistance” come into conflict.

The main reasons for non-enforcement of ECHR decisions, in most cases named by national constitutional courts, have been identified.

In conditions of limited integration processes, consistent steps are recommended to develop more flexible procedures and mechanisms for the interaction of national, supranational and international law in the framework of the development of legal integration.

Keywords: ECHR, legislation; integration, source of law, constitutional court, international law; judicial act, phenomenon of “principled resistance”.

Research area: private law (civil) sciences.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: civil-VVD@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6002-3111 (Dolinskaya)

Citation: Dolinskaya V.V., Slesarev V.L. Decisions of international courts in the system of sources of law (using the example of the acts of the European Court of Human Rights). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 783–792. EDN: WMVTXC

Решения международных судов в системе источников права (на примере актов Европейского Суда по правам человека)

В.В. Долинская^а, В.Л. Слесарев^б

*^аМосковский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Российская Федерация, Москва*

*^бИсследовательский центр частного права
имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена потребностью в определении места судебных актов, в т.ч. международных судов в системах национального и международного права. Цель – при минимизации политических, субъективно-оценочных моментов определить подходы к выработке оптимального взаимодействия национального и наднационального права, конституции, законов и судебных актов. В качестве основного метода исследования использован сравнительно-правовой анализ. Проанализированы проблемы отсутствия в разных отраслях права и в доктрине единых подходов к понятию «источники права» и их системе; официального включения/невключения судебных актов в число источников права; места актов международных судов в системах международного и национального права.

На международном уровне определено место судебных актов в форме именно решений, и оно в иерархии источников международного права ниже международных договоров, обычаев и принципов права.

В противоречие вступают тенденции усиления контрольной деятельности ЕСПЧ и феномена «принципиального сопротивления».

Выявлены основные, в большинстве случаев поименованные национальными конституционными судами причины неисполнения решений ЕСПЧ.

В условиях ограниченности интеграционных процессов рекомендованы последовательные шаги по выработке более гибких процедур и механизмов взаимодействия национального, наднационального и международного права в рамках развития правовой интеграции.

Ключевые слова: ЕСПЧ, законодательство, интеграция, источник права, конституционный суд, международное право, судебный акт, феномен «принципиального сопротивления».

Научная специальность: 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки.

Цитирование: Долинская В. В., Слесарев В. Л. Решения международных судов в системе источников права (на примере актов Европейского Суда по правам человека). Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2023, 16(5), 783–792. EDN: WMVTXC

Введение

Для государства важна четкая система источников права. В разных правовых системах и даже государствах, относящихся к одной системе, встречаются отличающиеся друг от друга подходы к определению места судебных актов в системе права. В условиях глобализации и альтермондиализма остро встает вопрос о взаимодействии правовых систем, национального, наднационального и международного права.

Это и изменения в Конституции Российской Федерации (далее – РФ, Россия) делают актуальным исследование места актов международных судов, в том числе Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в системе источников права.

В доктринальной литературе и выступлениях официальных представителей государств и международных организаций больше внимания уделяется вопросам исполнения и исполнимости решений международных судов, в первую очередь ЕСПЧ (Karpovich, 2020). Часто делается упор на место международных договоров (Papir Kh.-Iu., 2007), в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенции), в системе источников национального права, а не на место в ней актов международных судов.

Наша цель – при минимизации политических, субъективно-оценочных моментов определить подходы к выработке оптимального взаимодействия национального и наднационального права, конституции, законов и судебных актов.

Методы

В качестве основного метода исследования использован сравнительно-правовой анализ: сравнение международного и национального права, подходов разных правовых семей к системе источников права, различных источников права.

В исследовании использованы международные соглашения, правовые акты России и ряда других стран, акты международных и национальных, в первую очередь, конституционных судов. Доктринальной основой служат работы российских и зарубежных юристов, ученых и судей, в первую очередь по теории права, конституционному, международному и судебному праву (Alekseev, 1973; Blankenagel, 2018; Hurrell, 1995; Iakovlev, 2000; Kutafin, 2002; Lazarev, 2006; Lüebbe-Wolff, 2012; Marchenko, 2005; Tunkin, 1962; Zhuikov, 2000; Zivs, 1981; Zor'kin, 2013, 2021 и др.).

Результаты

На международном уровне определено место судебных актов в форме именно решений, и оно в иерархии источников международного права ниже международных договоров, обычаев и принципов права.

На современном этапе наблюдаются вступающие в противоречие тенденции:

- усиления контрольной деятельности ЕСПЧ (Perchatkina, 2011),

- уклонения высших судов государств – членом Совета Европы от исполнения решений ЕСПЧ со ссылкой на приоритет национального права – феномен «принципиального сопротивления» (Последнему была посвящена конференция «Principled Resistance against ECtHR Judgments – a New Paradigm?» (01–02.06.2017 г.)).

Основными, в большинстве случаев поименованными национальными конституционными судами причинами неисполнения решений ЕСПЧ выступают следующие факторы:

- концептуальное несовпадение мнений судей ЕСПЧ и судей национальных судов, которые основывают свои решения на нормах национального законодательства;

- отсутствие определенности по вопросам юридической природы, места и значения решений ЕСПЧ в системе права го-

сударства в законодательстве, практике высших судов государств, науке;

– отсутствие общей прецедентной практики ЕСПЧ по делам устоявшихся стандартов.

В условиях ограниченности интеграционных процессов рекомендованы последовательные шаги по выработке более гибких процедур и механизмов взаимодействия национального, наднационального и международного права в рамках развития правовой интеграции.

Обсуждение

Предмет исследования связан с несколькими проблемами.

Первой является отсутствие в разных отраслях права и в доктрине единых подходов к системе источников права и даже самому понятию «источник права», введенному Титом Ливием более 2 тыс. лет назад.

К этим вопросам обращались представители теории права и различных отраслевых наук:

– до Октябрьской революции 1917 г. (Gambarov, 1911; Korkunov, 1909; Petrazhitskii, 1907; Rennenkampf, 1898; Shershenevich, 1911 и др.),

– в советское время (Vasil'ev, 1976; Zivs, 1981; Kechek'ian, 1946; Tunkin, 1962 и др.),

– на современном этапе (Dolinskaya, 2005; Kutafin, 2002; Marchenko, 2005; Nersesiants, 1999 и др.).

Оставляя эти дискуссии (Краткий обзор позиций см.: Dolinskaya, Inshakova, Slesarev, 2017. § 1.1) за пределами настоящего исследования, мы исходим из наиболее распространенного понимания источников права как системы его внешних форм, в которых содержатся правовые нормы. Речь идет об определенных способах установления, внешнего выражения права, формальном закреплении правовых явлений посредством ряда правотворческих процедур в юридических актах, придании им обязательности (с пределами по субъектам, территории/сфере, времени).

Они и юридическая сила каждой группы источников права определяются

по странам конституциями и специальными законами, зависят от национальных особенностей внутри одной правовой семьи, построения в разных странах отраслей права и законодательства в соответствии с монистической системой и дуализмом права и рядом других признаков (Marchenko, 2001; Saidov, 2003).

Во всех «семьях права» присутствует такой источник, как судебный акт, что свидетельствует об определенной гносеологической общности и общности тенденций развития источников права. Еще Л.И. Петражицкий среди видов позитивного права (источников права) выделял и право судебной практики (Petrazhitskii, 1907: 410–458).

Одновременно как недостатки отметим несовпадающие по отраслям права даже в одной стране системы источников права и содержание схожих их групп.

Например, п. 1 ст. 7 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ указывает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью правовой системы России, а Налоговый кодекс РФ говорит только о международных договорах по вопросам налогообложения (ст. 7).

Законодательство рассматривается в широком смысле слова как совокупность законов и подзаконных нормативных актов (например, ст. 3 Градостроительного кодекса РФ от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ, ст. 5 Жилищного кодекса РФ от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ) и в узком смысле как система действующих законов государства (например, ст. 3 ГК, ст. 5 Трудового кодекса от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ, ст. 2 Земельного кодекса РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ), не включая ни в том, ни в другом случае стоящую над ним Конституцию. Такое неоднозначное толкование выходит на общую проблему соотношения права и закона.

Вторая проблема – официальное включение/невключение судебных актов (или их элементов) в число источников права, хотя они признаны источником права на международном уровне еще в середине XX в. (ст. 38 Статута Международного Суда Ор-

ганизации Объединенных Наций (далее – ООН) (Сан-Франциско, 26.06.1945 г.), являющимся согласно ст. 92 Устава ООН его составной частью.

Вступившие в силу судебные акты по конкретному делу обязательны для лиц, участвующих в данном деле, а также для всех граждан (физических лиц), организаций (юридических лиц) и публично-правовых образований (ст.ст.3, 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», п. 1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК), п. 2 ст. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК).

Судебная практика, выраженная в разъяснениях Пленума Верховного Суда, фактически *«всегда признавалась источником права, поскольку в судебных решениях допускались ссылки на них как на правовую основу разрешения дела»* (Zhuikov, 2000: 16). Сначала это происходило в силу их авторитета, затем – в силу закона.

Сейчас формулировка компетенции Верховного Суда РФ в ст. 126 Конституции РФ свидетельствует о возврате от позиции «судебные акты высшего судебного органа – источник права» к позиции «судебные акты высшего судебного органа – акты толкования». Объективности ради признаем, что и авторы настоящего исследования не единодушны в их квалификации: В.В. Долинская придерживается первой позиции (см., например: Dolinskaya, 2007, 2; Dolinskaya, 2012, 1), В.Л. Слесарев – второй (см., например: Slesarev, Slesarev, 2017, § 1.2).

Одновременно сохраняет силу норма п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 «О судебном решении», в котором указано, что суд наряду с законом должен учитывать: *«а) постановления Конституционного Суда Российской Федерации ...; б) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации ...; в) постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле»*. Под вопросом оказывается построение этого

перечня – опирается ли оно и на юридическую силу источников?

Законом предусмотрены определенные границы/пределы судебной правотворчества.

Все признаки источников права находят в решениях Конституционного Суда РФ В.В. Лазарев (Lazarev, 2006: 29).

Из примеров зарубежных правовых систем отметим, что в США судебные прецеденты входят в число обязательных источников (наряду с законами, международными договорами и др.). И во всех правовых системах судебные акты по юридической силе стоят ниже законов, которым должны соответствовать.

Третья проблема связана с тем, что объект исследования – не просто судебные акты, а акты международных судов.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, п. 1 ст. 7 ГК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (аналогичный подход, например, в ст. 9 Конституции Австрии 1920 г.).

На международном уровне определено место судебных актов в форме именно решений, и оно в иерархии источников международного права ниже международных договоров, обычаев и принципов права. Это *«вспомогательные источники»*, которые применяются для определения правовых норм.

Таковыми «вспомогательными источниками» могут быть решения Международного Суда ООН, ЕСПЧ, Экономического суда СНГ и т.п.

Нам не удалось обнаружить в законах участников Совета Европы четкое указание на место этих актов в иерархии национальных источников права.

В п. 3 ст. 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» содержится отсылка к международным договорам РФ, которые определяют *«обязательность на территории Российской Федерации постановлений судов иностранных государств, международных судов и арбитражей»*.

Ст. 59 Статута Международного Суда ООН гласит, что решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу. В Римском Статуте Международного уголовного суда 1998 г. подобной оговорки нет – суд применяет принципы и нормы международного права так, как они были истолкованы в его предыдущих решениях (ст. 21). Поскольку определенное понимание принципов и норм международного права, сформулированное в решении суда, применимо к разрешению последующих дел, сами международные суды исходят из прецедентного характера своих решений (см. также: Pashentsev, 2011).

В соответствии с ч. 1 ст. 46 Конвенции государства-участники «... *обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами*» (выделено нами – В.Д., В.С.).

В то же время в ежегодных докладах об исполнении постановлений ЕСПЧ заявляется о значительном (более 10 тысяч) количестве неисполненных актов и росте сроков неисполнения (даже более 10 лет) (Annual report European court of human rights 2018), хотя в законодательстве стран – участниц Совета Европы не предусмотрена возможность неприменения положений постановлений ЕСПЧ.

Примеры игнорирования решений ЕСПЧ есть в практике Австрии (постановление Конституционного Суда от 14.10.1987 г. по делу № В 267/86), Великобритании (Boyle v UK 1994 г., от 06.10.2005 г. Hirst – United Kingdom] (Жалоба N 74025/01) и др.), Италии (постановления Конституционного Суда Итальянской Республики по делам 2006 г. Scordino v. Italy (Жалоба № 36813/97), 2011 г. Maggio and Others v. Italy (Жалоба № 46286/09), 2012 г. Scoppola v. Italy (№ 3) (жалоба № 126/05) и др.), ФРГ (определение Федерального Конституционного Суда Германии от 29.05.1974 г. по делу 2 BvL 52/71 (BVerfGE 37, 271) [«Solange-I»], постановления ФКС от 11.10.1985 г., 14.10.2004 г. (наиболее известное – по делу «Гёргиюлю (Gorgulu) против Германии», 2BvR 1481/04 (BVerfGE 111, 307)), 13.07.2010 г.) и др. стран

(см.: Bushev, 2016; Zor'kin, 2010; Liubbe-Vol'ff, 2006).

Анализ правоприменительной практики позволил выделить основные причины неисполнения решений ЕСПЧ, вынесенные нами в Результаты (см. также: Karpovich, 2020).

В политике и литературе предлагают прямо противоположные решения проблемы: признание возможного несоответствия взглядов на содержание прав и свобод человека в рамках интернациональной системы их защиты с полным принятием юрисдикции ЕСПЧ (Liubbe-Vol'ff, 2012); исполнение даже неконвенционных, ошибочных актов ЕСПЧ (Blankenagel', 2018); выход из Совета Европы государств, не согласных с позициями ЕСПЧ; отказ от национального конституционализма в пользу наднациональной конституции (идея фикс некоторых шпионских романов о мировом правительстве) (Toinberg, 2016; Uitts, Shaio, 2018) и др.

Россия – единственная страна, которая не только легально закрепила возможность неисполнения решений ЕСПЧ (п. 3.2 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), но и попыталась дать этому не только политическое, но и правовое обоснование, развивая позиции конституционных судов других государств, – в Постановлениях Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» и от 19.04.2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

Положения гл. 1 Конституции РФ составляют основы конституционного строя России, положения гл. 2 – основы правового статуса личности в России, они не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном самой Конституцией (ст.ст.16, 64 Конституции РФ).

От суверенитета, установленного ст. 4 Конституции РФ, производна международная правосубъектность государства, позволяющая ему заключать международные договоры.

Международные договоры по юридической силе стоят ниже Конституции РФ и выше федеральных законов (ст.ст.4, 15, 79, 125 Конституции РФ; аналогичный подход в ст. 55 Конституции Французской Республики 1958 г.).

Участие в межгосударственных объединениях и передача им части своих полномочий в соответствии с международными договорами допустимы, только *«если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров»* России в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в России (ст. 79 Конституции РФ; схожий подход в ст. 140а Конституции Австрии).

В ответ на исключение России из Совета Европы принят Федеральный закон от 11.06.2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений

законодательных актов Российской Федерации», позволяющий не исполнять решения ЕСПЧ.

При этом Конституционный Суд РФ, политические деятели и ученые (См., например: Zog'kin, 2017) неоднократно указывали на то, что между Конституцией РФ, получившей одобрение в Окончательном заключении Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) от 16.03.1994 г., и Конвенцией в их аутентичном смысле нет расхождений, способных породить проблемы совместимости конвенционного и конституционного регулирования прав и свобод человека и гражданина, поскольку в основе каждой из них лежат общие базовые ценности защиты прав и свобод человека и гражданина (например, п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П).

Выводы

На международном уровне определена система источников международного права без её соотношения с национальными системами источников права.

В отдельных международных договорах и национальных актах упоминается о включении первых в систему источников права конкретного государства – стороны договора.

На современном этапе международной интеграции (о ее понятии, этапах и факторах см.: Balassa, 1961; Hurrell, 1995, Vol.21; Hurrell, 1995; Bogatyrev, Dolinskaya, 2013), в связи с тем, что это процесс разноуровневый и разноскоростной, акцент смещается от принципа наднациональности (Shibaeva, 1992) к суверенному равенству государств-членов и примату их национальных интересов.

Россия и участники Конвенции не входят в интеграционное объединение с единой правовой системой.

Как правило, в национальных конституциях подчеркивается их высшая юридическая сила на территории государства, иногда (в том числе в России) указано на место международных договоров ниже Конституции, но выше ординарных законов.

В законах участников Совета Европы нет четкого определения места актов международных судов в иерархии национальных источников права.

Признанию решений ЕСПЧ в системе источников «писаного» права препятствует также нерешенность вопроса об их официальном переводе и источнике опубликования (О значении официального опубликования см.: Dolinskaya, 2017), что значимо для вступления в силу источников «писаного» права и гарантией соответствия текста оригиналу.

В этих условиях мы разделяем позицию Конституционного Суда РФ о невозможности сосуществования европейского и конституционного правопорядков в условиях субординации (Постановление от 14.07.2015 г. № 21-П) и о необходимости поиска правомерного компромисса.

В условиях ограниченности интеграционных процессов можно рекомендовать такие последовательные шаги, как:

– официальное опубликование актов ЕСПЧ в каждой стране-участнице (в развитие опыта ФРГ и его Федерального министерства юстиции и защиты прав потребителей (Gerasimova, Shirinian, 2017);

– переговоры между участниками Конвенции об официальной квалификации (юридические факты, акты толкования, источники права) и определении места решений международных судов в национальных правовых системах, согласование результатов;

– разъяснение участниками Конвенции ЕСПЧ роли его актов с оформлением, при необходимости Протоколом к Конвенции;

– регулярные переговоры стран-участниц Конвенции в целях единообразного развития законодательства о правах человека и основных свободах, международные конференции с участием представителей государственных органов, судебных органов, науки;

– выработка новых, более гибких процедур и механизмов взаимодействия национального, наднационального и международного права в рамках развития правовой интеграции.

Цель предпринимаемых мер – при минимизации политических, субъективно-оценочных моментов определить подходы к выработке оптимального взаимодействия национального и наднационального права, конституции, законов и судебных актов.

Список литературы / References

Alekseev S.S. *Problemy teorii prava. Kurs lektsii. V 2 t. [Problems of the theory of law: Course of lectures: in 2 t].* Sverdlovsk, 2, 1973. 401 p.

Balassa B. *The Theory of Economic Integration.* London, 1961. 304 p.

Blankenagel' A. "Prizrak brodit po resheniiam evropeiskikh konstitutsonnykh sudov": chto delat' s konstitutsonnoi identichnost'iu? ["A ghost haunts the decisions of the European Constitutional Courts": what to do with constitutional identity?]. In *Sravnitel'noe konstitutsonnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*, 2018, 5, 42–64.

Bogatyrev A. G., Dolinskaya V. V. *Mezhdunarodnaia integratsiia [International integration].* In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2013, 1, 13–21.

Bushev A. Iu. *Subsidiarnaia rol' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka: predely usmotreniia I national'nyi suverenitet, kriterii iavnoi ochevidnosti [Subsidiary role of the European Court of Human Rights: limits of discretion and national sovereignty, the criterion of clear evidence].* In *Prava cheloveka [Human rights]*, 2016, 4, 18–21.

Dolinskaya V. V. *Istochniki grazhdanskogo prava: ucheb.posobie [Sources of civil law: studies. stipend].* Moscow, MGIMO MID Rossii, 2005. 81 p.

Dolinskaya V. V. *Sudebnye акты как istochniki grazhdanskogo prava [Judicial acts as sources of civil law].* In *Tsivilist [Civilist]*, 2007, 2, 5–14.

Dolinskaya V. V. *Sudebnye акты v prave Rossii [Judicial acts in the law of Russia].* In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2012, 1, 3–13.

Dolinskaya V. V. Istochniki prava I ofitsial'nye informatsionnye resursy [Sources of law and official information resources]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2017, 10, 3–10.

Dolinskaya V. V., Inshakova A. O., Slesarev V. L. *Grazhdanskoe pravo: Istochniki prava: ucheb. posobie*. Seriya "Grazhdanskoe pravo" [Civil Law: Sources of Law: textbook. Series "Civil Law"]. Eds. Dolinskaya, V.V., Slesarev V.L. Moscow, Prospekt, 2017. 142 p. § 1.1.

Gambarov Iu. S. *Kurs grazhdanskogo prava. Obshchaia chast'* [Course of civil law. Vol. I: General part.]. SanktPeterburg, 1911. 1, XII, 780 p.

Gerasimova E. V., Shirinian S. V. Postanovleniia Evropeiskogo suda po pravam cheloveka v pravovoi sisteme Federativnoi Respubliki Germaniia [Rulings of the European Court of Human Rights in the legal system of the Federal Republic of Germany]. In *Vestnik Baltiiskogo Universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye I obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences], 2017, 2, 5–13.

Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics. In *Review of International Studies*, 1995, 21 (4), 331–358. DOI: https://doi.org/10.1017/S_0260210500117954.

Hurrell A. Regionalism in Theoretical Perspective, In *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order*. Ed. By L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford, 1995, 37–73.

Iakovlev V. F. *Rossia: ekonomika, grazhdanskoe pravo (voprosy teorii I praktiki)* [Russia: economics, civil law (theory and practice issues)]. Moscow, ISPI RAN, 2000. 223 p.

Karpovich O. G. Problemy neispolneniia reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka: teoriia I praktika [Problems of non-enforcement of decisions of the European Court of Human Rights: theory and practice]. In *Mezhdunarodnoe publichnoe I chastnoe parvo* [International public and private law], 2020, 4, 17–21.

Kechek'ian S. F. O poniatii istochniki prava [About the concept of the source of law] In *Uchenye zapiski MGU. Trudy iuridicheskogo fakul'teta* [Scientific notes of MSU. Proceedings of the Faculty of Law], 1946, 116 (2), 3–25.

Korkunov N. M. *Leksii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law.]. SanktPeterburg, 1909. 354, X p.

Kutafin O. E. *Istochniki konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii* [Sources of Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow, Iurist", 2002. 348 p.

Lazarev V. V. Resheniia Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii kak istochnik prava [Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law]. In *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava i protsess: sb. mat. mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of civil law and process: Sat. mat. International Scientific and Practical Conference], Eds. D. Kh. Valeev, M. I. U. Chelyshev, 1. Moscow, Statut, 2006, 25–30.

Liubbe-Vol'ff G. Evropeiskii sud po pravam cheloveka i natsional'nye sudy – delo Gerguliu [The European Court of Human Rights and national courts – the Gergulu case]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review.], 2006, 1, 39–42.

Lübbe-Wolff G. How can the European Court of Human Rights reinforce the role of national courts in the Convention system? In *Dialogue between judges. European Court of Human Rights. Council of Europe*, 2012, 32 (1–6), 11–15.

Nersesians V. S. *Obshchaia teoriia prava i gosudarstva* [General theory of law and State]. Moscow, Norma – Infra-M, 1999. 539 p.

Papir Kh.-Iu. Sootnoshenie mezhdru natsional'nym konstitutsionnym pravom I Evropeiskoi konventsiei o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod s tochki zrenia Federal'nogo Konstitutsionnogo Suda Germanii [The relationship between national constitutional law and the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms from the point of view of the Federal Constitutional Court of Germany]. In *Edinoe pravovoe prostranstvo Evropy i praktika konstitutsionnogo pravosudia* [The Common Legal Space of Europe and the practice of constitutional justice]. Moscow, Institut prava I publichnoi politiki, 2007. 258 p.

Pashentsev D. A. Sudebnyi pretsedent kak istochnik prava v pravovoi sisteme Rossii [Judicial Precedent as a source of Law in the Russian Legal System]. In *Sovremennoe pravo [Modern law]*, 2011, 4, 77–80.

Perchatkina S. A. *Realizatsiia reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka organami sudebnogo konstitutsionnogo kontrolya: Avtoref. diss. ...kand. iurid. nauk [Implementation of the decisions of the European Court of Human Rights by the judicial constitutional control bodies: comparative legal research: Abstract of the Dissertation ... cand. jurid. sciences]*. Moscow, 2011. 30 p.

Petrzhitskii L. I. *Teoriia prava i gosudarstva v sviazi s teoriei npravstvennosti [The theory of law and the State in connection with the theory of morality]*. SanktPeterburg, 2, 1907. 310–656.

Rennenkampf N. K. *Iuridicheskaia entsiklopediia [Legal Encyclopedia]*. Kiev, 1898. 295 p.

Saidov A. Kh. *Sravnitel'noe pravovedenie (Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti) [Comparative Jurisprudence (The main legal systems of our time)]*. Moscow, Iurist", 2003. 448 p.

Shershenevich G. F. *Obshchaia teorii prava [General theory of law]*. Moscow, 1911. 698 p.

Shibaeva E. A. K voprosu o nadnatsional'nosti mezhpravitel'stvennykh organizatsii [On the issue of supranationality of intergovernmental organizations of a universal nature]. In *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*, 1992, 4, 81–93.

Slesarev V. L., Slesarev A. V. Spetsial'no-iuridicheskoe tolkovanie grazhdanskogo prava v sudebnoi praktike [Special-legal interpretation of civil law in judicial practice]. In *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo i sudebnaia praktika: problem vzaimodeistviia: koll.monografiia [Civil legislation and judicial practice: problems of interaction: coll. monograph]*. Ed. Slesarev, V. L. Moscow, 2017. § 1.2, 18–24.

Toinberg G. Kontury konstitutsionnoi sotsiologii: preodolenie iskluchitel'nosti gosudarstvennogo konstitutsionalizma [Contours of Constitutional Sociology: Overcoming the Exclusivity of State Constitutionalism]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review.]*, 2016, 1, 41–55.

Tunkin G. I. *Voprosy teorii mezhdunarodnogo prava [Questions of the theory of international law]*. Moscow, Gosiurizdat, 1962. 330 p.

Uitts R., Shaio A. Suveren nanosat otvetnyi udar: sudebnaia perspektiva mnogourovnevnogo konstitutsionalizma v Evrope [The Sovereign Strikes back: the Judicial Perspective of Multilevel Constitutionalism in Europe]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review.]*, 2018, 1, 33–53.

Vasil'ev A. M. *Pravovye kategorii: Metodologichrskie aspekty razrabotki sistemy kategorii teorii prava [Legal categories: Methodological aspects of the development of a system of categories of the theory of law]*. Moscow, 1976. 264 p.

Zhuikov V. M. K voprosu o sudebnoi praktike kak istochnike prava [On the issue of judicial practice as a source of law]. In *Sudebnaia praktika kak istochnik prava [Судебная практика как источник права]*. Moscow, IURist, 2000, 78–90.

Zivs S. L. *Istochniki prava [Sources of law]*. Moscow, 1981. 239 p.

Zor'kin V. D. Predel ustupchivosti [Compliance limit]. In *Rossiaskaia gazeta [Rossiyskaya Gazeta]*, 2010, 246 (29 okt).

Zor'kin V. D. Vzaimodeistvie natsional'nogo i nadnatsional'nogo pravosudiia: novye vyzovy i perspektivy [Interaction of national and supranational justice: new challenges and prospects]. In *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia [Journal of Constitutional Justice]*, 2012, 5, 1–11.

Zor'kin V. D. *Konstitutsionnyi Sud Rossii [Constitutional Court of Russia: doctrine and practice]*. Moscow, Norma, 2017. 591 p.

Zor'kin V. D. Rossiia – Strasburg: 25 let spustia [Russia – Strasbourg: 25 years later]. In *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia [Journal of Constitutional Justice]*, 2021, 1, 1–9.

Marchenko M. N. *Sravnitel'noe pravovedenie [Comparative Law]*. Moscow, Zertsalo, 2001. 551 p.

Marchenko M. N. *Istochniki prava: ucheb.posobie [Sources of law: Textbook]*. Moscow, Prospekt, 2005. 759 p.

EDN: MLOUSB
УДК 324:342.98–048.93

Prevention and Management of Interest Conflicts in The Electoral Process: Problems of Unification of the Conceptual and Categorical Apparatus

Evgenii A. Akunchenko*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 04.03.2023, received in revised form 12.03.2023, accepted 24.03.2023

Abstract. Identifying and eliminating situations spurred by a conflict of public and private interests are one of crucial ways to prevent corruption. The legal institution of the interest conflict has a long history and has demonstrated its efficiency during many years of academic activity and the practice. At the same time, its development does not stop, since there are still spheres of public and corporate governance that have not fully internalized universal standards for preventing and managing conflicts of interest. Therefore, the unification of special duties, prohibitions, and restrictions imposed on various types of officials due to the possibility of interest conflict is a worth fulfilling task. The study subject was issues of legal regulation of the prevention and management of interest conflicts in the area of electoral process. As an outcome, a contradiction between provisions of anti-corruption, service, and electoral legislation in terms of restricting activities of member of the election commission with the right to vote in a situation of consanguinity or affinity, as well as official subordination to a candidate, was discovered. A set of amendments aimed at unifying relevant restrictions and, as a result, improving the efficiency of preventing corruption in the electoral process is elaborated as well.

Keywords: corruption, anti-corruption, elections, electoral process, consanguinity, affinity, subordination, controllability, dependent by employment.

Research area: law.

Citation: Akunchenko E.A. Prevention and management of interest conflicts in the electoral process: problems of unification of the conceptual and categorical apparatus. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 793–800. EDN: MLOUSB

Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в избирательном процессе: проблемы унификации понятийно-категориального аппарата

Е.А. Акунченко

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Выявление и устранение ситуаций, в основе которых находится конфликт публичных и частных интересов, служит одним из ключевых способов предупреждения коррупции. Институт конфликта интересов имеет давнюю историю и доказал свою эффективность в ходе многолетней научно-практической апробации. Вместе с тем его развитие не прекращается, поскольку далеко не во всех сферах публичного и корпоративного управления в полной мере реализованы универсальные стандарты предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Поэтому унификация специальных ограничений, запретов и обязанностей, возлагаемых на различные категории должностных лиц в связи с возможностью возникновения конфликта интересов, представляется важной познавательной задачей. Предметом исследования выступили проблемы правовой регламентации предотвращения и урегулирования конфликта интересов в сфере электоральных отношений. В результате выявлено противоречие между положениями антикоррупционного, служебного и избирательного законодательства в части ограничения деятельности члена избирательной комиссии с правом решающего голоса в ситуации близкого родства или свойства, а также служебной подчиненности с кандидатом. Предложен комплекс нормативных поправок, направленных на унификацию соответствующих ограничений и, как следствие, на повышение эффективности предупреждения коррупции в избирательном процессе.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, конфликт интересов, выборы, избирательный процесс, близкое родство, свойство, подчиненность, подконтрольность, служебная зависимость.

Научная специальность: 5.1 – право.

Цитирование: Акунченко Е. А. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов в избирательном процессе: проблемы унификации понятийно-категориального аппарата. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 793–800. EDN: MLOUSB

Введение в проблему исследования

Антикоррупционная деятельность является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности РФ. За последние 15 лет в нашей стране создана относительно устойчивая система, позволяющая осуществлять комплексное предупредительное воздействие на основные линии детерминации коррупции. Следует подчер-

кнуть, что на пути снижения уровня распространения этого негативного социального явления в российском обществе достигнуты важные положительные результаты, несмотря на существование в организации и правовой регламентации отдельных институтов противодействия коррупции определенных проблем, на которые неоднократно справедливо указывали представители науки и практики (Ilii, 2016; Astanin, 2017; Kleimenov, 2018b;

Kabanov, 2019; Nomokonov, 2020; Damm, 2021; Truntsevskii & Tsirin, 2022 et al.). Фактически, по мнению Т. Я. Хабриевой, «противодействие коррупции и антикоррупционные нормы превращаются в неотъемлемый элемент правопорядка и правовой культуры» (Khabrieva, 2022: 11).

Предотвращение и урегулирование конфликта интересов является одним из базовых антикоррупционных механизмов, признанных на международном уровне (ч. 4 ст. 7 Конвенции ООН против коррупции). Ситуации, содержащие в своей основе противоречие публичных и частных интересов, на протяжении практически всех периодов развития российского государства воспринимались негативно и предопределяли появление различных ограничительных мер, направленных на снижение общественной опасности проявлений коррупции (Astaniin, 2021a: 26–37). Несмотря на историческую давность рассматриваемого антикоррупционного института и схожие закономерности его проявлений в национальных правовых системах (Astaniin, 2021b: 145), конфликт интересов остается одной из наиболее сложных и многозначных категорий, используемых в международном и зарубежном законодательстве (Nozdrachev, 2016: 31).

Концептологические основания исследования

В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ-273) унификация антикоррупционных стандартов поведения публичных должностных лиц относится к числу приоритетных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции. На сегодняшний день в Российской Федерации проведена большая работа по формированию единых понятийных координат в сфере предотвращения и урегулирования конфликта интересов. Первоначально легальные определения конфликта интересов одновременно существовали сразу в трех нормативных правовых актах (ФЗ-273, Федеральном за-

коне от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – ФЗ-79) и Федеральном законе от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации») и при этом противоречили друг другу. Впоследствии в 2015 г. законодатель разрешил данную коллизию путем исключения собственных определений из специальных законов и включения в них отсылки к общей дефиниции конфликта интересов, закрепленной в ФЗ-273 (Shchedrin & Damm, 2020: 113–114). Несмотря на это, процесс унификации института конфликта интересов остается незавершенным, поскольку артефакты отраслевой интерпретации определения конфликта интересов и содержания мер по его предотвращению и урегулированию продолжают существовать в иных нормативных правовых актах федерального и регионального уровня. Сфера электоральных отношений в данном случае не является исключением.

Коррупция в избирательном процессе представляет серьезную угрозу демократическим основам российского общества, верховенству закона и правам человека, подрывает доверие населения к формируемой в процессе выборов власти, посягает на принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости (Damm, 2005). Познанию данного феномена посвящены труды ведущих отечественных специалистов в области противодействия коррупции (Astaniin, 2002; Damm, 2006; Shchedrin, 2011; Kabanov, 2016; Sheverdiaev, 2017; Kleimenov, 2018a; Nomokonov, 2018 et al.). Вместе с тем вопросы предотвращения и урегулирования конфликта интересов в сфере электоральных отношений в настоящий момент не получили должного внимания со стороны представителей научного сообщества.

Постановка проблемы

Значимым препятствием на пути унификации института конфликта интересов является наличие в избирательном законодательстве положений, устанавливающих в отношении различных субъектов избира-

тельного процесса специальные ограничения и запреты (антикоррупционные меры безопасности) (Khlonova & Zyrianova, 2010: 243), которые противоречат понятийно-категориальному аппарату общей системы противодействия коррупции в РФ.

В п. 7 ст. 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ-67) указывается, что членами избирательных комиссий с правом решающего голоса на соответствующих выборах не могут быть супруги и близкие родственники кандидатов, близкие родственники супругов кандидатов (пп. «к»), а также лица, которые находятся в непосредственном подчинении у кандидатов (пп. «л»). Данные ограничения направлены на предотвращение конфликта интересов в избирательном процессе, поскольку личная заинтересованность члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, обусловленная отношениями близкого родства или служебного подчинения с кандидатом на соответствующих выборах, может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им своих полномочий. Вместе с тем детальное изучение использованных в ст. 29 ФЗ-67 терминов и определений позволяет сделать вывод о том, что они не соответствуют сложившемуся механизму предотвращения и урегулирования конфликта интересов в сфере публичного управления.

Рассмотрим данную проблему на примере системы государственной службы. В отношении государственного гражданского служащего установлено схожее антикоррупционное ограничение: гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе *в случае близкого родства или свойства* (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с гражданским служащим, если замещение должности гражданской службы связано с *непосредственной подчиненностью или подконтрольностью* од-

ного из них другому (п. 5 ч. 1 ст. 16 ФЗ-79). Очевидно, что в ФЗ-67 и ФЗ-79 использованы разные юридические конструкции при определении содержания отношений близкого родства или свойства, а также отношений служебного подчинения между субъектами публичного управления.

Обсуждение

Отношения близкого родства или свойства. В ФЗ-67 не раскрывается значение термина «близкие родственники». Вместе с тем в пп. «к» п. 1 ст. 29 данного закона перечисляются следующие их виды:

- супруги кандидатов;
- близкие родственники кандидатов;
- близкие родственники супругов

кандидатов.

Как отмечается в специальной литературе, при определении круга близких родственников кандидатов необходимо руководствоваться положениями ст. 14 СК РФ, согласно которым к числу таковых относятся родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), а также братья и сестры (Veshniakov & Lysenko, 2003).

В свою очередь, согласно ч. 2 ст. 10 ФЗ-273 и п. 5 ч. 1 ст. 16 ФЗ-79 к числу лиц, состоящих в близком родстве или свойстве, относятся:

- родители, супруги, дети, братья, сестры;
- братья, сестры, родители, дети супругов;
- супруги детей.

Сравнение приведенных подходов к определению отношений близкого родства (свойства) позволяет сделать вывод о том, что использованные в антикоррупционном, служебном и избирательном законодательстве дефиниции не соответствуют друг другу. Например, ФЗ-67 не относит к числу близких родственников *супругов детей*, а ФЗ-273 и ФЗ-79 – *дедушек, бабушек и внуков*. Полагаем, что данное противоречие нуждается в устранении для достижения целей унификации антикоррупционных стандартов поведения в сфере публичного управления.

Отношения служебного подчинения. Сравнение категорий «непосредственное подчинение» члена избирательной комиссии с правом решающего голоса и «непосредственная подчиненность или подконтрольность» гражданского служащего также не позволяет сделать вывод об идентичности их содержания.

Под непосредственным подчинением в соответствии с п. 3 ст. 29 ФЗ-67 понимаются служебные отношения между руководителем и подчиненным, при которых руководитель обладает в отношении подчиненного властно-распорядительными полномочиями, то есть имеет право приема на работу и увольнения подчиненного или в пределах должностных полномочий вправе отдавать ему приказы, распоряжения и указания, обязательные для исполнения, поощрять и применять дисциплинарные взыскания. Как отмечается в специальной литературе, на практике, для того чтобы установить наличие непосредственного подчинения между субъектами избирательного процесса, необходимо изучить правовые акты (положения об органах (структурных подразделениях), должностные инструкции (регламенты) и пр.), определяющие конкретные полномочия руководящих лиц (Veshniakov & Lysenko, 2003).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что *непосредственный характер подчинения* имеет первоочередное значение. Например, Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ в кассационном определении от 08.02.2012 № 64-Г12-3 установлено, что С. как начальник структурного подразделения аппарата Губернатора и Правительства Сахалинской области, являющегося государственным органом Сахалинской области с правами юридического лица, непосредственно подчиняется руководителю этого аппарата, обладающему по отношению к нему правом приема и увольнения, а также привлечения к ответственности. В свою очередь, в непосредственном подчинении Х., который является Губернатором Сахалинской области, согласно уставу данного субъекта РФ, находятся члены Прави-

тельства и руководители органов исполнительной власти, и только в отношении них Х. имеет властно-распорядительные полномочия. Поэтому основания для прекращения полномочий члена Избирательной комиссии Сахалинской области с правом решающего голоса С. в связи с выдвижением Х. кандидатом в депутаты Государственной Думы ФС РФ шестого созыва отсутствуют.

Другим важным признаком, раскрывающим содержание непосредственного подчинения, является *наличие служебных (трудовых) отношений* между членом избирательной комиссии с правом решающего голоса и кандидатом. Так, Омский областной суд решением от 11.11.2003 № 3-108/03 признал незаконным постановление Избирательной комиссии Омской области об освобождении Ч. от обязанностей члена окружной избирательной комиссии с правом решающего голоса. Судом установлено, что осуществление Ч. трудовой деятельности в обществе с дополнительной ответственностью, одним из двух участников которого является кандидат в депутаты Государственной Думы ФС РФ четвертого созыва Ш., не свидетельствует о наличии непосредственного подчинения между Ш. и Ч., поскольку отношения между обществом и участником общества носят гражданско-правовой, а не трудовой характер. Соответственно, между участниками общества и лицами, выполняющими в обществе работу по трудовому договору, нет служебных отношений несмотря на то, что Ш. вправе принимать обязательные для данного общества решения.

В отличие от категории «непосредственное подчинение» члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, под непосредственной подчиненностью в сфере служебных (трудовых) отношений в соответствии с письмом Минтруда России от 16.05.2017 № 18-2/В-297 понимается ситуация, когда руководитель в соответствии с должностным регламентом, положением о структурном подразделении является прямым (непосредственным) начальником работника и имеет в отношении него право

давать обязательные для исполнения поручения, контролировать их выполнение, вносить предложения о повышении в должности, об изменении круга должностных обязанностей, о принятии мер поощрения и дисциплинарного взыскания и пр. Как видно, данная категория является более узкой, поскольку не включает в себя право руководителя принимать на работу и увольнять подчиненного работника (служащего).

В свою очередь, согласно позиции Минтруда России, изложенной в письме от 28.08.2014 № 18-2/В-599, непосредственная подконтрольность определяется как наличие у непосредственного начальника или иного вышестоящего начальника (при отсутствии прямого подчинения) специального полномочия по осуществлению контроля в силу своих должностных (служебных) обязанностей. Полагаем, что данная категория шире, чем «непосредственное подчинение» члена избирательной комиссии с правом решающего голоса, поскольку носит более опосредованный характер. В частности, в структуре конкретного органа (организации) возможно наличие должностей (например, заместитель руководителя), в полномочия которых входит осуществление контроля за деятельностью структурных подразделений, их отдельных работников (служащих) и не входит выполнение функций работодателя (представителя нанимателя).

Данная позиция подтверждается также и тем, что в соответствии с пп. «а» п. 5 ст. 40 ФЗ-67 под использованием преимуществ должностного или служебного положения понимается в том числе привлечение лиц, находящихся *в подчинении* или *в иной служебной зависимости*. Следовательно, с точки зрения логики избирательного законодательства понятия «подчинение» и «иная служебная зависимость» противопоставляются, а значит, не совпадают по своему объему. По аналогии с понятийно-категориальным аппаратом служебного законодательства «иная служебная зависимость» соответствует категории «непосредственная подконтрольность». Поэтому ограничение, установленное пп.

«л» п. 1 ст. 29 ФЗ-67 в целях предотвращения и урегулирования конфликта интересов члена избирательной комиссии с правом решающего голоса в случае его нахождения в непосредственном подчинении у кандидата на соответствующих выборах, противоречит антикоррупционному стандарту поведения, принятому в системе государственной службы и имеющему универсальный характер.

Заключение

Выявленная в рамках настоящего исследования проблема препятствует достижению целей унификации антикоррупционных стандартов поведения в избирательном процессе. В частности, ФЗ-67 содержит специальные ограничения, запреты и обязанности, которые, ввиду отличия дефинитивных конструкций, не соответствуют общепринятому механизму предотвращения и урегулирования конфликта интересов в сфере публичного управления. Сложившаяся ситуация усложняется тем, что члены избирательных комиссий с правом решающего голоса обязаны соблюдать ограничения, запреты и обязанности, установленные ст. 12.1 ФЗ-273, как лица, замещающие государственные должности. Следовательно, в отношении данной категории субъектов избирательного процесса одновременно действуют два антикоррупционных правовых режима, которые находятся в противоречии друг с другом. В свою очередь, это приводит к правоприменительным проблемам и существенно снижает эффективность предотвращения и урегулирования конфликта интересов в избирательном процессе.

В связи с изложенным в целях унификации антикоррупционных стандартов поведения, установленных в отношении членов избирательных комиссий с правом решающего голоса и направленных на предотвращение и урегулирование типовых ситуаций конфликта интересов, предлагается:

– в пп. «к» п. 1 ст. 29 ФЗ-67 заменить слова «супруги и близкие родственники кандидатов, близкие родственники су-

пругов кандидатов» на «лица, состоящие в близком родстве или свойстве с кандидатом (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей)»;

– в пп. «л» п. 1 ст. 29 и абз. 2 п. 4 ст. 30 ФЗ-67 заменить слова «в непосредственном подчинении» на «в непосредственной подчиненности или подконтрольности»;

– в пп. «а» п. 5 ст. 40 ФЗ-67 заменить слова «в подчинении или в иной служебной зависимости» на «в непосредственной подчиненности или подконтрольности»;

– в п. 3 ст. 29 ФЗ-67 изложить признаки непосредственной подчиненности

и непосредственной подконтрольности в соответствии с позицией Минтруда России.

Реализация указанных выше изменений позволит унифицировать понятийно-категориальный аппарат института конфликта интересов в избирательном процессе. Это, в свою очередь, создаст условия для повышения эффективности противодействия коррупции в сфере электоральных отношений посредством внедрения уже сложившихся механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы.

Список литературы / References

Astanin V.V. Reagirovanie na proiavleniia organizovannoi prestupnoi deiatelnosti v sfere izbiratelnykh protsessov [Reacting to manifestations of organized criminal activity in the field of electoral processes]. In *Reagirovanie na prestupnost: kontseptsii, zakon, praktika* [Reacting to crime: concepts, law, practice]. Moscow, 2002, 188–191.

Astanin V.V. O realiiakh i zadachakh korporativnogo antikorrupsionnogo kompleksa [About the realities and tasks of corporate anti-corruption compliance]. In *Monitoring pravoprimereniia* [Monitoring of law enforcement], 2017, 3, 4–9. DOI: 10.21681/2412–8163–2017–3–04–09.

Astanin V.V. Konflikt interesov i mery reagirovaniia na nego: istoriko-pravovoi obzor evoliutsii v Rossii [Conflict of interests and response measures to it: historical and legal review of evolution in Russia]. In *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2021a, 2, 26–37.

Astanin V.V. Konflikt interesov v zarubezhnykh iurisdiksiakh [Conflict of interests in foreign jurisdictions]. In *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2021b, 4, 145–152.

Damm I. A. Korruptsiia i ee formy v izbiratel'nom protsesse [Corruption and its forms in the electoral process]. In *Problemy borby s proiavleniiami kriminal'nogo rynka* [Problems of combating the manifestations of the criminal market]. Vladivostok, 2005, 95–108.

Damm I. A. *Korruptsiia v rossiiskom izbiratel'nom protsesse: poniatie i protivodeistvie* [Corruption in the Russian electoral process: concept and counteraction], PhD diss., Krasnoyarsk, 2006, 249 p.

Damm I. A. Antikorrupsionnaia kriminologicheskaiia bezopasnost kak novoe napravlenie nauchnykh issledovaniy [Anti-corruption criminological security as a new direction of scientific research]. In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 15 (6), 2021, 734–743. DOI: 10.17150/2500–4255.2021.15(6).734–743.

Ilii S.K. Analiz osnovnykh tendentsii korruptsionnoi prestupnosti v Rossii [Analysis of the main trends of corruption crime in Russia]. In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 2016, 10 (3), 531–543. DOI: 10.17150/2500–4255.2016.10(3).531–543.

Kabanov P. A. Elektoralnaia korruptsiia: osmyslenie nauchnykh podkhodov k iavleniiu [Electoral corruption: understanding scientific approaches to the phenomenon]. In *Politicheskie partii i vybory: problemy sovremennosti* [Political parties and elections: problems of modernity]. Orenburg, 2016, 399–404.

Kabanov P. A. Formirovanie neterpimosti k korruptsionnomu povedeniiu kak iuridicheski ne opredelennaia pravovaia kategoriia i ee sodержanie [The formation of intolerance to corrupt behavior as a legally undefined legal category and its content]. In *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* [Actual

problems of economics and law], 2019, 13 (1), 1007–1026. DOI 10.21202/1993–047X.13.2019.1.1007–1026.

Khabrieva T. Ia. Protivodeistvie korruptsii: ratsionalnaia kartina i arkhitektura doktrinalnogo znaniia [Anti-corruption: rational picture and architecture of doctrinal knowledge]. In *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2022, 7, 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2022.069.

Khlonova N. V. & Zyrianova, I. A. Mery bezopasnosti v sisteme protivodeistviia korruptsii [Security measures in the anti-corruption system]. In *Pravo i politika [Law and Politic]*, 2010, 2, 242–249.

Kleimenov M. P. Dva aspekta obespecheniia antikorrupsionnoi bezopasnosti izbiratel'nogo protsesssa [Two aspects of ensuring anti-corruption security of the electoral process]. In *Antikorrupsionnaia bezopasnost izbiratel'nogo protsesssa: sostoianie i perspektivy [Anti-corruption security of the electoral process: condition and prospects]*. Krasnoyarsk, 2018a, 33–38.

Kleimenov M. P. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i kriminologicheskoe pravo v Rossii [Criminological legislation and criminological law in Russia]. In *Lex Russica*, 2018b, 2, 148–159. DOI: 10.17803/1729–5920.2018.135.2.148–159.

Nomokonov V. A. Gosudarstvennaia antikorrupsionnaia politiki v sfere zashchity izbiratel'nykh prav grazhdan [State anti-corruption policy in the field of protection of citizens' electoral rights]. In *Antikorrupsionnaia bezopasnost izbiratel'nogo protsesssa: sostoianie i perspektivy [Anti-corruption security of the electoral process: state and prospects]*. Krasnoyarsk, 2018, 27–32.

Nomokonov V. A. Corruption System against Russia. In *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2020, 13 (10), 1638–1643. DOI 10.17516/1997–1370–0669.

Nozdrachev A. F. (ed) *Konflikt interesov na gosudarstvennoi i munitsipalnoi sluzhbe, v deiatelnosti organizatsii: prichiny, predotvrashchenie, uregulirovanie [Conflict of interests in the state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, settlement]*. Moscow, 2016. 224 p. DOI: 10.12737/18874.

Shchedrin N. V. & Damm I. A. (eds) *Antikorrupsionnye mery bezopasnosti [Anti-corruption security measures]*. Moscow, 2020. 496 p. DOI: 10.31085/9785392336746–2020–496.

Shchedrin N. V. O neobkhodimosti ugolovnoi otvetstvennosti za prodazhu izbiratel'iami svoikh “goslovov” [On the need for criminal liability for the sale of their “votes” by voters]. In *Aktualnye problemy ekonomiki i prava [Actual problems of economics and law]*, 2011, 4, 89–92.

Sheverdiaev S. N. Aktualnye napravleniia razrabotki problematiki elektoralnoi korruptsii v konstitutsionnom prave [Actual directions of the development of the problems of electoral corruption in constitutional law]. In *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe parvo [Constitutional and municipal law]*, 2017, 12, 18–23.

Truntsevskii Iu. V. & Tsirin A. M. Gosudarstvennaia politika po protivodeistviuu korruptsii: natsionalnye initsiativy [State policy on combating corruption: national initiatives]. In *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniia [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence]*, 2022, 6, 87–98. DOI: 10.12737/jflcl.2022.078.

Veshniakov A. A. & Lysenko V. I. (eds) *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federalnomu zakonu “Ob osnovnykh garantiakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumakh grazhdan Rossiiskoi Federatsii” (postateinyi) [Scientific and practical commentary on the Federal Law “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the right to participate in a referendum of Citizens of the Russian Federation” (article by article)]*. Moscow, 2003. 896 p.

EDN: LQJEYJ
УДК 343.97

Determinantes of Post-Prison Relapse

Aruna B. Darkhanova and Olga V. Filippova*

*East Siberia State University of Technology and Management
Ulan-Ude, Russian Federation*

Received 31.08.2022, received in revised form 10.10.2022, accepted 24.03.2023

Abstract. Post-prison relapse is the commission of a repeated crime by a person after release from prison. He poses a security threat. The commission of a new crime after serving the sentence for the previous one testifies to the incorrigibility of the person, his indifference to the punitive effect, as well as the low efficiency of the penal system and the shortcomings of post-penitentiary control. This makes it necessary to study the causes of post-genital relapse.

Modern research on the causes of recidivism mainly includes a selective study of criminal case materials and a survey of employees of law enforcement agencies. This study presents the results of a survey of 2,895 persons who have committed crimes again after serving a sentence of imprisonment. The overwhelming majority of repeat offenders are males (92.7 %) aged 26 to 45 years (73.6 %) who relapsed during the first three years after release (62 %). 68.5 % of repeat offenders were brought up in a single-parent family or without parental care. Many of them (58.7 %) had criminals in their immediate environment. After being released from prison, 61.1 % of them never got a job; of those who got a job, more than half (61.4 %) worked as they had to. When they were placed after serving their sentence, they did not seek help from the employment service and social services. The most difficult issues in life in freedom for former convicts are employment issues (85.3 %) and refusal to abuse alcohol and drugs, including together with old friends (58.3 %).

They do not seek help from the employment service and social services. After serving their sentence, the released persons return to their former environment, do not engage in socially useful activities, abuse alcohol, as a result of which they commit a new crime. Conditional early release was applied to 46.3 % of repeat offenders, which indicates a rather high risk of relapse. At the same time, a fifth of repeat offenders were under administrative supervision. Such data confirm the significant preventive effect of administrative supervision.

Keywords: post-penitentiary recidivism, causes of crime, personality of a recidivist, correctional facilities, traffic crimes.

Research area: criminal law sciences.

The study was carried out with the financial support from East Siberia State University of Technology and Management ('Young Scientists of ESSUTM 2022' grant).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: ovalfilippova@yandex.ru

Citation: Darkhanova A. B., Filippova O. V. Determinantes of post-prison relapse. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 801–808. EDN: LQJEYJ

Причины постпенитенциарного рецидива преступлений

А.Б. Дарханова, О.В. Филиппова

*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Российская Федерация, Улан-Удэ*

Аннотация. Постпенитенциарный рецидив, то есть совершение повторного преступления лицом после отбытия наказания в виде лишения свободы в исправительном учреждении, свидетельствует о несправимости лица, его безразличии к карательному воздействию, а также о низкой эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы и недостатках постпенитенциарного контроля за освобожденными. Указанное вызывает необходимость изучения причин постпенитенциарного рецидива.

В настоящем исследовании представлены результаты опроса 2895 рецидивистов, вновь совершивших преступления после отбытия наказания в виде лишения свободы. Подавляющее большинство рецидивистов – лица мужского пола (92,7 %) в возрасте от 26 до 45 лет (73,6 %), допустившие рецидив в течение первых трех лет после освобождения (62 %). 68,5 % рецидивистов воспитывались в неполной семье либо без попечения родителей. У многих из них (58,7 %) в ближайшем окружении были судимые лица (отец (отчим), брат, дядя).

После освобождения из мест лишения свободы 61,1 % из них так и не устроились на работу; из устроившихся более половины (61,4 %) работали кем придется. Наиболее трудными в жизни на свободе для бывших осужденных оказались вопросы трудоустройства (85,3 %) и отказ от злоупотребления алкоголем и наркотическими средствами, в том числе совместно со старыми друзьями (58,3 %). При этом, как правило, они не обращались за помощью в службу занятости и социальные службы. В отношении 46,3 % рецидивистов применялось условно досрочное освобождение, что говорит о довольно высоком риске рецидива. В то же время под административным надзором находилась пятая часть рецидивистов. Такие данные подтверждают значительный профилактический эффект административного надзора.

После отбытия наказания освобожденные возвращались в прежнее окружение, не занимались социально полезной деятельностью, злоупотребляли алкоголем, вследствие чего совершили новое преступление.

Ключевые слова: постпенитенциарный рецидив, причины преступности, личность рецидивиста, исправительные учреждения.

Научная специальность: 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (грант «Молодые ученые ВСГУТУ 2022»).

Цитирование: Дарханова А.Б., Филиппова О.В. Причины постпенитенциарного рецидива преступлений. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 801–808. EDN: LQJEYJ

Introduction

The causes of crime are one of the key criminology issues. To find the roots out is a necessary prerequisite for crime prevention. Only a scientifically well-founded condition determination that result in the commitment and return to crime makes it possible to develop efficient preventive measures.

The issue of crime reasons is one of the most complicated in criminology since crime as a social phenomenon is influenced by many phenomena and processes interrelated in a different way. According to A.I. Dolgova, “there is no general, basic or main reason that would comprehensively stand for the origin of crime in specific context in all its diversity... Nor can we count on the development of any universal catalogue of causes” (Dolgova, 2010).

Lately, most crimes being investigated by the preliminary investigation bodies are re-offending, i.e. committed by those who had already committed crimes before (618158, or 60 % as of 2021). In criminology, the total of repeated offences committed by persons who had previously committed crimes and subjected to criminal law measures is referred to as recidivism (Filippova, 2021).

It is also worth noting the opinion in literature that the notion of *recidivism* should be broader in meaning and include a combination of not only intended but also negligent crime (Agaev, 2002). According to Y.V. Golik and I.J. Mironchik, these cases have an independent legal meaning, whereas return to crimes should be referred to as negligent recidivism. The authors note that reckless recidivism proves that the crime committer tends to take offences easy and are strongly against following social laws (Golik, Mironchik, 1990).

According to the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs, 74.6 per cent of all recorded household offences and crimes against minors were committed by persons who committed crimes in 2021 (Chapter 20 CC) 62 per cent of offences against property (Chapter 21 CC), 58.7 per

cent of crimes related to illicit traffic in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors or analogs, super potent substances, plants containing narcotic or psychotropic substances or their precursors, and new potentially harmful psychoactive drugs. 56.8 per cent of offences against traffic safety and transport operation (Article 27 of the Criminal Code), and 46.6 per cent of offences against sexual immunity and sexual freedom (Article 18 of the Criminal Code) (Report on crime rates of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021).

Repeated offences take place among persons both after serving non-custodial measures and release from imprisonment. The latter makes up post-prison relapse, which poses an increased danger referred to the danger of the personality of a persistent criminal – a person who had previously committed a grave or exceptionally aggravated criminal offence for which he went to prison as a rule. The fact that such a person commits further crimes stands for his incorrigibility, indifference to enforcement actions; implies the poor effectiveness of imprisonment, as well as the shortcomings of post-penitentiary monitoring of those released.

At present, 67 per cent of convicts in adult penal facilities are serving their sentences for a grave or exceptionally aggravated criminal offences (Statistics of the Federal Penitentiary Service, 2021). 24.6 per cent are in prison for the second time and 45.0 per cent are for the third time or more. 170,000–180,000 persons are disimprisoned every year.

Nowadays, the rate of post-prison relapse is quite high. According to sample surveys, in average, 55 per cent of those released from standard regime penal colonies and 29.6 per cent of those released from maximum security penal colonies (among those convicted of exceptionally aggravated crimes) commit a new offence within three years of release (Gorodnyanskaya, 2012).

Although criminological literature focuses on recidivism, the causes and conditions of

post-prison relapse have not been covered precisely or comprehensively. Thus, most studies are devoted to the determinants of recidivism in general or its types, such as punitive, penal, violent, self-serving, juvenile and female recidivism. As a rule, these studies are limited to the sampling study of 100–300 criminal case files.

At the same time, authors use different approaches when observing the determinants of recidivism. Some of them prefer to apply a multifoci approach and list a variety of phenomena and processes that produce repeated crimes without dividing them by a gravity or jurisdiction. Others subdivide the causes and conditions of recidivism into objective and subjective. The objective ones are the circumstances of arrangement, law, and education, as well as the social environment that make a person commit the first crime, and connected with criminal behavior of a hardened criminal or a previously imposed penalty. The subjective ones are a report on a recidivist's personal traits, as a criminal becomes a recidivist because of the anti-social personality orientation (Artemiev, Simonov, 2006). According to the authors, the latter are prevailing.

Other scholars present the determinants of recidivism as two linked units. The first unit combines the primary reasons that lead to the commitment of the first crime; they are the same for predicate and recidivism crimes. The secondary unit includes the reasons influencing recidivism in particular, which comprise two groups of interacting circumstances: 1) influencing the unfavorable course of post-penitentiary adaptation; 2) related to various shortcomings of the behavior of law enforcement authorities and courts, which reduce or negate the impact of the law enforcement system on the perpetrators (Dolgova, 2010).

Theoretical framework

The concept of the crime causes is based on the philosophical doctrine of determinism. This is the theory of the universal conditioning of all things, events, phenomena and processes. Philosophers define determinism as a doctrine of depending phenomena and processes on those considerations by which they

are determined during their occurrence and development; the global universal connection of phenomena in the world, which is represented in the interaction and interdependence of these phenomena, in their mutual clearness; the essential explanation of any choice made by man (Causes of Crime, 2021).

In criminology, determination means the statistically defined connection (correlation) between social processes and phenomena, on the one hand, and crime is a set of crimes or individual homogeneous groups of crimes, on the other hand. At the level of a certain crime, criminological determination is defined as the fundamental explainability of the choice of criminal behavior and the commitment of a crime by a person.

One type of determination is causality. Causality means only the derivative, genetic relationship that determines the fact of a phenomenon or a process production (Dolgova, 2010). Therefore, the causes of crime are the phenomena and processes that lead to crime as their expected consequence. Conditions are the circumstances that give favorable opportunities either for the development of causes of crime or for their commitment (another type of determination is conditioning (specification)) (Prozumentov, Shesler, 2017).

The Russian theory of criminological causality develops the following conceptual provisions. The determination of individual crimes, their groups and crime in general is explained by them:

- The recognition of the important role of social contradictions in the production of criminal behavior;
- The three-pronged approach to the main levels of crime reproduction (macro-social, socio-psychological and individual);
- The interaction of criminogenic elements, which forms a kind of socially destructive mechanism (Shestakov, 2015).

Statement of the problem

The recidivism of crimes by individuals after serving a prison sentence for a previous one is a marker of their major social danger and requires a special study of the causes and conditions that could contribute to the commit-

ment of post-prison relapse so that to develop measures to prevent them.

The purpose of the study is to develop the concept in the field of causes and conditions of post-prison relapse.

Methods

First of all, we theoretically reviewed the scientific literature on the causes of recidivism among those released from prison, emphasizing the main approaches to their observation to make a case for the determinants of post-prison relapse.

We widely used the statistical method during the research to analyze data on crime, record of conviction, as well as the dynamics and number of convicted persons for processing the results of repeat offenders' interviews.

The comparative method was also used to find out changes in the crime rate cause of individual reasons compared to the results of earlier studies.

In addition, the study comprised the analysis of monitoring data from the Federal Penitentiary Service of Russia on the causes and conditions of re-offending. The study examined questionnaires of 2,895 repeat offenders who committed crimes between 2019 and 2021 and were taken into custody in remand (SIZO-1 (pre-trial detention facility) of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Buryatia).

The questionnaire was made up of four sections: socio-demographic criteria; information on previous acts of crime and liability for it; information on behavior while serving a sentence for a previously committed crime, the remedial actions taken, the convicts' attitude towards them; questions about supporting actions, a way of living in the post-penitentiary period.

Discussion

Both negative subjective moral and psychological properties of an individual (also influenced by unfavorable living conditions), and external objective circumstances that model a crime rate cause post-penitentiary recidivism.

The conducted research provides information about some criminologically significant

characteristics of post-penitentiary recidivists, as well as the circumstances contributing to the commission of a new crime after release from prison.

Among recidivists, the vast majority (92.7 per cent) were men, 7.2 per cent were women; in terms of age, recidivists were included in the age groups: 21–25-year-old – 6.0 per cent, 26–35-year-old – 38.0 per cent and 36–45-year-old – 35.6 per cent, 46–55-year-old – 13.3 per cent, 56–60-year-old – 3.6 per cent.

The study shows that recidivists mainly commit their first offence before the age of 20–58.5 per cent, including 23.3 per cent of under-age offenders. This confirms the assumption that criminal properties develop during adolescence when the basic world-view wrong beliefs that determine attitudes towards life, style of behavior and plans for the future are generated (Nagaev, 2012).

A person commits a new crime within the first year of release – 22.4 per cent, during the second and third year – 39.6 per cent. In other words, nearly two-thirds of those released return to crime during the first three years after their discharge from custody.

As for family status and upbringing distinctions is concerned, less than a third (31.5 per cent) of the recidivists studied were raised in a two-parent family, 55.2 per cent in a solo parent family, 7.0 per cent were raised by a conservator, while 3.9 % were brought up in a foster family and 1.6 % in an orphanage or a care home. Many of them (58.7 per cent) had an ex-convict in their immediate circle (mostly a father (a stepfather), a brother, an uncle, etc.). As noted in the literature, single-parent families have fewer opportunities for proper parenting. Such a family faces financial difficulties, so that the mother (or father) has to earn additional money. It does not allow her (him) communicating with the children enough and makes it difficult to control their behavior. In such a family, children learn the social roles of adults of the opposite sex worse (Prozumentov, Shesler, 2017). In addition, most repeat offenders have relatives with a criminal record. This fact of committing a new crime implies the criminal impact of the immoral, anti-social behavior of their parents or other relatives on them.

Post-penitentiary recidivists have a low educational background. The share of those who have only primary and compulsory education is high – 45.2 per cent, although this share is only 5.8 per cent among the total population of the country. What is more, a small proportion of recidivists have vocational secondary education (14.5 per cent), whereas the society at large has a higher proportion of people with a vocational education – 44.9 per cent.

Most recidivists (58.8 per cent) have no profession. After release from prison, 61.1 per cent of them never found a job, and for those who did, more than half of them (61.4 per cent), it was any random work. Statistics and the results of surveys of recidivists show that lack of professional skills, workplace and, consequently, of a source of income has a criminogenic effect. According to criminal record statistics, almost three quarters of repeat offenders have no constant source of income when they commit a new crime.

According to the results of the survey, the most difficult thing for recidivists in the post-penitentiary period is to find a job. When asked what the most difficult thing in life after release was, 49.7 per cent said, “Finding any job” and 35.6 per cent said, “Finding a fairly well-paid job”. A total of 69.8 per cent said, however, that they did not apply to the appropriate services for a job and were unaware of an available electronic portal of the Russian Federal Labor and Employment Service. 53.8 per cent of repeat offenders cited lack of permanent employment as the main reason for re-offending.

Convicts also mention alcohol abuse (43.9 per cent), family conflicts (23.7 per cent), drug addiction (21.8 per cent), and influence of friends (21.0 per cent) among other reasons. In our opinion, such answers confirm a rather honest attitude of respondents to the survey, and we can identify another significant criminological circumstance contributing to recidivism – alcohol abuse. Thus, about half (47.6 per cent) of those interviewed abuse alcohol at large. Conviction statistics also show that more than a third of recidivists commit a new crime while under the influence of alcohol – 35.4 per cent.

The Russian Federal Penal Service passed the Departmental Program for Social and Psy-

chological Work with Alcohol and Drug Addicts in Detention Centers and Penitentiary Institutions of the Penitentiary System because of the high level of alcoholization of offenders. The program provides treatment and other measures aimed, among others, at preparing prisoners for release in order to develop prerequisites and attitudes for law-abiding behavior and refusal to use drugs or alcohol and prevention of new crimes (On the introduction of the Departmental program, 2018). We should note that the number of recidivists who takes part in the program is tiny – 4.7 per cent. It may prove its effectiveness, although there has not been enough information on the program achievements till now.

Recidivists also face other problems at large. They include difficulties of psychological adaptation and everyday life after release. Thus, many of them point out failure of trust because of a criminal record – 32.2 per cent, lack of family – 27.9 per cent, inability to refuse old friends to meet together, alcohol abuse, use of drugs and psychotropic substances – 26.0 per cent, lack of money for living (not even enough for food) – 23.0 per cent, domestic difficulties – 21.0 per cent.

Furthermore, when asked what the easiest thing to do when released was, most recidivists replied: to rejoin their former social circle (56.7 per cent) and get along with their relatives and friends (55.9 per cent). Such data shows that after release, convicted individuals return to their previous environment and continue with the same way of life they held before conviction, and it brings to recidivism.

Besides, the released persons come across difficulties not only in occupation but also in everyday life. Thus, only 8.8 per cent of recidivists live in their own home after release from prison, while 17.4 per cent live with their families. Another 34.0 per cent live with their parents, 26.6 per cent with a cohabitee and 16.1 per cent at their friends' place. They rarely apply to social services and non-governmental organizations to solve their post-penitentiary problems (63.2 per cent of those surveyed did not turn to social services and 78.2 per cent did not turn to NGOs).

Relatives (mother, father, children) usually provide the most frequent help in adjusting to

life at large – 34.1 per cent, relatives (spouses, cohabitants) – 30.4 per cent, old acquaintances – 21.5 per cent.

The study shows that for those who re-offended, an early parole for a previous offence was applied in almost half of the cases (46.3 % of those surveyed). This implies major faults of the control of parolees. This situation is partly because of the legislative gap for a long time regarding the determination of an authorized specialized state body, controlling the behavior of parolees under Part 6 of Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation. The latter duty is imposed on the Penal Enforcement Inspectorates of the Russian Federal Penitentiary Service by Presidential Decree No. 119 of 2 March 2021 (On amendments to the Regulations on the Federal Penitentiary Service, 2021).

It is noteworthy that only 22.6 per cent of those surveyed re-offended while being kept under administrative supervision. It may suggest that it is sufficiently effective and pose a question on its more frequent assignment.

Conclusion / Results

A study of 2,895 persons who had previously served a sentence in correctional institutions and who had re-offended found out their criminologically relevant characteristics, as well as the circumstances that contributed to committing a new crime.

Post-penitentiary recidivists are characterized by early criminalization (committing the first crime under the age of 20), growing up in a single-parent family or legally free (in almost 70 per cent of cases), unfavorable environ-

ment (previously convicted relatives), under-education, and alcohol abuse.

Most respondents (53.8 per cent) consider lack of permanent employment as the main reason for a repeated relapse into crime, 43.9 per cent – alcohol abuse, 23.7 per cent – family conflicts, 21.8 per cent – drug use, 21.0 per cent – influence of friends.

The greatest difficulty in life after release given by the surveyed people is searching a job: 49.7 per cent of respondents say, “Find any job” and 35.6 per cent say, “Find a sufficiently paid job”. Among other issues, recidivists emphasize a feeling of non-confidence because of a criminal record – 32.2 per cent, lack of family – 27.9 per cent, inability to refuse old friends to meet together, alcohol abuse, use of drugs and psychotropic substances – 26.0 per cent, lack of money for living (they are not enough even for food) – 23.0 per cent, family problems – 21.0 per cent.

After release, in most cases they resettle to their previous environment, do not engage in socially useful activities, abuse alcohol and re-offend as a result. Many of them were granted premature release, which turned out to be ineffective and undercut the case for its common use. Nevertheless, the low recidivism rate among those under administrative supervision proves to be quite effective and can be kept for a wider range of individuals released from prison.

The obtained data enlarge criminological science with new knowledge about the causes of post-penitentiary recidivism and post-penitentiary recidivists, and allows using them for programs of crime prevention among persons released from prison.

References

- Agaev I. B. *Recidiv v sisteme mnozhestvennosti prestuplenij: monografiya [Relapse in the system of multiple crimes: monograph]*, Moscow, 2002. 108 p.
- Artemiev N. S., Simonov R. V. Prichiny i usloviya recidivnoj prestupnosti i osnovnye mery ee preduprezhdeniya [Causes and conditions of recidivism and main measures for its prevention]. In *Penal Law [Ugolovno-ispolnitel'noe pravo]*, 2006. 2, 6–9.
- Dolgoval A. I. *Kriminologiya [Criminology]: a textbook for universities*. 4th ed., re-op. and add. Moscow, Norma, Infra-M, 2010. 230 p.
- Filippova O. V. K voprosu ob ugolovno-pravovom i kriminologicheskom ponyatii recidivnoj prestupnosti [To the question of the criminal law and criminological concept of recidivism]. In *Sibirskij yuridicheskij vestnik [Siberian Legal Bulletin]*, 2021, 1, 63–67.

Golik Yu.V., Mironchik I. Ya. Neostorozhnyj recidiv: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekt [Careless recidivism: criminal law and criminological aspects]. In *Ugovolno-pravovye mery bor'by s prestupnost'yu v usloviyah perestrojki* [Criminal-legal measures to combat crime in the context of perestroika]. Sverdlovsk: Sverdlovskij yurid. in-t, 1990, 60–65.

Gorodnyanskaya V.V. *Postpenitenciarnyj recidiv: monografiya* [Post-penitentiary relapse: monograph]. Under scientific. ed. V. A. Utkina. Moscow, Yurlitinform, 2012. 168 p.

Nagaev V.V. *YUvenal'naya yustitsiya. Social'nye problemy: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Juvenile justice. Social problems: a textbook for university students]. 2012. Available at: <https://lib.sale/yuvenalnaya-yustitsiya-pravo/vliyanie-kriminalnyih-grupp-detey-98869.html>

O vnesenii izmenenij v Polozhenie o Federal'noj sluzhbe ispolneniya nakazaniy: Ukaz Prezidenta RF ot 2 marta 2021 goda № 119// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 marta 2021 g. № 10. St. 1568 [On amendments to the Regulations on the Federal Penitentiary Service: Decree of the President of the Russian Federation No. 119 of March 2, 2021]. In *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 10. St. 1568 of March 8, 2021.

O vnedrenii Vedomstvennoj programmy social'no-psihologicheskoy raboty v otnoshenii lic, imeyushchih alkohol'nuyu i narkoticheskuyu zavisimost', sodержashchihsya v sledstvennyh izolyatorah i ispravitel'nyh uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: Rasporyazhenie FSIN ot 21.02.2018 g. № 52-r [On the introduction of the Departmental program of socio-psychological work in relation to persons with alcohol and drug addiction held in pre-trial detention centers and correctional institutions of the penitentiary system: Order of the Federal Penitentiary Service of February 21, 2018 No. 52-r.] Available at: http://home.kid.ru/content/docs/UMO/norm-prav_dok/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%D1%82%2021.02.2018.pdf (accessed 02 May 2021).

Prichiny prestupnosti: Kriminologiya [Causes of Crime: Criminology (online course)]. Available at: <https://online-edu.ranepa.ru/course/view.php?id=367§ion=5> (accessed 02 May 2021).

Prozumentov L. M., Shesler A. V. *Criminology (General part): textbook* [Kriminologiya (Obshchaya chast'): uchebnoe posobie]. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2017. 144 p.

Report on crime rates of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2021 – form 492–2 [Otchet o pokazatelyah prestupnosti Glavnogo informacionno-analiticheskogo centra MVD Rossii za 2021 – forma 492–2] (accessed 02 May 2021).

Shestakov D. A. Return to the criminological theory of causation [Vozvrashchenie k kriminologicheskoy teorii prichinnosti]. In *Criminology: yesterday, today, tomorrow* [Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra], 2015, 2 (37), 88–97.

Statistics of the Federal Penitentiary Service. Available at: <https://fsin.gov.ru/statistics/> [Statisticheskie dannye Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy] (accessed 02 May 2021).

EDN: IQWODI
УДК 346.54:621.311.256–022.51–024.24+341

New Nuclear Technologies: Problems and Prospects of Their International Legal Regulation

Mikhail N. Lysenko*

Moscow State Institute of International Relations (University)
Moscow, Russian Federation

Received 08.06.2022, received in revised form 30.08.2022, accepted 24.03.2023

Abstract. The article is devoted to practical and legal aspects of small modular reactors (SMRs). Their technology combines safety and a variety of flexibilities, such as reasonable costs, longer terms of operation without refueling and mobility. SMRs can be used locally in remote areas with severe climatic conditions, such as Arctic region. SMRs have great export potential. The question arises how SMRs fit into rules of International Law? The research was based on the legal analysis on SMRs' application in the system of national and international legal regulations – nuclear, maritime, environmental and tort law. The analysis showed that there are several gaps and grey areas in SMRs' export scenarios implementation, which are described below.

Keywords: new nuclear technologies, international legal regulation, small modular nuclear power plants, application in the Arctic, cross-border operation.

Research area: law.

Citation: Lysenko M. N. New nuclear technologies: Problems and prospects of their international legal regulation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 809–818. EDN: IQWODI

Новые ядерные технологии: проблемы и перспективы международного-правового регулирования

М.Н. Лысенко

МГИМО (Университет)

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Статья посвящена практическим и правовым аспектам использования малых модульных АЭС. Технология малых модульных атомных реакторов (ММР) совмещает в себе необходимый уровень безопасности и ряд преимуществ, таких как доступная стоимость, длительный срок эксплуатации без перезагрузки ядерного топлива, мобильность и доступность к отдаленным территориям. Малые АЭС могут использоваться в труднодоступных районах с суровыми климатическими условиями, например в Арктике. ММР обладают серьезным экспортным потенциалом. Основным вопросом остается – насколько действующие международно-правовые нормы применимы к регулированию трансграничной эксплуатации малых модульных атомных электростанций.

Исследование основано на правовом анализе национальных и международных правовых документов в областях ядерного, морского, природоохранного и деликтного права на предмет их применимости к регулированию процесса эксплуатации малых модульных АЭС. Результаты проведенного правового анализа продемонстрировали, что существуют определенные пробелы и серые зоны в сферах эксплуатации ММР, описанные ниже.

Ключевые слова: новые ядерные технологии, международно-правовое регулирование, малые модульные атомные электростанции, применение в Арктике, трансграничная эксплуатация.

Научная специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства.

Цитирование: Лысенко М. Н. Новые ядерные технологии: проблемы и перспективы международного-правового регулирования. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 809–818. EDN: IQWODI

Introduction

World economy forecasts confirm that energy consumption will continue to grow in the coming decades. The largest part of fuels for power plants is still carbons, which account for nearly two-thirds of global greenhouse gas emissions¹. At the same time, most countries are determined to become carbon-free by the middle of the 21st century. In accordance with the EU long-term Strategy 2050, the countries

of the European Union aim to become completely climate-neutral by 2050². The COVID pandemic pushed decision-makers to prioritize green recoveries over unsustainable strategies³.

¹ A Small Source of a Large Energy. Tass News Agency. Available at: <https://tass.ru/spec/asmm> (accessed April 30, 2022)

² 2050 long-term Strategy. European Commission official website. Available at: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2050-long-term-strategy_en (accessed April 30, 2022)

³ Transitions to low carbon electricity systems: Key economic and investments trends. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/21/06/transitions-to-low-carbon-electricity-systems-changing-course-in-a-post-pandemic-world.pdf> (accessed April 30, 2022)

To achieve this goal nuclear energy can play an indispensable role. Today, nuclear power generates ~10–11 % of the world's electricity. It already “provides more than a quarter of the world's clean power”. The International Atomic Energy Organization (IAEA) and other international centers have recently examined this issue in several reports in connection with the climate change. The Agency contends that “nuclear energy provides access to clean, reliable and affordable energy, mitigating the negative impacts of climate change. It is a significant part of the world energy mix and its use is expected to grow in the coming decades”⁴. In 2021 the IAEA released a Report ahead of COP26 Climate Summit on Nuclear Energy for a Net Zero World⁵. The Report highlights nuclear power's crucial role in achieving the goals of the Paris Agreement⁶ and Agenda 2030 for Sustainable Development⁷ by displacing coal and other fossil fuels, enabling the further deployment of renewable energy⁸.

Globally, more than 400 nuclear reactors are in operation in 30 countries nowadays⁹. Although some countries, like Germany, decided to phase out their nuclear reactors, more than other 30 countries are considering options to obtain nuclear power plants (NPP)¹⁰. Some of

these countries are current leaders in NPPs' construction, such as China, France, Russia and the USA¹¹. Other countries are fostering their first NPPs. These are – Belarus, Turkey, Bangladesh and the UAE¹².

Most of the current NPPs are the so-called high-energy reactors. Their energy output is around 700–1000 MW(e). They are imperative either for countries with a lack of fossils or in need of energy independence. Generally, they are used in industrialized regions with high energy demand especially for metallurgical, shipbuilding, machinery, automobile and other heavy manufacturing productions. Obviously, NPPs construction and maintenance is rather expensive. It requires trained local personnel, developed material and legal infrastructure.

In the meantime, the world nuclear industry is on the verge of transformation and transition to some new innovative technologies.

In order to make a significant boost in the global nuclear energy, the IAEA and nuclear producers are searching for cutting-edge technologies. One of the options is the development of fast-neutron reactors which generate more fissile material than they consume and can burn the radioactive waste. Those reactors work as a closed fuel cycle and thus support long-term nuclear power development and decrease the nuclear waste burden¹³. Still, such modern technologies are mostly under development and are costly as well. It is only Russia that operates one industrial Fast Reactor with 2 units (BN-600 and BN-800) at the Beloyarsk nuclear power plant in the Sverdlovsk region¹⁴.

tabases/advanced-reactors-information-system-aris (accessed April 30, 2022)

⁴ Nuclear energy, safe use of nuclear power. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-at-cop26-how-nuclear-power-and-technologies-can-help-tackle-climate-change> (accessed April 30, 2022)

⁵ IAEA Report on Nuclear Energy for a Net Zero World. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/21/10/nuclear-energy-for-a-net-zero-world.pdf> (accessed April 30, 2022)

⁶ Paris Agreement 2015. UN official website. Available at: <https://www.un.org/en/climatechange/paris-agreement> (accessed April 30, 2022)

⁷ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN official website. Available at: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (accessed April 30, 2022)

⁸ IAEA Releases Report on Nuclear Energy for a Net Zero World Ahead of COP26 Climate Summit. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-releases-report-on-nuclear-energy-for-a-net-zero-world-ahead-of-cop26-climate-summit> (accessed April 30, 2022)

⁹ Nuclear power reactors. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/topics/nuclear-power-reactorshttps://www.iaea.org/topics/nuclear-power-reactors> (accessed April 30, 2022)

¹⁰ Advanced Reactors Information System (ARIS). IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/resources/databases/advanced-reactors-information-system-aris> (accessed April 30, 2022)

¹¹ Operational § Long-Term Shutdown Reactors. Power Reactor Informational System. IAEA official website. Available at: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/OperationalReactorsByCountry.aspx> (accessed April 30, 2022)

¹² Plans For New Reactors Worldwide. World Nuclear Association official website. Available at: <https://www.world-nuclear.org/information-library/current-and-future-generation/plans-for-new-reactors-worldwide.aspx> (accessed April 30, 2022)

¹³ Fast-Neutron Reactors. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/topics/fast-reactors> (accessed April 30, 2022)

¹⁴ Modern Reactors of Russian Design. Rosatom official website. Available at: <https://www.rosatom.ru/en/rosatom-group/engineering-and-construction/modern-reactors-of-russian-design/> (accessed April 30, 2022)

There is another affordable technology which combines the required safety and such flexibilities as reasonable costs, longer terms of operation without refueling, mobility and easy access to remote territories. These advantages are associated with small modular reactors (SMRs)¹⁵.

Theoretical framework. SMRs as a New Trend in the Global Nuclear Energy Market

Small SMRs are actual nuclear reactors which use nuclear fission to generate electricity or to create heat and desalinate water¹⁶. Their power output is less than 300 megawatts (MWe) which is about one-third of a generating capacity of traditional high-energy nuclear power reactors. They are fully factory produced and loaded with fuel. They could be factory-assembled in different modules and delivered as a unit to the customer on a turnkey basis. They are so compact that could be transported by railways or even in trucks.

Larger SMRs (more than 300 MWe) are designed primarily for on-grid power generation in order to replace oil and coal power plants. Smaller SMRs, in their turn, could create an alternative to diesel generation in remote communities and at mining sites.

SMRs definitely offer savings in cost and construction time. The OECD Nuclear Energy Agency notes that a rapid SMR uptake could help to avoid 15Gt of carbon emissions by 2050¹⁷. As for safety, the IAEA experts explain that SMRs rely on reactor's passive safety systems. It means that in case of emergency no human or external intervention is needed to shut down the reactor, and that provides increased safety margins.

¹⁵ Small Modular Reactors. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/topics/small-modular-reactors> (accessed April 30, 2022)

¹⁶ FNPP Akademik Lomonosov. Rosatom official website. Available at: <http://fnpp.info> (accessed April 30, 2022)

¹⁷ Small Modular Reactors. OECD Nuclear Energy Agency Report. 2021. Official NEA OECD website. Available at: https://www.oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2021-10/small_modular_reactors_cop26_flyer.pdf (accessed April 30, 2022)

Although SMR is a new nuclear technology that is not directly associated with conventional nuclear plants, it offers the operational flexibility that large reactors do not have¹⁸. Additionally, SMRs may require less frequent refueling in comparison to 1–2 years for conventional plants.

Currently there are more than 70 SMR designs under development in 17 countries¹⁹. They can be classified by a number of ways depending on the type of the reactor, its technology, fuel forms and licensing readiness levels. Thus, in accordance with the OECD-NEA Report “Small Modular Reactors: Challenges and Opportunities”, most SMR concepts can be grouped into five main categories. They include: single-unit LWR-SMRs; multi-module LWR-SMRs; mobile/transportable SMRs; generation IV SMRs; micro modular reactors (MMRs)²⁰.

Actually, the world's first floating SMR unit is already in operation in Russia (more details below)²¹. Other SMRs are at the stage of construction or licensing in such countries as Argentina, Canada, China, Russia, Republic of Korea and the USA²². The OECD Nuclear Energy Agency predicts that SMRs are expected to massively enter the global market in the next decade²³.

¹⁸ Cunningham, N. (2012). Small Modular Reactors: A Possible Path Forward for Nuclear Power, *In American Security Project*. Available at: <https://www.americansecurityproject.org/ASP%20Reports/Ref%200087%20-%20Small%20Modular%20Reactors.pdf> (accessed April 30, 2022)

¹⁹ IAEA Presents New Platform on Small Modular Reactors and Their Applications. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-presents-new-platform-on-small-modular-reactors-and-their-applications> (accessed April 30, 2022)

²⁰ Small Modular Reactors: Challenges and Opportunities. OECD Nuclear Energy Agency Report. 2021. Available at: https://oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2021-03/7560_smr_report.pdf (accessed April 30, 2022)

²¹ About. FNPP Akademik Lomonosov. Rosatom official website. Available at: <http://www.fnpp.info/about> (accessed April 30, 2022)

²² Liou, J. (2021) What are Small Modular Reactors (SMRs)? IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/what-are-small-modular-reactors-smrs> (accessed April 30, 2022)

²³ Small Modular Reactors. OECD Nuclear Energy Agency Report. 2021. Available at: https://www.oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2021-10/small_modular_reactors_cop26_flyer.pdf (accessed April 30, 2022)

Statement of the problem

Globally, the implementation of new nuclear technologies needs changes in political, economical and legal regulation. At the moment the governmental support of the SMRs in the countries developing SMR's technology is targeted at providing long-term political, financial, infrastructural and, especially, international regulatory support²⁴.

To encourage and to coordinate studies on SMRs, the IAEA has published several reports²⁵ and established expert groups – the Platform on SMRs and their Applications, the Technical Working Group on Small and Medium Sized or Modular Reactors (TWG-SMR) and the SMR Regulators' Forum²⁶. In March 2022 the IAEA launched the “Nuclear Harmonization and Standardization Initiative” bringing together policy makers, regulators, designers, vendors and operators to develop common regulatory and industrial approaches to SMRs²⁷.

The IAEA hosts technical meetings, produces scientific and technical publications and facilitates research projects. The IAEA coordinates such efforts to encourage the devel-

opment of a variety of SMRs and to identify advanced technologies in order to ensure the competitiveness and reliable operation of such reactors through research, technology development and innovation²⁸.

Such reports mainly depict technology roadmaps for implementing SMR technology. They focus on current status of deployment, nuclear power infrastructure and prospects for technologies.

As we see, at the moment, the IAEA's focus on SMRs is technologically oriented. Still, the closer the entry of SMRs at the global market, the more practical issues require clarity and guidance in their international legal regulation. These include trans-boundary transportation issues; ownership in export scenarios; nuclear liability and nuclear insurance; licensing; applicability of the IAEA safeguards, etc. Primarily, a large amount of unclear issues and legal gaps surrounds the operation of floating or other transportable nuclear power plants.

Discussion

Russia and SMRs. Focus on Arctic regions

Today, the only case of operational SMRs is attributed to Russia where the world's first floating nuclear power unit (FNPU) “Akademik Lomonosov” is in operation since May 2020 in Pevek, Chukotka, the most distant Russian port in the Eastern Arctic. It is a non-propelled barge with two nuclear reactors with the power capacity of 35 MW each. The combined 70 MW is enough to provide electricity and heat for a city with 100.000 inhabitants. To compare: the total population of Chukotka region is about 50.000 people²⁹.

SMRs are in special demand in Russia's Arctic regions, especially in hard-to-reach places of industrial or geological development. Russian SMRs are based on the RITM-type reactors which have been successfully used for decades in the icebreaker fleet³⁰. Consequently,

²⁴ Small Modular Reactors: Challenges and Opportunities. OECD Nuclear Energy Agency Report. 2021. Available at: https://oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2021-03/7560_smr_report.pdf (accessed April 30, 2022)

²⁵ See, for example, Technology Roadmap for Small Modular Reactor Deployment. 2021; Benefits and Challenges of Small Modular Fast Reactors 2021; Considerations for Environmental Impact Assessment for Small Modular Reactors 2020. Available at: <https://www.iaea.org/publications/14861/technology-roadmap-for-small-modular-reactor-deployment> (accessed April 30, 2022)

²⁶ The IAEA Platform on SMRs and their Applications. Available at: <https://www.iaea.org/about/organizational-structure/department-of-nuclear-energy/webinars/nuclear-energy-side-events-at-the-65th-iaea-general-conference/the-iaea-platform-on-smrs-and-their-applications>;

Technical Working Group on Small and Medium Sized or Modular Reactors (TWG-SMR). Available at: <https://www.iaea.org/topics/small-modular-reactors/technical-working-group-on-small-and-medium-sized-or-modular-reactors-twg-smr>;

Small Modular Reactor (SMR) Regulators' Forum. Available at: <https://www.iaea.org/topics/small-modular-reactors/smr-regulators-forum> (accessed April 30, 2022)

²⁷ Accelerating SMR Deployment: New IAEA Initiative on Regulatory and Industrial Harmonization. 01 Apr 2022. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/accelerating-smr-deployment-new-iaea-initiative-on-regulatory-and-industrial-harmonization> (accessed April 30, 2022)

²⁸ Small modular reactors. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/ru/temy/malye-modulnye-reaktory> (accessed April 30, 2022)

²⁹ Rosenergoatom official website. Floating Nuclear Power Unit. Available at: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-pates/ (accessed April 30, 2022)

³⁰ Born in the Arctic. Rusatom Overseas official website. Available at: <https://rusatom-overseas.com/smr/rodom-iz>

there is already a long-term experience of using such nuclear reactors in harsh conditions of the Arctic region. There are also plans to build a ground-based NPP with a small modular RITM-200 reactor in Yakutia. The projected SMR will have such benefits as its compactness and modularity, shortened construction period, high safety standards, and service life of at least 60 years. It is expected that it will reduce the cost of electricity in the region by almost twice. The construction of the SMR will provide a stable and clean energy supply for the development project of the Kyuchus gold deposit in Yakutia³¹.

Russia has a number of other major projects in the Arctic related to mineral resources, especially, gas and oil. One of the main projects is the Prirazlomnoye oil and gas extraction platform on the Arctic shelf³². Its infrastructure needs heat and electricity. Accordingly, a SMR seems to be the best option for that project.

Financial support for such SMRs is envisaged in the Russian Government's Goals of National Development in 2021–2024³³.

Basically, SMRs become advantageous for Russia in many ways. They are useful for distant regional energy supply; for airports and seaports infrastructure; for meteorological and hydrological stations, for water desalination and hydrogen production³⁴.

In addition, SMRs have great export potential. At the EXPO-2020 in Dubai Russia presented different types of SMRs³⁵. Rosatom

arktiki/ (accessed April 30, 2022)

³¹ By 2028, a low-power nuclear power plant will be built in Yakutia. December 24, 2020. Rosatom official website. Available at: https://rosatom.ru/journalist/news/k-2028-godu-v-yakutii-budet-postroena-atomnaya-stantsiya-maloy-moshchnosti/?sphrase_id=2660993 (accessed April 30, 2022)

³² Prirazlomnoye project. Gazpromneft official website. Available at: <https://shelf.gazprom-neft.com/business/> (accessed April 30, 2022)

³³ Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (economy.gov.ru). Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffcd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (accessed April 30, 2022)

³⁴ SMRs: scientific problems and ways for solutions. Scientific session "Science for nuclear energy". Available at: <http://nsrus.ru/files/65NP/ppt/du-2706/Solovjov.pdf> (accessed April 30, 2022)

³⁵ Rosatom presents full Small Modular Reactors product line at EXPO-2020. Rosatom official website. Available at: <https://>

and the Energy Ministry of the Kyrgyz Republic have signed there a Memorandum of Understanding on cooperation on SMR nuclear power plants³⁶. Rosatom and the United Arab Emirates agreed to create a working group to study the possibility of operating SMR nuclear power plants in the UAE³⁷.

SRMs in the Framework of National Law

Obviously, it is an issue of crucial importance to regulate legally all possible aspects of nuclear power plant's lifecycle.

As for the national legal regulation of SMRs, in most countries there are special laws on the use of nuclear energy including operations of nuclear power plants.

Russia as the current leader in FNPU's can be taken as an example. There is a national legal regime that includes federal laws and government decrees to regulate the use of nuclear energy. Implementation of these norms is monitored by the Russian regulator, which reports to the Russian Government. Such norms are in conformity with the international nuclear safety and security conventions.

However, in addition to the Federal laws³⁸, which stipulate the special order of mandatory accounting of nuclear energy sources as well as the mandatory state monitoring of nuclear facilities, some amendments have been made in Russian national laws to accommodate "Akademik Lomonosov" exploitation, especially its design features. Federal Rules and Regulations in the Field of Nuclear Energy Use³⁹ and Fed-

rosatom-mena.com/press-centre/news/rosatom-presents-full-small-modular-reactors-product-line-at-expo-2020-/ (accessed April 30, 2022)

³⁶ Rosatom and Kyrgyzstan agree to cooperate on SMR NPP construction. Rosatom official website. Available at: <https://www.rosatom.ru/en/press-centre/news/rosatom-and-kyrgyzstan-agree-to-cooperate-on-smr-npp-construction/> (accessed April 30, 2022)

³⁷ Atomic-Energy.ru. Rosatom and the United Arab Emirates agreed to create a working group to study the possibility of using small nuclear power plants in the UAE. Available at: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/02/02/121537> (accessed April 30, 2022)

³⁸ Federal Law of the Russian Federation of November 21, 1995 № 170 – FZ About use of atomic energy. Available at: <https://oecd-nea.org/law/legislation/russ-fed-law170-nov1995-en.pdf> (accessed April 30, 2022)

³⁹ Federal Norms and Regulations in the Field of Nuclear Energy Use. General Provisions for the Safety of Ships and Other

eral Standards and Rules in the Field of Atomic Energy Use⁴⁰ have been amended.

Each state which would operate SMRs on its own territory and under its jurisdiction should estimate the effectiveness of its national legislation and update it if needed.

However in case of export scenario of SMRs, certain international legal gaps or legal grey areas still exist and need to be mitigated.

SMRs' compatibility with the norms of the International Law

The 1994 Convention on Nuclear Safety⁴¹ obliges the States Parties to abide by certain safety regulations for site selection, design, construction and operation of nuclear facilities. However, its regulations are applicable to land-based stations only. In accordance with the definition of Article 2 (i), a nuclear installation “means for each Contracting Party any land-based civil nuclear power plant under its jurisdiction...”⁴². Thus, formally it does not cover floating NPU.

The 1982 UN Convention of the Law of the Sea⁴³, the 1974 International Convention for the Safety of Life at Sea⁴⁴, some other maritime agreements contain provisions on nuclear powered ships. Yet, the FNPU “Akademik Lomonosov” is not a ship but a non self-propelled barge. In its export scenario a legal ambiguity will arise.

Floats with Nuclear Reactors. Available at: <https://www.rus-siangost.com/p-220938-np-022-17.aspx> (accessed April 30, 2022)

⁴⁰ Federal Standards and Rules in the Field of Atomic Energy Use. Available at: <https://www.rus-siangost.com/p-220941-np-029-17.aspx> (accessed April 30, 2022)

⁴¹ Convention on Nuclear Safety 1994. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/topics/nuclear-safety-conventions/convention-nuclear-safety> (accessed April 30, 2022)

⁴² Article 2. Definitions. Convention of Nuclear Safety 1994 full text. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc449.pdf> (accessed April 30, 2022)

⁴³ UN Convention on the Law of the Sea 1982. UN official website. Available at: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/convention_overview_convention.htm (accessed April 30, 2022)

⁴⁴ International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS) 1974. IMO official website. Available at: [https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-\(SOLAS\)-1974.aspx](https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-(SOLAS)-1974.aspx) (accessed April 30, 2022)

In case of a SMR trans-boundary transportation additional legal issues arise in connection with the interactions between the transit and the host states on such issues as civil liability of nuclear damage, physical protection of the reactor loaded with nuclear fuel during transportation, as well as counter-terrorism measures.

Another key issue is the application to SRMs of nuclear non-proliferation safeguards. In most options a SMR will be exported to a host state on a turn-key basis. It will be loaded with fuel and operated by the vendor's personnel. The host state will have the only duty to connect electric grids and other infrastructure to the SMR and to guard the facility. It is not clear how the host state will report to the IAEA on the issue of safeguards if the SMR operates as a “black-box” technology without access to it of the local personnel. The IAEA already admits that there are “gaps in the understanding of international safeguards requirements among designers and vendors”⁴⁵.

Finally, it should be noted that many developing countries interested in obtaining SMR are not State Parties to most of the basic nuclear safety and security conventions. It would create certain difficulties in resolving such issues as SMRs nuclear security including their armed personnel protection, handling of radioactive waste, nuclear liability and others.

Results

Despite the current legal gaps and some other uncertainties regarding transboundary SMR transportation and operation, their long-term economic, technological and trade benefits are obvious. At the moment it is difficult to predict when and at what scale transfers of such technologies will happen and what will be their preferable models. That is why it would be premature now to start with amending basic instruments of the international nuclear law.

At the beginning it seems to be more prudent to start with the conclusion of bilateral intergovernmental agreements between

⁴⁵ Safeguarding the Nuclear Future: Small Modular Reactors. 23 Sep 2021. Official site of the IAEA. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/news/safeguarding-the-nuclear-future-small-modular-reactors> (accessed April 30, 2022)

the exporting/vendor state and the host state. Such an agreement shall contain a mechanism to regulate all related technical and legal issues of the SMR transboundary operational life-cycle. In particular, it should contain obligations on part of the exporter: on the type of FNPU and the time for its delivery; on the responsibility of the operator of the SMR for the implementation of the agreement, including its delivery, operation, maintenance, safety and return to the manufacturer after the end of the SMR life cycle. The obligations of the host state should include: site allocation; provision of electrical grid, water and other infrastructure supplies; external physical protection of the SMR by armed personnel and other nuclear security arrangements. The agreement should also include financial, information sharing and nuclear liability commitments. In addition, it should anticipate a mechanism for the application of nuclear safeguards arrangements with the IAEA, including procedures of inspections of the SMR by the IAEA personnel.

At the international level, especially at the IAEA, much can be done.

In addition to the above mentioned IAEA's working groups on technical SRM's issues it is important to create a corresponding group on legal issues. The IAEA already admits such demand. Rafael Grossi, Director-General of the IAEA, notes that "new technologies represent another important cross-cutting area of nuclear law, specifically with the introduction of advanced reactors including SMRs and transportable nuclear power plants" which need to be accommodated⁴⁶.

A related issue is licensing of SMR's. Its regulations and requirements shall be approved by national laws. However, taking into an account that laws and legal regulations on

⁴⁶ Grossi, R.M. (2022). Nuclear Law: The Global Debate. In: Nuclear Law. T.M.C. Asser Press, The Hague. https://doi.org/10.1007/978-94-6265-495-2_1 Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-6265-495-2_1 (accessed April 30, 2022)

licensing differ from country to country, it would be important to implement recommendations for unified standards of SMRs' licensing⁴⁷.

Finally, it would be accurate to update the first fundamental international study on the topic performed by the IAEA in 2013 "Legal and Institutional Issues of Transportable Nuclear Power Plants: A Preliminary Study". It highlighted potential benefits of transportable nuclear power plants, analyzed related potential legal and institutional issues, exposed challenges for their deployment, and outlined pathways for resolution of the identified issues in the short and long terms⁴⁸. However, since then the situation with SMRs development, innovation and implementation has radically changed. It would be advisable to set up a working group of international experts who shall prepare a new report taking into account the current situation and perspectives of SMRs implementation.

To sum up, SMRs are becoming a forward-looking trend in the global advancement of nuclear technologies. More and more countries develop SMRs' concepts and technologies or show interest in purchasing SMRs.

In parallel to the development of these technologies, a step by step legal regulation is needed to address gaps and "grey areas" which still exist, especially, at the junction of national and international legal norms applicable to SMRs.

It is recommended that the IAEA plays a leading role in arranging and coordinating this process.

⁴⁷ Facilitating International Licensing of Small Modular Reactors. World Nuclear Association official website. Available at: http://www.world-nuclear.org/uploadedFiles/org/WNA/Publications/Working_Group_Reports/REPORT_Facilitating_Intl_Licensing_of_SMRs.pdf (accessed April 30, 2022)

⁴⁸ Legal and Institutional Issues of Transportable Nuclear Power Plants: A Preliminary Study. IAEA official website. Available at: <https://www.iaea.org/publications/10516/legal-and-institutional-issues-of-transportable-nuclear-power-plants-a-preliminary-study> (accessed April 30, 2022)

References

- Accelerating SMR Deployment: New IAEA Initiative on Regulatory and Industrial Harmonization. 01 Apr 2022. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/newscenter/news/accelerating-smr-deployment-new-iaea-initiative-on-regulatory-and-industrial-harmonization>
- Advanced Reactors Information System (ARIS). IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/resources/databases/advanced-reactors-information-system-aris>
- A Small Source of a Large Energy. Tass News Agency. DOI: <https://tass.ru/spec/asmm>
- Atomic-Energy.ru. Rosatom and the United Arab Emirates agreed to create a working group to study the possibility of using small nuclear power plants in the UAE. DOI: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/02/02/121537>
- Born in the Arctic. Rusatom Overseas official website. DOI: <https://rusatom-overseas.com/smr/rodomez-arktiki/>
- By 2028, a low-power nuclear power plant will be built in Yakutia. December 24, 2020. Rosatom official website. DOI: https://rosatom.ru/journalist/news/k-2028-godu-v-yakutii-budet-postroena-atomnaya-stantsiya-maloy-moshchnosti/?sphrase_id=2660993
- Convention on Nuclear Safety 1994. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/topics/nuclear-safety-conventions/convention-nuclear-safety>
- Cunningham, N. (2012). Small Modular Reactors: A Possible Path Forward for Nuclear Power, *In American Security Project*. DOI: <https://www.americansecurityproject.org/ASP%20Reports/Ref%200087%20-%20Small%20Modular%20Reactors.pdf>
- Facilitating International Licensing of Small Modular Reactors. World Nuclear Association official website. DOI: http://www.world-nuclear.org/uploadedFiles/org/WNA/Publications/Working_Group_Reports/REPORT_Facilitating_Intl_Licensing_of_SMRs.pdf
- Fast-Neutron Reactors. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/topics/fast-reactors>
- Federal Law of the Russian Federation of November 21, 1995 № 170 – FZ About use of atomic energy. DOI: <https://oecd-nea.org/law/legislation/russ-fed-law170-nov1995-en.pdf>
- Grossi, R.M. (2022). Nuclear Law: The Global Debate. In: Nuclear Law. T.M.C. Asser Press, The Hague. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-495-2_1
- IAEA Presents New Platform on Small Modular Reactors and Their Applications. DOI: <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-presents-new-platform-on-small-modular-reactors-and-their-applications>
- IAEA Releases Report on Nuclear Energy for a Net Zero World Ahead of COP26 Climate Summit. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/newscenter/pressreleases/iaea-releases-report-on-nuclear-energy-for-a-net-zero-world-ahead-of-cop26-climate-summit>
- IAEA Report on Nuclear Energy for a Net Zero World. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/sites/default/files/21/10/nuclear-energy-for-a-net-zero-world.pdf>
- International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS) 1974. IMO official website. DOI: [https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-\(SOLAS\),-1974.aspx](https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/International-Convention-for-the-Safety-of-Life-at-Sea-(SOLAS),-1974.aspx)
- Legal and Institutional Issues of Transportable Nuclear Power Plants: A Preliminary Study. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/publications/10516/legal-and-institutional-issues-of-transportable-nuclear-power-plants-a-preliminary-study>
- Liou, J. (2021) What are Small Modular Reactors (SMRs)? IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/newscenter/news/what-are-small-modular-reactors-smrs>
- 2050 long-term Strategy. European Commission official website. DOI: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/climate-strategies-targets/2050-long-term-strategy_en
- Modern Reactors of Russian Design. Rosatom official website. DOI: <https://www.rosatom.ru/en/rosatom-group/engineering-and-construction/modern-reactors-of-russian-design/>
- Nuclear energy, safe use of nuclear power. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-at-cop26-how-nuclear-power-and-technologies-can-help-tackle-climate-change>

Operational § Long-Term Shutdown Reactors. Power Reactor Informational System. IAEA official website. DOI: <https://pris.iaea.org/PRIS/WorldStatistics/OperationalReactorsByCountry.aspx>

Paris Agreement 2015. UN official website. DOI: <https://www.un.org/en/climatechange/paris-agreement>

Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf (economy.gov.ru). DOI: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celey_razvitiya_do_2024g.pdf

Plans For New Reactors Worldwide. World Nuclear Association official website. DOI: <https://www.world-nuclear.org/information-library/current-and-future-generation/plans-for-new-reactors-worldwide.aspx>

Rosatom and Kyrgyzstan agree to cooperate on SMR NPP construction. Rosatom official website. DOI: <https://www.rosatom.ru/en/press-centre/news/rosatom-and-kyrgyzstan-agree-to-cooperate-on-smr-npp-construction/>

Rosatom presents full Small Modular Reactors product line at EXPO-2020. Rosatom official website. DOI: <https://rosatom-mena.com/press-centre/news/rosatom-presents-full-small-modular-reactors-product-line-at-expo-2020-/>

Safeguarding the Nuclear Future: Small Modular Reactors. 23 Sep 2021. Official site of the IAEA. DOI: <https://www.iaea.org/newscenter/news/safeguarding-the-nuclear-future-small-modular-reactors>

Small Modular Reactors: Challenges and Opportunities. OECD Nuclear Energy Agency Report. 2021. DOI: https://oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2021-03/7560_smr_report.pdf

Small modular reactors. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/ru/temy/malye-modulnye-reaktory>

Small Modular Reactors. OECD Nuclear Energy Agency Report. 2021. Official NEA OECD website. DOI: https://www.oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2021-10/small_modular_reactors_cop26_flyer.pdf

Small Modular Reactor (SMR) Regulators' Forum. DOI: <https://www.iaea.org/topics/small-modular-reactors/smr-regulators-forum>

SMRs: scientific problems and ways for solutions. Scientific session "Science for nuclear energy". DOI: <http://nsrus.ru/files/65NP/ppt/du-2706/Solovjov.pdf>

Technical Working Group on Small and Medium Sized or Modular Reactors (TWG-SMR). DOI: <https://www.iaea.org/topics/small-modular-reactors/technical-working-group-on-small-and-medium-sized-or-modular-reactors-twg-smr>

Technology Roadmap for Small Modular Reactor Deployment. 2021; Benefits and Challenges of Small Modular Fast Reactors 2021; Considerations for Environmental Impact Assessment for Small Modular Reactors 2020. DOI: <https://www.iaea.org/publications/14861/technology-roadmap-for-small-modular-reactor-deployment>

The IAEA Platform on SMRs and their Applications. DOI: <https://www.iaea.org/about/organizational-structure/department-of-nuclear-energy/webinars/nuclear-energy-side-events-at-the-65th-iaea-general-conference/the-iaea-platform-on-smrs-and-their-applications>

Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. UN official website. DOI: <https://sdgs.un.org/2030agenda>

Transitions to low carbon electricity systems: Key economic and investments trends. IAEA official website. DOI: <https://www.iaea.org/sites/default/files/21/06/transitions-to-low-carbon-electricity-systems-changing-course-in-a-post-pandemic-world.pdf>

UN Convention on the Law of the Sea 1982. UN official website. DOI: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/convention_overview_convention.htm

EDN: UGFESS
УДК 711.1:004.032.26(51)

Regulation of Smart City Technologies in Asian Digital Economy Leaders

Roman I. Dremlyuga* and Aleksandr I. Korobeev

*Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation*

Received 03.04.2023, received in revised form 11.04.2023, accepted 12.04.2023

Abstract. Many countries in East and Southeast Asia have become undisputed leaders in innovation in information technology and the digital economy. In doing so, substantial high-tech Asian megacities have become growth points, which serve as experimental testing grounds for technological innovations and offer pilot and special regulatory regimes for the rapid deployment of promising innovations. The transformation of the socio-economic and political life of individual cities and states is, in one way or another, inextricably linked to the development and adoption of atypical regulatory institutions and systems.

The technological development of cities has recently been linked in one way or another to the concept of the “smart city.” This definition means the comprehensive implementation of intelligent technologies into the decision-making cycle in an urban environment for monitoring, control, and regulation activities. This paper aims to identify the main features of regulating the development, implementation, and application of innovative city technologies in Asian countries that are leaders in the digital economy. Through the analysis of independent rankings, the People’s Republic of China, Japan, Singapore, and the Republic of Korea are chosen as such countries. These countries are united not only by their overall leadership in the digital economy but also by the presence of cities leading in implementing innovative technologies. The paper uses the methodology of formal-logical analysis and comparative jurisprudence, revealing the essence of the regulatory framework for the development, implementation and application of urban smart technology in the selected countries. A comparative study of the main provisions of regulations aimed at streamlining social relations on the development, implementation, and application of intelligent technologies in cities in the selected countries also allows us to develop proposals for the development of Russian regulation in the application of smart technologies in cities.

Keywords: normative regulation of smart cities, comparative law, cyber ethics, cyber law, law of the People’s Republic of China, law of Singapore, law of the Republic of Korea, law of Japan.

Research area: private law (civil) sciences.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: dremlyuga.ri@dvfu.ru, akorobeev@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-1607-1228 (Dremlyuga)

Research was supported by the Far Eastern Federal University (Program “PRIORITY 2030”: Digital Science).

Citation: Dremlyuga R. I., Korobeev A. I. Regulation of smart city technologies in Asian digital economy leaders. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 819–832. EDN: UGFESS

Регламентация применения технологий умных городов в азиатских странах – лидерах цифровой экономики

Р.И. Дремлюга, А.И. Коробеев

*Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, Владивосток*

Аннотация. Многие страны Восточной и Юго-Восточной Азии вышли в число бесспорных лидеров инноваций в сфере информационных технологий и цифровой экономики. При этом точками роста стали огромные высокотехнологичные азиатские мегаполисы, которые не только служат экспериментальными полигонами для внедрения в эксплуатацию новинок технологической сферы, но и предлагают пилотные и специальные нормативные режимы для быстрого внедрения перспективных инноваций. Трансформация социоэкономической и политической жизни отдельных городов и государств неотъемлемо связана с разработкой и принятием нетипичных институтов и систем нормативного регулирования.

Технологическое развитие городов в последнее время так или иначе связано с понятием «умный город». Данная дефиниция означает широкое внедрение интеллектуальных технологий в цикл принятия решений в городской среде для мониторинга, контроля и распорядительной деятельности. Цель настоящей работы – определение основных особенностей регламентации разработки, внедрения и применения технологий «умных городов» в странах Азии, лидирующих в сфере цифровой экономики. Посредством анализа независимых рейтингов в качестве таких стран выбраны Китайская Народная Республика, Сингапур, Республика Корея и Япония. Данные страны объединяет не только общее лидерство в цифровой экономике, но и наличие городов, лидирующих по внедрению умных технологий. Проведение сравнительного исследования основных положений нормативных актов, направленных на упорядочивание общественных отношений по поводу разработки, внедрения и применения интеллектуальных технологий в городах выбранных стран, также позволяет выработать предложения по развитию российского регулирования в сфере применения умных технологий в городах. В работе используется методология формально-логического анализа и сравнительного правоведения, что позволяет раскрыть сущность основ регулирования разработки, внедрения и применения городских интеллектуальных технологий в выбранных странах.

Ключевые слова: нормативная регламентация умных городов, сравнительное правоведение, киберэтика, киберправо, право Китайской Народной Республики, право Сингапура, право Республики Корея, право Японии.

Научная специальность: 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки.

Работа выполнена при финансовой поддержке ДВФУ (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»: Центр цифрового развития)

Цитирование: Дремлюга Р.И., Коробеев А.И. Регламентация применения технологий умных городов в азиатских странах – лидерах цифровой экономики. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 819–832. EDN: UGFESS

Введение

Во многом необходимость внедрения интеллектуальных технологий в среду современных мегаполисов связана с увеличением их территорий, ростом числа жителей и повышением сложности городской инфраструктуры и сетей коммуникаций (Кривоги́на, 2021). Управление современным городом стало настолько сложным, а требования к качеству принимаемых решений настолько высокими, что применение ИТ-инноваций является не данью моде, а элементарной жизненной необходимостью. Внедрение технологий умных городов обусловлено и возрастающими потребностями их жителей, которые хотят видеть среду, в которой они находятся, все более эффективной, удобной и безопасной. Поскольку человеческий ресурс становится решающим для городов и государств, юрисдикции борются за привлечение высококвалифицированных кадров, в том числе с помощью создания нормативных условий для внедрения умных технологий в городскую среду.

Концепция умного города

Концепция умного города подразумевает ИТ-технологии в городах, хотя и не ограничивается данным свойством. Термин все чаще используется во многих отраслях без ясных определений и понятных характеристик того, что он обозначает. Такая неясность приводит к путанице среди исследователей, политиков, разработчиков, которые занимаются, как им кажется, умными городами (Albino, 2015). «Умность» города нельзя определить просто через использование ИИ и других интеллектуальных и цифровых технологий в городской среде. Согласно классическо-

му пониманию, «умный» город – это более удобная городская среда для пользователя, чем в случае, когда мы просто внедрили интеллектуальные технологии. Умный город должен адаптироваться к потребностям пользователей и предоставлять специализированные интерфейсы для определенных групп и запросов (Nam, 2011).

Все чаще уровень «умности» города определяется через степень выраженности характерных признаков. Так, некоторые авторы трактуют «умность» через уровень интеграции различных городских систем (транспорт, энергетика, образование, здравоохранение, здания, физическая инфраструктура, продовольствие, вода и общественная безопасность) в единое целое (Dirks, 2009). То есть вряд ли можно будет отнести к умным городам агломерацию, где сервисы в различных сферах, пусть даже основанные на ИИ, разрознены.

Другие ученые определяют «умность» через шесть основных компонентов. Этими компонентами являются: умная экономика, умная мобильность, умная окружающая среда, умное население, умное проживание и умное управление (smart economy, smart mobility, smart environment, smart people, smart living, and smart governance) (Giffinger, 2010). Эти авторы опираются на традиционные и неоклассические теории роста и развития городов: региональную конкурентоспособность, экономику транспорта и ИКТ, природные ресурсы, человеческий и социальный капитал, качество жизни и участие членов общества в жизни города.

Обзор научной литературы, посвященной умным городам, показывает, что, хотя интерес к правовым вопросам растет, большинство публикаций по-прежнему

приходят из областей технологии, урбанистики, экологии и социологии, а не права. В работах в основном рассматриваются социальные, городские, полицейские и экологические преимущества умных городов, а не вызовы их регулирования (He, 2022). Чаще исследователи смотрят на умные города крайне оптимистично, прогнозируя преимущества и положительные эффекты внедрения умных технологий, не уделяя достаточного внимания рискам и вызовам, которые следуют за принятием инноваций. Так или иначе, любая технология, которая существенно влияет на жизнь людей, должна применяться в определенных рамках, чтобы минимизировать риски и гарантировать безопасность для людей, которые или в отношении которых ее применяют.

Методология исследования

Россия относительно недавно заявила о претензиях на лидерство в сфере развития «умности» своих городов. Появились первые попытки создать основу для регулирования данной сферы. 18 мая 2022 г. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ утвердило стандарт умного города¹. В него вошли 18 тематических блоков. Помимо уже существующих разделов по цифровизации городских услуг появились блоки, связанные с инновациями в социальной сфере, в том числе в образовании и здравоохранении. Хотя Россия и добилась существенных успехов в вопросах цифровизации городов, она пока не является мировым лидером в данной области.

Анализ зарубежного опыта в этой сфере может существенно помочь в оценке возможностей применения и выявления путей развития российской регуляторной политики. Для исследования механизма регулирования умных городов был бы крайне интересен опыт государств, которые возглавляют мировые независимые рейтинги по вопросам цифровизации. Подобный ана-

лиз позволил бы выявить перспективные направления развития российской нормативной базы для регулирования умных городов.

В качестве стран, выбранных для исследования, были взяты именно азиатские государства, лидирующие по одному или нескольким индикаторам, имеющим отношение к цифровой экономике. В качестве индикаторов были выбраны позиции в мировых рейтингах конкурентоспособности, подготовленных под эгидой мирового экономического форума (англ. – World Economic Forum) в рамках изданий глобального отчета о конкурентоспособности в 2019 и 2020 гг. (англ. – The Global Competitiveness Report Insight Report 2019², The Global Competitiveness Report Special Edition 2020³).

Третьим по развитию законодательства, связанного с цифровой экономикой, в упомянутых выше рейтингах является Сингапур, который также входит в десятку лучших по многим критериям, связанным с цифровизацией. Среди лидеров цифровизации – Китай (первый по размеру рынка цифровых услуг), Южная Корея (первая по внедрению ИКТ, топ-10 по внедрению цифровой инфраструктуры, способности внедрения инноваций, макроэкономическим показателям цифровой трансформации), Япония (первая по развитию человеческого капитала, топ-10 общей конкурентоспособности в индустрии 4.0, размеру рынка цифровых услуг, внедрению цифровой инфраструктуры, способности внедрения инноваций). Таким образом, в качестве стран для анализа были выбраны азиатские лидеры цифровизации, которые доминируют и на глобальном уровне.

Следует отметить, что азиатское регулирование цифровой сферы кардинально отличается на уровне концепций. Регу-

¹ Приказ Минстроя России от 11 мая 2022 г. № 357/пр. Перечень базовых и дополнительных показателей цифровизации городского хозяйства – Стандарт «Умного города».

² The Global Competitiveness Report Insight Report 2019 // World Economic Forum / Editor Klaus Schwab. http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf

³ The Global Competitiveness Report Special Edition 2020 // World Economic Forum / Editor Klaus Schwab. http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf

лирование сферы цифровых технологий в странах Восточной Азии базируется на совершенно других культурных принципах и установках. Запад в настоящее время пытается найти баланс между использованием данных в коммерческих целях и социальным благом, вытекающим из защиты частной жизни и достоинства личности. В западной идеологии машины не могут обладать полной автономией, так как это прерогатива только человека. Восточная Азия с ее традициями конфуцианства, буддизма и анимизма зачастую выдвигает общественное благо на первый план. Человек не противопоставляет себя окружающему миру, а гармонично сосуществует с природой, окружающими его вещами и другими людьми (Kokuryo, 2022). Возможно, в этом кроются причины успеха в сфере развития информационных технологий в общем и внедрения ИИ в частности.

Поскольку концепция умных городов связана с целым набором характеристик, признаков и технологий, список которых варьируется от исследователя к исследователю, мы выберем отдельные сферы умного города, в которых и будем проводить исследования выявленных для анализа стран (Китая, Южной Кореи, Японии и Сингапура). В работе будут анализироваться: общая рамка регулирования (в том числе стратегические документы) и умный транспорт (в первую очередь беспилотный транспорт) как необходимый атрибут самых передовых умных городов.

1. Общая рамка регулирования (стратегические документы)

Рассматриваемые в статье страны приняли стратегические документы, определяющие развитие умных городов на десятилетия вперед. Так, Китай, претендующий на мировое технологическое лидерство, на национальном уровне принял более 10 документов. Перечислим акты, принятые после 2014 г., с указанием года их принятия и органа, который разработал документ, не вдаваясь в подробности: Национальный план новой урбанизации (2014–2020) (март 2014, Государственный совет КНР); Заяв-

ление о вопросах, связанных с ускорением строительства демонстрационных проектов интеллектуального применения городского общественного транспорта (апрель 2014, Министерство транспорта); Заявление о вопросах, связанных с ускорением строительства демонстрационных проектов по интеллектуальному применению городского общественного транспорта (июнь 2014, Национальная комиссия по развитию и реформам); Руководящие начала продвижения, строительства и развития умных городов (август 2014, Национальная комиссия по развитию и реформам); Руководящие начала по продвижению развития умного туризма (январь 2015, Китайская национальная администрация туризма); Заявление о соответствующей работе по содействию трансформации и модернизации цифровых городов в умные города (май 2015, Национальное бюро геодезии, картографии и географии); Информационные руководящие начала по созданию и применению системы стандартов умного города и системы оценочных показателей (октябрь 2015, Национальная комиссия по стандартам); Несколько мнений о дальнейшем укреплении планирования и управления городским планированием и строительством (февраль 2016, Государственный совет КНР); Технический план построения платформы пространственно-временных больших данных умного города (2019) (январь 2019, Управление природных ресурсов)⁴.

Как видим, в Китае отсутствует специальный орган, ответственный за развитие умных городов на национальном уровне. При этом вопрос «умности» городов настолько важен, что он не раз попадал в поле зрения главного административного органа КНР – Государственного совета. Хотя большая часть перечисленных документов не содержит правовых норм или норм «мягкого регулирования», положения вышеупомянутых актов определяют в том числе развитие нормативной базы, связанной с умными городами.

⁴ См. подробно: He W., Li W., Deng P. Legal Governance in the Smart Cities of China: Functions, Problems, and Solutions // Sustainability (Switzerland), 14(15), 2022. 9738.

В Китае отсутствует специальный закон, регламентирующий отношения, возникающие по поводу умных городов. Тем не менее ряд актуальных для умных городов вопросов охватывается существующими законами. Так, кибербезопасность умных городов регламентирована положениями таких законов и нормативных актов, как Закон о кибербезопасности⁵, Закон о безопасности данных⁶ и Закон о борьбе с терроризмом⁷, в которых разъясняются основные требования к управлению кибербезопасностью. В области управления данными умных городов главную роль играет Гражданский кодекс⁸, который содержит принципы защиты данных и виртуальной собственности в сети, а также предлагает механизм защиты личной информации, которая была опубликована.

В документе «Несколько мнений о дальнейшем укреплении планирования и управления городским планированием и строительством», принятом Госсоветом, прямо сказано о лидирующей роли права в управлении умными городами⁹. Согласно ст. 24, требуется содействовать управлению городами в соответствии с законом. Для адаптации к новой ситуации и новым требованиям городского планирования, строительства умных городов и управления ими необходимо усилить работу по созданию, пересмотру и отмене законов и постановлений в ключевых областях, сформировать систему законов и постановлений, охватывающих весь процесс городского планиро-

вания, строительства и управления. Также провозглашается, что необходимо усиливать корреляцию между принимаемыми законами и их эффектом в отношении умных городов.

Одним из стратегических документов в Сингапуре, определяющим направления развития в области умных городов, является Национальная стратегия Сингапура в сфере искусственного интеллекта¹⁰. Трансформирующую роль в Стратегии выполняют 5 национальных проектов внедрения ИИ. Каждый из них направлен на решение ключевых комплексных социально-экономических задач Сингапура. Страна, которая фактически является одним городом, на протяжении нескольких лет подряд занимает лидирующие позиции в мировых рейтингах внедрения ИТ-решений для умных городов. Страна позиционирует себя как умнейший город-нация¹¹, поэтому одним из проектов национального масштаба в сфере ИИ являются «бесперебойные и эффективные муниципальные услуги». Задача проекта – сделать муниципальные услуги более доступными, надежными и своевременными.

Главную роль в развитии Сингапура как умного города играет программа «Умная нация». В 2014 году, когда программа только стартовала, премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун явно обозначил миссию и направления данной инициативы. Во-первых, она нацелена на использование ИКТ, сетей и данных для улучшения жизни, создания дополнительных возможностей и поддержки сообществ. Во-вторых, должна быть сформирована среда, в которой люди живут осмысленной и полноценной жизнью, беспрепятственно используя технологии, и в которой созданы возможности для всех (Seng, 2016).

Согласно руководству по реализации проекта «умная нация» еще одной осо-

⁵ Translation: Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Effective June 1, 2017), <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china/>

⁶ Translation: Data Security Law of the People's Republic of China (Effective Sept. 1, 2021), <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/>

⁷ Закон Китая о борьбе с терроризмом (2018 г.), <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/anti-terrorism-law-20180427>

⁸ Гражданский кодекс Китая, <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/topics/civil-code>

⁹ Several Opinions of the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council on Further Strengthening the Management of Urban Planning and Construction, http://www.gov.cn/zhengce/2016-02/21/content_5044367.htm

¹⁰ The Singapore National AI Strategy, <https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/national-ai-strategy.pdf> (дата обращения: 16.07.2022).

¹¹ Singapore topped the IMD-SUTD Smart City Index for 3rd year running, <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/our-journey/achievements> (дата обращения: 16.07.2022).

бенностью Сингапура является то, что он участвует в Правилах трансграничной конфиденциальности АТЭС (CBPR) и признании конфиденциальности для обработчиков данных (PRP). Системы CBPR/PRP АТЭС предоставляют участникам возможность трансграничной передачи данных, поскольку все они придерживаются утвержденного АТЭС стандартного набора сертификационных требований¹². Это минимизирует проблему, связанную с тем, что организациям приходится следовать правилам нескольких правовых систем, когда они работают в нескольких экономиках АТЭС.

В Республике Корея на данный момент развитие умных городов идет согласно 3-му Генеральному плану на 2019–2023 гг.¹³ В отличие от Китая и Сингапура в Южной Корее умным городам посвящен отдельный закон (Smart cities Act 2017, полное название Smart Cities Creation and Industry Promotion Act)¹⁴. В данном нормативном акте понятие «умный город» определяется как устойчивый город, который предоставляет различные городские услуги на основе городской инфраструктуры, построенной путем конвергенции и сочетания строительных и информационно-коммуникационных технологий для повышения конкурентоспособности и качества жизни. Закон имеет много точек пересечения с 3-им Генеральным планом 2019–2023 гг., поскольку определяет механизмы контроля, внедрения и привлечения к ответственности за нарушение плана. Акт также содержит процедуры разработки и принятия Генеральных планов развития для отдельных умных городов.

¹² Smart Nation: The Way Forward Executive Summary, <https://www.smartnation.gov.sg/files/publications/smartnation-strategy-nov2018.pdf>

¹³ 제3차 스마트도시 종합계획 (2019~2023), <https://smartcity.go.kr/wp-content/uploads/2019/10/%E2%98%85-%EC%A0%9C3%EC%B0%A8-%EC%8A%A4%EB%A7%88%ED%8A%B8%EB%8F%84%EC%8B%9C-%EC%A2%85%ED%95%A9%EA%B3%84%ED%9A%8D1923-%EB%B0%9C%EA%B0%84%EB%B3%B8.pdf>

¹⁴ Smart Cities Creation and Industry Promotion Act <https://www.law.go.kr/LSW/lsInfoP.do?efYd=20170922&lsiSeq=192559&ancYd=20170321&nwJoYnInfo=N&ancNo=14718&chrClsCd=010202&efGubun=Y#0000>

Закон подразумевает высокое вовлечение власти, бизнес-сообщества, жителей городов в обсуждение как общего Генерального плана умных городов Кореи, так и отдельных локальных планов каждого города. Значительная часть нормативного акта посвящена процедурам вовлечения и обсуждения широкими слоями заинтересованных планов развития умных городов и их выполнения.

Япония развивает города и регионы посредством внедрения систем искусственного интеллекта. В стране принята своя версия концепции умных городов. В Японии реализуется инициатива создания городов, управляемых на основе данных (Data Driven Cities). Безусловно, указанная концепция работает по общемировым принципам развития, однако в японской практике во многом присутствуют особенности уникальной японской концепции матидзукури как инструмента городского планирования. Дословно термин «матидзукури» переводится как «созидание города», имея на более глубоких уровнях значение осознанного управления и планирования городской среды с заботой и уважением. Традиции, элементы культуры, промышленные структуры и прочие элементы города рассматриваются в этом философском подходе как части единого организма.

Япония одна из первых стала развивать концепцию умных городов и претворять ее в жизнь (Zhejiang, 2018). Стимулом для повышения «умности» городов в Японии послужили различные экологические, социальные и экономические проблемы (Wei, 2017). Среди таких проблем: нехватка ресурсов, частые стихийные бедствия, малая территория и большое количество людей, старение населения и низкая рождаемость, уязвимость к последствиям глобального потепления. Япония придерживается концепции планирования и строительства, которая ориентирована на человека и ставит во главу угла экологические вопросы. Развитие японских умных городов также зависит от ряда государственных стратегий по построению цифрового общества, таких как стратегия «e-Japan» (E: electronic)

2001 года, стратегия «U-Japan» (U: ubiquitous) 2006 года и стратегия «I-Japan» (I: information) 2009 года (Yu, 2015). Суть последней стратегии состоит в создании регуляторных условий для развития общества, интегрированного с цифровыми технологиями и компьютерной информацией.

В рамках общегосударственных инициатив перехода к «Обществу 5.0» создание умных городов в Японии стало одной из приоритетных мер по решению социальных и экономических проблем, связанных с мобильностью, здравоохранением, туризмом, энергетикой, экологией, финансами, государственными услугами. Недавно японский парламент принял «Закон о цифровых процедурах» для ускорения цифровизации административных процедур правительства, который, как ожидается, послужит важной основой для продвижения умных городов¹⁵.

Регуляторная политика Японии в сфере развития умных городов направлена прежде всего на создание города в духе концепции устойчивого развития. Последнее десятилетие вопросы устойчивого развития становятся все более актуальными и востребованными на уровне руководства регионов и крупных муниципалитетов РФ, а также за рубежом. «Экологическая модель города», изданная кабинетом министров Японии, позволяет построить устойчивый низкоуглеродный город путем значительного сокращения выбросов парниковых газов и является основой для политики развития городов в будущем (Su, 2022).

Как видно из приведенного анализа, существует обширная нормативная база, связанная с умными городами, в азиатских странах, лидирующих в вопросах цифровизации. Приняты подробные концепции развития умных городов и законодательные акты по этому поводу на долгие годы вперед. Данные концепции и акцент в развитии нормативной базы зависят от экономических, географических и культурных особенностей страны. Так, Япония с ограниченными ресурсами, экологическими

катастрофами, высокой плотностью населения сосредоточилась на умном устойчивом городе, а Сингапур, являясь городом-государством, сделал ставку на умный город-нацию. Все рассмотренные политики предполагают значительную роль ИКТ и интеллектуальных технологий, а также высокую вовлеченность общества. Наиболее перспективным для адаптации в России выглядит установка на технологии искусственного интеллекта как основы умных городов. Следует стимулировать и вводить экспериментальные правовые режимы для поощрения разработки и применения интеллектуальных решений в российских городах.

Интересно, что некоторые страны сделали ставку на развитие отдельных агломераций, а другие – на общую рамку для развития городов всей страны. Подход, где ставка будет сделана на отдельные умные центры в России, увеличит разрыв между территориями России и вызовет отток из периферийных регионов. Стране для контроля территорий и укрепления суверенитета необходимо развивать умные агломерации в регионах Сибири и Дальнего Востока. К сожалению, в России отсутствуют системные подходы и практики трансформации существующих населенных пунктов в интеллектуальные городские пространства и агломерации. Большая часть городских инициатив в направлении цифровизации с целью обеспечения устойчивого развития носит стихийный и бессистемный характер. Современные подходы к управлению городскими территориями и планированию их развития нуждаются не только в новом теоретическом осмыслении, но и в разработке соответствующих методологий, апробированных и подтвержденных на практике.

2. Регуляторная политика в сфере умного транспорта

Беспилотный транспорт является неотъемлемым атрибутом умного города будущего. Предполагается, что внедрение автономных транспортных решений в городе повысит мобильность его жите-

¹⁵ Tokyo // About smart cities, <https://www.aboutsmartcities.com/smart-city-tokyo/>

лей, улучшит экологическую обстановку и высвободит значительные пространства (Дремлюга, 2020). Такое транспортное решение сделает город более удобным и приспособленным под нужды каждого гражданина.

Транспортная сфера в КНР регулируется «Законом о безопасности дорожного движения» (Road Traffic Safety Law of the People's Republic of China)¹⁶. В марте 2021 г. общественности был представлен проект поправок в вышеназванный закон, которые касались автономного автотранспорта¹⁷. В этом проекте некоторые исследователи отмечают статью 155, которая впервые на законодательном уровне разъясняет соответствующие требования к тестированию и эксплуатации транспортных средств с возможностью автономного вождения. Также в нормативном акте регламентируется разграничение юридической ответственности за нарушения правил дорожного движения и дорожно-транспортные происшествия (Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта, 2022, с. 197–204).

Этапы формирования нормативной базы тестирования беспилотных транспортных средств в КНР зафиксированы в «Стратегии развития инноваций в интеллектуальных транспортных средствах» (Smart Car Innovation And Development Strategy)¹⁸. В плане, приложенном к документу, к 2025 г. в КНР должны быть окончательно оформлены стандарты и нормативы для беспилотного автотранспорта. Согласно тексту документа должны быть сформулированы нормы защиты прав пользователей и покупателей беспилотных автомобилей, в том числе правила производства, продажи, инспекции, регистрации

и отзыва умных автомобилей. Предусмотрена и разработка системы норм безопасности автономного автотранспорта (тестирование, аудит, контроль).

Китайские власти предоставляют относительную свободу местным органам в сфере регламентации тестирования беспилотных автомобилей. Некоторые муниципалитеты и регионы воспользовались правом самостоятельно устанавливать правила тестирования автономного автотранспорта. В 2022 г. испытания беспилотных автомобилей высшей степени автоматизации осуществлялись в Пекине и Шэньчжэне.

«Пекинское муниципальное управление демонстрационной зоны автономного вождения высокого уровня» приняло нормативную базу для тестирования беспилотного автотранспорта еще в 2021 г. Орган местного самоуправления издал «Пилотные правила реализации управления коммерциализацией туристических услуг автономного вождения в экспериментальной зоне»¹⁹. Правила состоят из восьми глав и содержат исчерпывающие и подробные спецификации для предприятий, оказывающих коммерческие туристические услуги, с точки зрения рассмотрения заявок, управления проектами, безопасности сетевых данных, надзора за услугами и управления нарушениями (Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта, 2022, с. 197–204). Одной из особенностей регламентации тестирования автономного автотранспорта в Пекине стало разрешение на применение полностью беспилотных транспортных средств²⁰. В июле 2022 г. муниципальными властями Шэньчжэна было издано «Положение об управлении интеллектуальными подключенными транспортными средствами

¹⁶ Road Traffic Safety Law of the People's Republic of China // URL: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/23/content_25575.htm (дата обращения: 21.07.2022).

¹⁷ Notice of Public Consultation on the Road Traffic Safety Law // URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-04/03/content_5597682.htm (дата обращения: 21.07.2022).

¹⁸ Smart Car Innovation and Development Strategy // URL: <https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202002/P020200224573058971435.pdf> (дата обращения: 21.07.2022).

¹⁹ Rules for the implementation of the pilot management of the commercialization of autonomous driving travel services in the pilot area of Beijing's Intelligent Connected Vehicle Policy (trial implementation) // URL: http://bj.chinadaily.com.cn/a/202207/21/WS_62d8ab3da3101c3ee7ae0134.html (дата обращения: 21.07.2022).

²⁰ Commercial operation of autonomous driving presses the "fast forward" button // URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_18034251 (дата обращения: 21.07.2022).

в Шэньчжэньской особой экономической зоне»²¹, которое вступило в силу 1 августа 2022 г.

Стратегические инициативы по развитию беспилотного транспорта Сингапура перечислены в плане «умная нация» (Smart Nation)²². Поэтапное внедрение автономного транспорта играет ключевую роль в вышеупомянутом стратегическом плане. Фактором успеха, согласно тексту документа, выступает разработка, поддержка и претворение в жизнь разумных политических и законодательных инициатив.

Ведомством, которое контролирует и направляет разработку и принятие нормативной базы для внедрения и применения беспилотных автомобилей, выступает Сингапурское управление наземного транспорта. Данное учреждение также координирует работу правительства в области беспилотного автотранспорта и осуществляет надзор за соблюдением правил изданных нормативных актов²³. В списке полномочий организации – выдача разрешений на использование автономного транспорта и контроль технологического развития в сфере беспилотных автотранспортных технологий.

Технологии автономного вождения должны сделать Сингапурский общественный транспорт более удобным для всех пассажиров. Предусмотрено, что беспилотные транспортные средства будут удобны для лиц с различными особыми потребностями (например, инвалидов, семей с маленькими детьми, пожилых людей)²⁴. В отличие от многих стран (Дремлюга, 2020) Сингапур ориентируется не только на унифицированные требования безопасности автономного транспорта, но и на потребности отдельных общественных групп. Подобный

подход нетипичен для большинства юрисдикций²⁵.

Специальным нормативным актом для регламентации движения беспилотного транспорта стали Правила дорожного движения (для автономных автомобилей), принятые в 2017 г.²⁶ В правилах есть положения, направленные на регламентацию получения разрешения, тестирования, использования автономного транспорта.

Власти Сингапура для нормативного регулирования тестирования и применения беспилотного автотранспорта используют стратегию, ориентированную на адаптацию (Tan, 2021). Этот подход в целом преобладает в правовой политике Сингапура, который всегда декларировал дальновидность, адаптивность и гибкость при разработке и принятии различных государственных стратегий (Ong, 2010). Интенсивное развертывание испытаний беспилотного автотранспорта в 2016–2017 гг. сопровождалось тесным партнерством с иностранными компаниями, местными университетами и локальными сообществами. Сингапур постоянно адаптирует национальные стандарты, нормы безопасности и кибербезопасности беспилотных автотранспортных средств к международным стандартам и современным реалиям технологической сферы.

Основные законы, составляющие базу регулирования системы дорожного движения для эксплуатации автономных транспортных средств в Корее, – это Закон о дорожном движении, Закон об управлении транспортными средствами, Закон о дорогах и Закон о защите личной информации. Среди них необходимо сосредоточить внимание на действующем Законе о дорожном движении (вступил в силу 13 июля 2021 г. как Закон № 17891, с частичными изменениями от 12 января 2021 г.), который обеспечивает выполнение различных обязательств, связанных с эксплуатацией автомобилей

²¹ Regulations on the Administration of Intelligent Networked Vehicles in Shenzhen Special Economic Zone // URL: http://www.caam.org.cn/chn/9/cate_104/con_5233455.html (дата обращения: 21.07.2022).

²² <https://www.smartnation.gov.sg/>

²³ https://www.lta.gov.sg/content/ltagov/en/industry_innovations/technologies/autonomous_vehicles.html

²⁴ Autonomous Vehicles, https://www.lta.gov.sg/content/ltagov/en/industry_innovations/technologies/autonomous_vehicles.html

²⁵ См.: Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Восточный вектор / под ред. А. В. Незнамова. – М.: Альпина ПРО, 2022.

²⁶ Road Traffic Act (Chapter 276), Road Traffic (Autonomous Motor Vehicles) rules 2017, <https://sso.agc.gov.sg/SL/RTA1961-S 464-2017>

на дорогах, и действующий Закон о дорогах (вступил в силу 5 февраля 2021 г. как Закон № 16954 с частичными изменениями от 4 февраля 2020 г.), который регулирует безопасное и удобное использование дорог (Kim, 2022).

Нормы, регламентирующие тестирование и применение беспилотных автомобилей в Республике Корея, включены в Закон «О продвижении и поддержке коммерциализации беспилотных автомобилей»²⁷, первая редакция которого была принята 1 мая 2020 г. Закон предусматривает выделение отдельных полос для автономного транспорта на автомагистралях общего пользования, а также создание специальных районов (экспериментальных зон) для тестирования (Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта, 2022, с. 225–233). В соответствии со статьей 16 был учрежден Комитет по экспериментальным зонам для беспилотных транспортных средств, в функции которого входило все, что связано с выделением и эксплуатацией экспериментальных зон. В сфере полномочий комитета и координация сотрудничества с органами исполнительной власти.

Власти Южной Кореи сосредоточили развитие сферы беспилотного автотранспорта вокруг создания специальных зон для тестирования и эксплуатации. В июне 2022 г. Комитет по экспериментальным зонам для беспилотных транспортных средств объявил о создании 7 специальных тестовых зон до конца 2022 г.²⁸ Согласно плану зоны созданы в Сеуле (2 района) и других городах Южной Кореи. На территориях с экспериментальным правовым режимом разрешается передвижение беспилотных такси и маршрутных автобусов в целях их тестирования. Кроме перечисленных зон в Республике Корея в последние несколько

лет функционирует испытательный полигон K-City для беспилотных транспортных средств площадью 320 000 кв. метров, размещенный в г. Хвасон. На данном полигоне для разработчиков, желающих тестировать свои беспилотные транспортные средства, воссозданы близкие к реальным городские условия (в том числе дорожная инфраструктура, включая пешеходные переходы, шлагбаумы, железнодорожные переезды)²⁹.

Правительство Японии считает развитие автономного транспорта одним из основных и наиболее приоритетных направлений развития ИИ-технологий. В Японии в апреле 2020 г. правительство внесло поправки в Закон о дорожных транспортных средствах (Road Transportation Vehicle Act) и Закон о дорожном движении (Road Traffic Act)³⁰, которые в целом разрешают использование автоматизированных транспортных средств уровня 3 на дорогах общего пользования. Согласно Закону о дорожных транспортных средствах «система автономного вождения» (Autonomous driving system – ADS) определяется как «набор датчиков и искусственного интеллекта, которые заменяют все возможности водителя записывающим устройством». Закон о дорожных транспортных средствах описывает технические спецификации, которым должны соответствовать системы ADS. Кроме того, производители и импортеры автомобилей, оснащенных ADS, должны предоставлять пользователям спецификации ADS для конкретной модели³¹.

В рамках достижения поставленной правительством Японии задачи по формированию «самой передовой транспортной системы в мире» ведётся непрерывная работа. Так, в июне 2019 г. в рамках дорожной карты и государственно-частного концепта

²⁷ 자율주행자동차 상용화 촉진 및 지원에 관한 법률 // 국가법령정보센터. URL: <https://law.go.kr/lsInfoP.do?lsiSeq=234277&lsId=013480&chrClsCd=010202&urlMode=lsInfoP&viewCls=lsInfoP&efYd=20220128&vSet=16421&ancYnChk=0#0000>

²⁸ 서울 강남부터 강릉·순천·군산까지...자율주행차 시범운행지구 지정 // ChosunBiz. 23.06.2022. URL: https://biz.chosun.com/policy/policy_sub/2022/06/23/2CTHDK-F3CNGD 3E 2RJKLWPPEYTM/

²⁹ S. Korea builds 'K-City' for autonomous vehicle testing // Yonhap. 10.12.2018. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN 20181210008800320>

³⁰ Autonomous driving in Japan – part 1: road traffic law, <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f84441bd-758d-475c-a1b2-8f48ca68102a>

³¹ Autonomous vehicles: Cross jurisdictional regulatory perspectives, <https://www.blg.com/en/insights/2021/10/the-sensor-autonomous-vehicles-cross-jurisdictional-regulatory-perspectives>

ITS были представлены и частично доработаны 3 концепт-направления полной автоматизации транспорта к 2025 г.³² В рамках воплощения первого направления (концепта автоматизации вождения) в 2020 г. был принят закон, разрешающий эксплуатацию автомобилей с уровнем автономности вплоть до 3 включительно³³. Второе направление (концепт сервисов с беспилотным вождением) предусматривает создание тестовых сервисов с устойчивой бизнес-моделью. На данном этапе планируется поиск и устранение возможных проблем. Тесты предусмотрены до конца 2025 г. Третье направление (мобильность для всех граждан, Mobility as a Service (MaaS)) запланировано к воплощению в жизнь после отладки тестовых сервисов (Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта, 2022, с. 233–238).

Все рассмотренные страны планируют постепенно переходить от тестирования беспилотного транспорта в отдельных специально выделенных районах к разрешению автономного движения на всех дорогах общего пользования. Среди них особенно выделяется Сингапур, который не только создал общую рамку регулирования тестирования и использования беспилотного автотранспорта, но и регламентировал процессы перманентного обновления и обсуждения нормативной базы в целях поддержки ее актуальности. Интересным

³² https://cio.jp/sites/default/files/uploads/documents/its_roadmap_2019.pdf

³³ https://cio.jp/sites/default/files/uploads/documents/its_roadmap_20210615_point.pdf

Список литературы

Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Восточный вектор /под ред. А. В. Незнамова. М.: Альпина ПРО, 2022. 288 с.

Дремлюга Р. И., Крипакова А. В., Яковенко А. А. Регулирование тестирования и использования беспилотного автотранспорта: опыт США // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*, 2020, 3(82), 68–85.

Кривоги́на Д. Н., Литвиновский А. В. Определение критериев «умного города» в текущей нормативно-законодательной базе // *Современные технологии в строительстве. Теория и практика*. Т. 1., 2021, 142–146.

Albino V., Berardi U., Dangelico R. M. Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives. In: *Journal of Urban Technology*, 2015, 22(1), 3–21.

также выглядит решение Республики Корея о создании выделенных зон тестирования и применения автономного транспорта за пределами существующих городов.

Заключение

Проведенный анализ основ регулирования технологий умных городов в азиатских странах – лидерах цифровой экономики – показывает, что как на уровне стратегических документов, так и на уровне кодификации принципов регулирования есть значительное сходство. Доминирующей линией является создание концепций развития умных городов и законодательства по этому поводу на долгие годы вперед. Данные концепции и акцент в развитии нормативной базы зависят от экономических, географических и культурных особенностей страны. Некоторые страны сделали ставку на развитие отдельных агломераций, другие – на общую рамку для развития городов всей страны. России для контроля территорий и укрепления суверенитета необходимо развивать умные агломерации во всех регионах, в том числе в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Все рассмотренные страны планируют постепенно переходить от тестирования умного транспорта в отдельных специально выделенных районах к разрешению беспилотного движения на всех дорогах общего пользования. Наиболее перспективным для нашей страны выглядит подход Сингапура, который создал систему постоянного обновления и улучшения нормативной базы в сфере регулирования умного транспорта.

Dirks S., Keeling M. Vision of Smarter Cities: How Cities Can Lead the Way into a Prosperous and Sustainable Future, Somers, NY: IBM Global Business Services, 2009. <https://www.ibm.com/downloads/cas/2JYLM4ZA>

Giffinger R., Gudrun H. Smart Cities Ranking: An Effective Instrument for the Positioning of Cities? In: *City and Environment*, 2010, 4:12, 7–25.

He W., Li W., Deng P. Legal Governance in the Smart Cities of China: Functions, Problems, and Solutions. In: *Sustainability (Switzerland)*, 2022, 14(15), 9738.

Kim M., Moon J., Kim J. Analysis of Korean Road Traffic Regulations to Establish Legal Layer for Evaluating Safety of Autonomous Driving. In: *KSCE Journal of Civil Engineering*, 2022. URL: <https://doi.org/10.1007/s12205-022-1885-4>.

Kokuryo J. An Asian perspective on the governance of cyber civilization. In: *Electronic Markets*, 2022, 32(2), 475–485.

Nam T., Pardo T. A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions. In: *ACM International Conference Proceeding Series*, 2011, 282–291.

Ong I.B.L. Singapore water management policies and practices. In: *International Journal of Water Resources Development*, 2010, 26(1), 65–80.

Seng C.E. Singapore's smart nation program-Enablers and challenges. In: *2016 11th Systems of Systems Engineering Conference*, SoSE 2016, 7542892. Doi: 10.1109/SYSOSE.2016.7542892/.

Su Y., Miao Z., Wang C. The Experience and Enlightenment of Asian Smart City Development – A Comparative Study of China and Japan. In: *Sustainability*, 2022, 4(6), 3543.

Tan S. Y., Taihagh A. Adaptive governance of autonomous vehicles: Accelerating the adoption of disruptive technologies in Singapore. In: *Government Information Quarterly*, 2021, 38(2), 101546.

Wei F.; Ma Z.; Ye J.; Song S.; Cao Y. Enlightenment of Kashiwa-no-ha Smart City Landscape Innovation Design. In: *China Urban For*, 2017, 15, 33–37.

Yu F. I-Japan Strategy 2015. In: *China Information*, 2014, 13–23. Available at: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD_2014&filename=IGXN_201413006&uniplatform=NZ-KPT&v=WeJ7HbmTDw43jsN_19rDH9J167u8S_2x8zvPRnNEOD_8L1_hNCP6ysMB_81yjramQ1U

Zhejing C. Recent development of Smart City in Japan. In: *International Journal of Sustainable Society*, 2018, 10, 260–281.

References

Albino, V., Berardi, U., Dangelico, R. M. Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives. In: *Journal of Urban Technology*, 2015, 22(1), 3–21.

Global Atlas of Artificial Intelligence Regulation. Eastern vector. Ed. by A. V. Neznamov. Moscow: Alpina PRO, 2022. 288 c.

Dirks, S., Keeling, M. Vision of Smarter Cities: How Cities Can Lead the Way into a Prosperous and Sustainable Future, Somers, NY: IBM Global Business Services, 2009. <https://www.ibm.com/downloads/cas/2JYLM4ZA>

Dremlyuga, R.I., Kripakova, A.V., Yakovenko, A. A. Regulation of testing and use of unmanned vehicles: U.S. experience. In: *Journal of Foreign Law and Comparative Law*, 2022, 3(82), 68–85.

Giffinger, R., Gudrun, H. Smart Cities Ranking: An Effective Instrument for the Positioning of Cities?. In: *City and Environment*, 2010, 4:12, 7–25.

He, W., Li, W., Deng, P. Legal Governance in the Smart Cities of China: Functions, Problems, and Solutions. In: *Sustainability (Switzerland)*, 2022, 14(15), 9738.

Kim, M., Moon, J., Kim, J. Analysis of Korean Road Traffic Regulations to Establish Legal Layer for Evaluating Safety of Autonomous Driving. In: *KSCE Journal of Civil Engineering*, 2022, <https://doi.org/10.1007/s12205-022-1885-4>.

Kokuryo, J. An Asian perspective on the governance of cyber civilization. In: *Electronic Markets*, 2022, 32(2), 475–485.

Krivogina, D.N., Litvinovskiy, A. V. Definition of criteria for a “smart city” in the current regulatory and legislative framework. In: *Modern Technologies in Construction. Theory and Practice*, T. 1, 2021, 142–146.

Nam, T., Pardo, T. A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions. In: *ACM International Conference Proceeding Series*, 2011, 282–291.

Ong, I.B.L. Singapore water management policies and practices. In: *International Journal of Water Resources Development*, 2010, 26(1), 65–80.

Seng, C. E. Singapore’s smart nation program-Enablers and challenges, *2016 11th Systems of Systems Engineering Conference*, SoSE 2016, 7542892. Doi: 10.1109/SYSOSE.2016.7542892/.

Su, Y, Miao, Z, Wang, C. The Experience and Enlightenment of Asian Smart City Development – A Comparative Study of China and Japan. In: *Sustainability*, 2022, 4(6), 3543.

Tan, S.Y., Taeihagh, A. Adaptive governance of autonomous vehicles: Accelerating the adoption of disruptive technologies in Singapore. In: *Government Information Quarterly*, 2021, 38(2), 101546.

We, i F.; Ma, Z.; Ye, J.; Song, S.; Cao, Y. Enlightenment of Kashiwa-no-ha Smart City Landscape Innovation Design. In: *China Urban For*, 2017, 15, 33–37.

Yu, F. I-Japan Strategy 2015. In: *China Information*, 2014, 13–23. Available online: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFD_2014&filename=IGXN_201413006&uniplatform=NZKPT&v=WeJ7HbmTDw43jsN_19rDH9J167u8S_2x8zvPRnNEOD_8L1_hNCP6ysMB_81yjram-QIU

Zhejiang, C. Recent development of Smart City in Japan. In: *International Journal of Sustainable Society*, 2018, 10, 260–281.

EDN: AFOYAY
УДК 347.965.42

Classification of Conciliation

Diana R. Kamber*

*Kutafin Moscow State Law University
Moscow, Russian Federation*

Received 16.04.2023, received in revised form 28.04.2023, accepted 29.04.2023

Abstract. The article deals with some questions about mediation and other types of conciliation procedures in the arbitration process. The issues of mediation are analyzed, in particular, intervention for the purpose of reconciliation; in the sense of mediation invested by the legislator, mediation as a broader concept than mediation. It is proposed to classify all conciliation procedures into three general groups. It is noted that the following law-making legislative initiatives are subject to successful promotion of mediation in Russia in the future: release of the parties from litigation in connection with the appeal to mediation procedures; responsibility and possible material appeals in relation to mediators for the disclosure of information that has become part of the process of conducting mediation procedures.

Keywords: mediation, mediation in conciliation procedures, arbitration process, mediator.

Research area: law.

Citation: Kamber D.R. Classification of Conciliation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 833–840. EDN: AFOYAY

Классификация примирительных процедур

Д. Р. Камбер

*Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Рассмотрены некоторые вопросы медиации и других примирительных процедур в арбитражном процессе. Проанализированы виды посредничества, в частности, вмешательство с целью примирения, посредничество, вложенное законодателем, посредничество как более широкое понятие, чем медиация. Предложено

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: diana.kamber@mail.ru

примирительные процедуры классифицировать на три общие группы. Отмечено, что успешному продвижению в России медиации будут способствовать следующие правотворческие законодательные инициативы: освобождение сторон от судебного разбирательства в связи с обращением к процедурам медиации; ответственность и возможные материальные обращения в отношении медиаторов по разглашению информации, ставшей частью процесса проведения процедур медиации.

Ключевые слова: медиация, посредничество в примирительных процедурах, арбитражный процесс, медиатор.

Научная специальность: 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс.

Цитирование: Камбер Д. Р. Классификация примирительных процедур. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 833–840. EDN: AFOYAY

Российская правовая система в течение последних двух лет претерпела существенное реформирование посредством детализации, совершенной законодателем, а также внедрения альтернативных форм урегулирования конфликта, позаимствованных из практики зарубежных стран.

Наблюдается тенденция к увеличению практической значимости использования частных форм примирения как в рамках защиты права в суде, так и за ними, при одновременном закреплении принципов деятельности органов судебной власти.

Введение в арбитражное процессуальное право нового межотраслевого института, а именно примирительных процедур (глава 15 АПК РФ), привело к дальнейшему развитию всем известных принципов диспозитивности, состязательности и процессуального равноправия участников арбитражного процесса.

В процессе возбуждения производства по делу, подготовки к разбирательству субъекты, имеющие материальную заинтересованность в исходе дела, на протяжении всего арбитражного процесса также могут решить вопрос об использовании примирительной формы урегулирования спора.

Применительно к российской правовой действительности у сторон есть возможность прибегнуть к «судебным» примирительным процедурам – процессуально-правовым средствам, используемым участниками ар-

битражного процесса в целях мирного урегулирования спора непосредственно в суде. В силу того, что применяются они в рамках судопроизводства вполне возможно дать им специфичное название – *арбитражные примирительные процедуры*. Их отличительной особенностью является, во-первых, нормативное закрепление именно в отдельных статьях Арбитражного процессуального кодекса РФ, во-вторых, применение участниками спорного правоотношения под контролем или при участии арбитражного суда, за некоторым исключением, и, в-третьих, в определенных случаях влекут обязательные юридические последствия, включая процессуальные.

В американской системе для обозначения таких средств используется термин «альтернативные средства, присоединенные к суду» (court-annexed ADR) или «используемые по указанию суда» (court-mandated) (Носырева, 1998).

В отличие от досудебного урегулирования экономических споров, где исполнение достигнутых в течение примирения договоренностей основано исключительно на добровольных началах, в публичном арбитражном процессе суд как орган власти может придать примирительной процедуре, оформленной в предусмотренной законом форме, властный обязательный характер. Принятие и утверждение арбитражным судом полного или частичного урегулирования спора, исходящего от сторон, влечет

не только придание примирительной процедуре и ее результатам характера общеобязательности, но и определенные юридические последствия, как для участников конфликта, так и для арбитражного суда.

Например, утверждение арбитражным судом мирового соглашения для лиц, его заключивших, гарантирует его общеобязательность и при необходимости принудительное исполнение (ч. 2 ст. 142 АПК РФ). Для арбитражного суда наличие мирового соглашения, отвечающего всем требованиям закона, корреспондирует его обязанности прекратить производство по делу (ч. 2 ст. 150 АПК РФ), что исключает последующее обращение в арбитражный суд по делу, прекращенному в результате заключения мирового соглашения. Аналогичные последствия наступают при полном отказе от иска (п. 4 ч. 1 ст. 150 АПК РФ).

Соглашение о распределении судебных расходов (ч. 4 ст. 110 АПК РФ) также имеет определенные юридические последствия: арбитражный суд относит судебные расходы в соответствии с таким соглашением и, вынося судебное решение, придает такому соглашению императивный характер.

Как один из способов примирения следует считать предложение истца при отсутствии возражений со стороны ответчика либо же в случае обоюдного согласия сторон по инициативе арбитражного суда рассматривать дело в порядке упрощенного производства.

Упрощенное производство – это такая специфическая форма защиты прав и законных интересов истца, ссылающегося на беспорные документы против стороны, не выполняющей обязательства, либо размер притязания которого может быть признан незначительным (Комментарий..., 2003). Если предусмотренная законом возможность рассмотрения дела в порядке упрощенного производства вытекает из предмета конфликта, то само по себе выраженное согласие на рассмотрение *дела* в порядке упрощенного производства есть взаимная договоренность сторон о процессуальном порядке рассмотрения материально-правовых притязаний, свидетельствующая

о намерении сторон как можно быстрее урегулировать вопросы о порядке исполнения взятых на себя обязательств, что в полной мере отвечает сущности примирительного института.

Статья 138.2 АПК РФ перечисляет виды примирительных процедур: переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение и другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону. В статье 138.3 Переговоры не дается определение этой примирительной процедуре, ведь в этом нет особой необходимости. Наиболее актуальное определение дает Н. В. Янчар: «переговоры – вид примирительной процедуры, посредством которой стороны урегулируют возникшие разногласия непосредственно или при содействии своих доверенных лиц без привлечения независимой третьей стороны» (Янчар, 2014).

В международной терминологии посредничество однозначно именуется медиацией («Mediation» (англ.) – посредничество; вмешательство с целью примирения). В смысле посредничества, вложенном законодателем, это более широкое понятие, чем медиация. Медиация – это вид примирительной процедуры, при котором стороны приходят к решению, удовлетворяющему обе стороны, при помощи специального посредника – медиатора (Худойкина, 2012; Самсонов, 2016).

Спорящие субъекты доверяют медиатору (посреднику), выбранному сторонами, провести процедуру, цель которой состоит в мирном урегулировании конфликта. Данная процедура одновременно дает конфликтующим не только хорошие шансы на взаимовыгодное решение спорной ситуации, но и позволяет им при этом сохранить весомый объем полномочий при проведении переговоров.

Медиатор в процедуре медиации не осуществляет консультативных функций. Посредник вместо этого помогает сторонам разобраться в конфликте глубинно, сформировать общее понимание причины конфликта и работать в направлении урегулирования спора.

Существует несколько различных стилей (подходов) медиации: оценочный, стимулирующий и преобразующий. Оценочный стиль предполагает оценку сильных и слабых аргументов каждой из сторон при обращении в суд, тогда как стимулирующий и преобразующий подходы не предполагают этого (Шамликашвили, 2012).

Обращение к медиатору необходимо для обнаружения спорных моментов и разработки вариантов решения, которые бы устроили участников конфликта. Эти процедуры подразумевают довольно универсальные подходы, а решения, принимаемые во время этих процедур, должны основываться на согласии всех сторон. Это не согласуется с традиционным судебным разбирательством, в котором суд, как правило, принимает сторону того, кто будет более аргументирован.

Задачей медиатора при проведении процедуры медиации является помощь конфликтующим сторонам в выработке общего решения, приемлемого для обеих сторон, заключение которого будет взаимовыгодно как для одной, так и для другой стороны. Для этого стороны наделяют медиатора определенным объемом процедурных полномочий, в которые не входит право судить или примирять, давать оценки или принимать решение по спору (Шлиффен, 2015).

Отличительной чертой процедуры медиации, отличающей ее от судебного разбирательства или третейского, является то, что медиатор не дает этической и юридической оценки сложившемуся конфликту. Суд при рассмотрении спора оценивает, кто прав с правовой точки зрения, и стремится установить истину, исследуя предоставленные доказательства. В медиации же не так важно, кто виновен в возникновении конфликта, важно найти способ урегулировать конфликт, не определяя правоту той или иной стороны. Результат в такой процедуре во многом зависит от сторон конфликта. Они свободны в выборе действий и не обязаны ссылаться на нормы права в обосновании своих позиций, что позволяет им принимать неожиданные решения. Деятельность медиатора при этом направлена

лишь на создание таких условий, при которых стороны самостоятельно могут прийти к верному и оптимальному для них решению проблемы. Получается так, что при проведении данной процедуры медиатор только смягчает конфликт и способствует их примирению, в то время как весь спектр полномочий по решению спора остается у сторон.

Следует иметь в виду, что медиация может проводиться:

- во внесудебном порядке – по собственной инициативе сторон без намерения обратиться в суд;

- в досудебном порядке – посредством внесения сторонами в договор или в иное юридически значимое соглашение медиативной оговорки об обязанностях сторон урегулировать разногласия путем применения процедуры медиации;

- в рамках судебного процесса – как формализованная процедура, происходящая по предложению суда и позволяющая сторонам прервать процесс на любой стадии судебного разбирательства для обращения к медиатору с целью мирного урегулирования спора.

Во время выбора судебной или внесудебной процедуры стороны определяют и иные факторы, которые особенно актуальны для субъектов предпринимательской деятельности: оценка возможности банкротства контрагента; реальная возможность получения долга в случае взыскания в судебном порядке (эффективность юридических процедур возврата долга).

Стоит помнить, что для процедуры медиации есть и некоторые ограничения. Медиация не может применяться в случае недееспособности одной из сторон, неспособности ее отвечать за свои поступки, страдание душевной болезнью, а также в случае криминальных конфликтов. Медиация эффективна только тогда, когда обе стороны хотят урегулировать конфликт (Романенко, 2006).

Так или иначе, именно решение об урегулировании или прекращении спора в медиации принимается непосредственно сторонами, ведь медиатор не наделен пол-

номочиями выносить решение, обязательное для исполнения сторонами спора. Главной задачей медиатора является помощь сторонам в лучшем понимании друг друга, сближении позиций, достижении согласия по условиям спора, а в некоторых случаях помощь в нахождении вариантов условий, на которых, возможно, будет разрешен конфликт.

Эффективность применения процедуры медиации во многом зависит от строгого соблюдения принципов: добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора (ст. 3 ФЗ «О процедуре медиации»).

Судебное примирение – это вид примирительной процедуры, имеющей ту же цель, что и процедура медиации, но при помощи специального посредника – судебного примирителя. Иные примирительные процедуры в АПК РФ не закреплены. По юридической технике указание законодателя на другие примирительные процедуры говорит либо об ошибке, либо о будущем закреплении новой примирительной процедуры, не противоречащей федеральному закону. 31 октября 2019 года Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации утвержден регламент проведения судебного примирения, который определяет порядок проведения судебного примирения. Судебное примирение является одной из разновидностей примирительных процедур. Повышенный интерес вызывает новый институт судебных примирителей – судей в отставке, в особенности недавно утверждённый Пленумом Верховного Суда Российской Федерации список судебных примирителей, изучаемый с позиций количественного состава и критериев отбора кандидатов (Постановление..., 2020; Постановление..., 2023; Постановление..., 2019).

Проблемным аспектом видится незначительное количество судебных примирителей на целые регионы, что предвещает возможную неблагоприятную перспективу развития процедуры судебного примирения. В связи с этим представляется целесообразным расширять имеющийся список

по мере необходимости. Пристального внимания заслуживает и сама процедура судебного примирения, строящаяся на принципах добровольности, сотрудничества, равноправия сторон, независимости и беспристрастности судебного примирителя, конфиденциальности и добросовестности. Особое внимание уделяется активной роли судьи, в производстве которого находится дело.

Наибольший практический интерес представляет классификация примирительных процедур по видам судопроизводства. Кодекс 2002 года впервые предусмотрел дифференциацию судопроизводства по различным критериям.

Основу классифицирования примирительных процедур составляет разграничение производств по характеру предмета спора, так как именно он определяет возможную сферу их применения в «спорах о праве», «спорах о правоотношении», «спорах о факте», тогда как независимо от субъектного состава участников спора, к примеру, иностранное предпринимательское лицо или российские предприниматели, все они могут воспользоваться такой формой урегулирования своего спора, как примирение.

В полной мере сущности примирительных процедур соответствуют экономические споры и иные дела, возникающие из гражданских правоотношений (ст. 28 АПК РФ). Именно в таких спорных правоотношениях юридически равноправных субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, часто применяются примирительные процедуры, включая все возможные их виды по составу. Объединяя в себе несколько типов судопроизводств по характеру и предмету рассмотрения, можно выделить такую группу, как *примирительные процедуры в исковом и упрощенном производстве, производстве по делам с участием иностранных лиц*.

Что касается примирительных процедур по иным категориям дел, то здесь зона распространения их видов незначительна. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 150–167) и ст. 225 АПК

РФ говорят о такой примирительной процедуре, как мировое соглашение, из чего следует, что примирение возможно при рассмотрении арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве) в порядке главы 28 АПК РФ. В свое время о возможности заключения мирового соглашения упоминал также и ФЗ РФ «О реструктуризации кредитных организаций» (ст. 23) (Постановление..., 2023; О реструктуризации..., 1999).

С учетом особенностей предмета правового регулирования законодатель предусмотрел специализированный, отличный от общего порядок заключения и утверждения мирового соглашения по делам о несостоятельности (банкротстве) и при реструктуризации кредитных организаций (Постановление..., 2023).

Систематизируя сказанное, по видам арбитражного судопроизводства примирительные процедуры группируются на используемые:

- в *исковом производстве* и по иным категориям дел, где арбитражным судом рассматриваются «споры о праве гражданском», включающие в себя все виды примирения;
- в *административном производстве, за исключением посредничества;*
- в *делах о несостоятельности (банкротстве) – мировое соглашение.*

Представленная классификация судебных примирительных процедур не является единственной. Как уже отмечалось, практически все примирительные процедуры, совершаемые в рамках арбитражного процесса, влекут за собой определенные юридические последствия для лиц-участников конфликта (исполнить мировое соглашение в установленном порядке и сроки и т.п.) или обязанность для арбитражного суда совершить предусмотренные законом процессуальные действия (прекратить производство по делу и т.п.). Разве что посредничество и согласительная процедура могут завершиться без вынесения каких-либо процессуальных документов, требующих легитимации со стороны суда и без каких-либо положительных результатов, что влечет

за собой дальнейшее рассмотрение дела по существу. С точки зрения критерия обязательности последствий примирительных процедур последние могут быть:

- примирительные процедуры *без обязательных юридических последствий* – посредничество, согласительная процедура;
- примирительные процедуры, *влекущие определенные обязательные юридические последствия* для участников конфликта и арбитражного суда – иные арбитражные процедуры.

Как следует из вышесказанного, отдельные виды примирительных процедур в силу своей универсальной исключительности определяют их способность урегулировать спор на протяжении всей его динамики, как на досудебном этапе, так и в сфере арбитражного судопроизводства.

В силу этого мы предлагаем исключительно в теоретических целях все примирительные процедуры классифицировать на три общие группы:

- *досудебные* (внесудебные);
- *судебные* (арбитражные);
- *универсальные* примирительные процедуры, к которым следует относить мировое соглашение, посредничество и переговоры.

Кроме того, представляется интересным предложить классификацию двусторонних примирительных процедур в зависимости от того, принимает ли в них участие третье лицо, не являющееся субъектом спорного правоотношения:

- на примирительные процедуры, в которых принимают участие только непосредственные участники спора;
- примирительные процедуры с участием третьего независимого лица – посредника;
- с участием арбитражного суда (согласительная процедура).

При этом следует отметить, что для материализации двух последних видов примирительных процедур необходимо привлечение третьих лиц-специалистов, не являющихся участниками спорного правоотношения. Это, соответственно, посредник или медиатор (лицо, которое само

не разрешает спор, не выносит никаких решений, обязательных для сторон, а оказывает помощь в достижении понимания и компромисса) либо арбитражный судья (лицо, наделенное в силу предоставленных сторонами полномочий правом разрешать спор по существу и выносить решение, обязательное для участников спора).

Список литературы / References

Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации, под ред. Г. А. Жилина (автор комментария главы 29 – к.ю.н. Фокина М. А.). М., 2003. С. 582 [*Commentary on the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation*, ed. by G. A. Zhilin (author of the commentary of Chapter 29 – Ph.D. in Law, M. A. Fokina. Moscow, 2003)]

Носырева Е. И. Альтернативные средства урегулирования споров в США, *Хозяйство и право*. 1998. № 1. С. 92 [Nosyreva E. I. Alternative means of dispute settlement in the USA. In: *Economy and law*, 1998, 1)]

Об утверждении Регламента проведения судебного примирения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] [On the approval of the Rules of Judicial Reconciliation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 2019]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Об утверждении списка судебных примирителей. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2020 г. № 1. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] [On approval of the list of judicial conciliators. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated January 28, 2020 // Official Internet portal of legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

О реструктуризации кредитных организаций. Ф3 от 08 июля 1999 г. в ред. от 08 декабря 2003 г. СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3477; СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4855. Данный Закон утратил силу в связи с принятием Ф3 РФ от 28 июля 2004 г. СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3233 [*On the restructuring of credit institutions*. F3 of July 08, 1999, as amended. dated December 08, 2003. С 3 RF. 1999. No. 28. St. 3477; SZ RF. 2003. No. 50. St. 4855. This Law became invalid due to the adoption of the Federal Law of the Russian Federation of July 28, 2004. SZ RF. 2004. No. 31. St. 3233].

Постановления Пленума ВАС РФ от 08 апреля 2003 года № 4 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», *Вестник ВАС РФ*. 2003. № 6. С. 5–11 [Resolutions of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 4 dated April 08, 2003 “On some issues related to the Entry into Force of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”. In: *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2003, 6, 5–11].

Романенко М. А. *Медиация как форма альтернативного разрешения правовых конфликтов. Тенденции и противоречия развития российского права на современном этапе*. М., Юмаком, 2006. С. 150 [Romanenko M. A. *Mediation as a form of alternative resolution of legal conflicts. Trends and contradictions in the development of Russian law at the present stage*. Moscow, 2006].

Самсонов Н. В., Самсонов В. Н. Проблема исполнимости медиативных соглашений. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 2. С. 57 [Samsonov N. V., Samsonov V. N. The problem of the enforceability of mediation agreements. In: *Arbitration and civil procedure*, 2016, 2].

Худойкина Т. В. Применение посредничества как примирительной процедуры при разрешении правовых споров и конфликтов в России, *Социально-политические науки*. 2012. № 4. С. 69 [Khudoykina T. V. The use of mediation as a conciliation procedure in resolving legal disputes and conflicts in Russia. In: *Socio-political sciences*, 2012, 4].

Шамликашвили Ц. А. *Медиация как метод внесудебного разрешения споров*. М., Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2012. С. 86 [Shamlikashvili Ts. A. *Mediation as a method of out-of-court dispute resolution*. Moscow, 2012].

Шлиффен (фон) Г.К. *Медиация в нотариальной практике. Альтернативные способы разрешения конфликтов*. М., 2015. С. 8 [Schlieffen (von) G. K. *Mediation in notary practice. Alternative ways to resolve conflicts*. Moscow, 2015]

Янчар Н.В. Примирительные процедуры как одно из направлений совершенствования арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации, *Царскоесельские чтения*. 2014. Вып. 3. № 18, С. 63 [Yanchar N. V. Conciliation procedures as one of the directions of improving the arbitration procedural legislation of the Russian Federation, *Tsarskoye Selo Readings*, 2014, 3].

EDN: CISR NK
УДК 070

Specifics of Young People Media Communication With the State in Social Networks

Anna N. Gureeva and Polina A. Kireeva*

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Received 16.04.2023, received in revised form 02.05.2023, accepted 05.05.2023

Abstract. The growing influence of Internet technologies and deep mediatization of social practices contribute to the transformation of the traditional model of communication between the state and citizens. The purpose of this article was to identify the peculiarities of digital interaction between young citizens and government on the example of comments, posted under the publications of public authorities in VKontakte, the largest Russian social network. The study is based on the results of intent-analysis of comments (N=767) from users under the posts of The Federal Agency for Youth Affairs, The Ministry of Sports and The Ministry of Culture. The results show the youth audience' interest in communication with the state authorities. In online discussions, users usually try to present their own worldview, share their reasoning and draw attention to it. A significant percentage of intensions indicates the commenters' desire to critically perceive the information published by the officials and evaluate it independently, whether this is approval or criticism. Less often, they show the intention to exert real influence on the activity of public authorities. Moreover, users' communication in the accounts of public authorities are almost free from destructive intentions. The study seems particularly relevant in the context of Russian youth policy priorities, which include formation of an information field favorable to youth development as well as the intensification of feedback mechanisms between governing bodies, public organizations and young citizens.

Keywords: media communication, state, youth, social networks, youth policy, feedback.

The research was supported by the Russian Science Foundation within the scientific project N 23–28–01865.

Research area: media communications and journalism.

Citation: Gureeva A. N. and Kireeva P. A. Specifics of Young People Media Communication With the State in Social Networks. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 841–857. EDN: CISR NK

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: gureevaan@gmail.com, polinakireeva_msu@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8991-0486 (Гуреева); 0000-0002-3720-0087 (Киреева)

Особенности медиакоммуникации молодежи с государством в социальных сетях

А. Н. Гуреева, П. А. Киреева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В условиях глубокой медиатизации традиционная модель коммуникации государства и граждан активно трансформируется под влиянием интернет-технологий. Целью данной статьи стало выявление особенностей взаимодействия молодежи с государственными ведомствами в социальных сетях на примере анализа коммуникативных интенций. В выборку попали 767 комментариев от пользователей под постами в официальных аккаунтах Росмолодёжи, Министерства спорта и Министерства культуры во ВКонтакте – крупнейшей российской социальной сети¹. Анализ полученных результатов свидетельствует о заинтересованности молодежной аудитории в выстраивании коммуникации с органами государственной власти. В ходе онлайн-дискуссий пользователи, как правило, пытаются презентовать собственную картину мира, поделиться своими рассуждениями и привлечь к ним внимание. Значительная доля интенций указывает на стремление комментирующих критически воспринимать публикуемую ведомствами информацию и давать ей самостоятельную оценку, будь это одобрение и похвала или критика и разоблачение. Реже проявляется стремление оказать реальное влияние на деятельность государственных структур, добиться от них конкретных результатов. Деструктивные интенции практически не встречаются под публикациями ведомств. Результаты исследования могут быть востребованы при выстраивании коммуникационных стратегий органов власти в социальных медиа, поскольку среди приоритетов государственной молодежной политики указываются формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, а также интенсификация механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодыми гражданами.

Ключевые слова: медиакоммуникация, государство, молодежь, социальные сети, молодежная политика, обратная связь.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N 23–28–01865.

Научная специальность: 5.9.9 – медиакоммуникации и журналистика.

Цитирование: Гуреева А. Н., Киреева П. А. Особенности медиакоммуникации молодежи с государством в социальных сетях. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 841–857. EDN: CISRNK

¹ По данным Mediascope за март 2023 года, социальная сеть ВКонтакте оказалась пятой среди всех интернет-ресурсов по месячному охвату российской аудитории, уступив только поисковым системам Яндекс и Google, видеохостингу YouTube и мессенджеру WhatsApp (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ). Режим доступа: <https://mediascope.net/data/>

Введение

В условиях глубокой медиатизации цифровые медиа играют все более важную роль в решении различных социально-политических вопросов. Зарубежные и отечественные ученые считают, что в информационном обществе политическая коммуникация глубоко погружена в медийную среду, обладающую своей особой логикой функционирования (Вартанова, 2020; Лабуш, Пуя, 2019; Шестопал, 2010; Altheide, Snow, 2000; Нерр, Krotz, 2014; Lundby, 2014).

Значение пространства новых медиа в качестве инфраструктуры социально-политических коммуникаций осознается всеми вовлеченными в нее акторами, в том числе государством. В июле 2022 года Президент России подписал Федеральный закон № 270-ФЗ, в соответствии с которым госорганы должны регулярно размещать информацию о своей работе на официальных страницах в социальных сетях. Закон вступил в силу 2 декабря 2022 года и с этого момента обязывает ведомства освещать реализуемые мероприятия и публиковать комментарии по актуальным вопросам в своих аккаунтах. Список ресурсов, на которых необходимо присутствовать ведомствам, был утвержден Распоряжением Правительства РФ № 2523-р в сентябре 2022 года: ими стали ВКонтакте и Одноклассники. Особое внимание на государственном уровне уделяется поиску эффективных механизмов взаимодействия с молодежью². Так, в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных Правительством РФ еще в 2014 году, среди приоритетов государственной молодежной политики названы формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи, а также интенсификация механизмов обратной связи между государственными структурами, общественными объединениями и молодежью.

² Федеральный закон N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» определяет молодежь как социально-демографическую группу лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно.

По данным доклада Счетной палаты³, в 2022 году всего 60 федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) были представлены в той или иной социальной сети, у 10 органов государственной власти официальных аккаунтов не было. Результаты мониторинга показали, что у ФОИВ выросла культура работы с социальными сетями: все больше органов власти публикуют контент, отвечающий актуальным форматам коммуникации в новых медиа. Если в 2021 году только 39 ведомств получили положительные оценки по этому критерию, то в 2022 году их количество возросло до 44. При этом традиционно низкими по уровню оценки оказались критерии, связанные с выстраиванием прямого диалога ФОИВ с гражданами в социальных сетях.

Еще одним показателем актуальности изучаемой темы является внедрение рейтинга работы правительственных ведомств в интернете⁴, в рамках которого оцениваются такие показатели, как представленность ведомств в социальных сетях, активность аудиторий, качество контента, планирование контентной политики и специальные проекты, а также работа с комментариями граждан.

В этой связи актуализируется необходимость повышения эффективности механизмов социально-политической коммуникации, в том числе за счет определения характера и особенностей обратной реакции аудитории на реализацию государственной информационной политики.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическая основа медиакommunikаций государственных структур со своими референтными группами (целевыми аудиториями) имеет междисциплинарный характер: социологи, политологи, филологи, специалисты в сфере связей с общественностью тщательно изучают процесс

³ Доклад Счетной палаты «Открытость государства в России-2022». Режим доступа <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2022.pdf>

⁴ Рейтинг АНО «Диалог» ведется с 2020 г. Режим доступа <https://anodialog.ru/2022/12/28/issledovanie-urovnya-onlajn-kommunikacii-organov-gosudarstvennoj-vlasti-po-rabote-v-internete/>

взаимодействия государства и общества посредством медиа.

Если рассматривать коммуникацию с политической точки зрения, то она представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение (Грачев, 1999). Коммуникационные процессы в политической системе привлекают внимание разных научных школ: Г. Лассуэлл и П. Лазерфельд рассматривали их с точки зрения бихевиоризма, Н. Винер и К. Дойч использовали кибернетический подход для обозначения роли коммуникаций в политике. Исследования Г. Алмонда и Дж. Колумана развивали понимание политической коммуникации в рамках структурно-функциональной модели политической системы. Ярким представителем коммуникативистского подхода является Ю. Хабермас с его концепциями делиберативной демократии, основанной на аргументированном обсуждении различных политических вопросов, и публичной сферы – особой коммуникативной среды, где свободно артикулируются проблемы общества и происходит совместный поиск путей их решения.

В последние десятилетия отечественные и зарубежные исследователи активно рассматривают особенности влияния новых медиа на трансформацию социально-политической коммуникации, изучая как властные органы (Крыштановская, Филиппова, 2018; Сурма, 2015; Чижов, 2016; Crozier, 2007; Howard, 2005) и гражданские активисты (Вырковский, Колесниченко, 2020; Ефанова, Мельниченко, 2018; Bennett, Freedom, Hussain, Wells, 2013; Sandoval-Almazan, Gil-Garcia, 2014) используют соцсети для достижения своих целей. В научном дискурсе уже успели сформироваться два противоположных подхода, описывающих потенциал влияния новых медиа на социально-политический процесс. Ряд исследователей делают вывод о демократизирующем потенциале новых медиа и их способности основательно переформатировать отношения между гражданами и правительством.

Коммуникации в интернет-среде делают доступной артикуляцию гражданской позиции для большой аудитории, способствуя значительному увеличению количества акторов в политическом процессе (Castells, 2012, Bennett, Segerberg, 2012; Cammaerts, 2012; Bakker, de Vreese, 2011 и др.). Вторая группа, напротив, склонна отмечать ограниченность возможностей и эффективности политической коммуникации в среде новых медиа, а также иллюзорность их демократизирующего потенциала: исследователи аргументированно утверждают, что социально-политическая коммуникация, опосредованная новыми коммуникационными площадками, не всегда способна достичь поставленных целей и нередко возвращает её участников к статусу-кво с характерным разрывом между традиционной политической элитой и остальными гражданами (Norris 2003; Morozov, 2012, Лебедева и др., 2016).

В отличие от эффектов (и эффективности) коммуникаций государства и граждан в социальных сетях сама трансформация традиционной модели взаимодействия государства и граждан – однонаправленной и иерархичной ранее – под влиянием интернет-технологий уже не является дискуссионным вопросом для научного сообщества (Володенков, 2017, Войнов, 2007; Castells, 2007; Jenkins, Ito, Boyd, 2016). Генерация и обмен контентом, вовлечение в интернет-дискурс и обсуждение вопросов политической жизни в интерактивном режиме в социальных сетях и на других цифровых площадках уже стали привычными паттернами современной политической коммуникации.

Особенно активно такие возможности использует молодежь, поскольку она наиболее восприимчива к инновациям в сфере цифровых технологий (Гуреева, 2020; Дунас, 2022). При этом в академическом дискурсе все еще преобладает рассмотрение молодежи преимущественно как объекта политического воздействия, и гораздо меньше внимания уделяется молодежи как самостоятельному политическому субъекту (Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Луку-

шин В. А., 2021; Попова О. В., Казарина Д., 2021), в том числе мотивам и характеру ее участия в медиатизированной политической коммуникации с государством.

Обратная связь, или двусторонний информационный обмен, играет исключительно важную роль в процессах управления (Грачев, 1999). Иногда именно в онлайн-дискуссиях обнаруживаются глубоко аргументированные позиции, убедительные примеры и рекомендации, но потенциал таких обсуждений остается реализованным не в полной мере: не всегда представители власти учитывают ценные компоненты качественной делиберации в комментариях при принятии решений (Волконский, Филатова, 2020: 108).

За каждым актом коммуникации, в том числе политической, стоит определенная цель, которая и придает ему смысл (Арутюнова 1986: 14). Цель сообщения, сформированную на основе определенных потребностей и мотивов, также называют интенцией. Она отражает направленность сознания адресанта на достижение замысла, ради которой он вступает в коммуникацию (Клушина, 2012). Актуальность изучения интенций аудитории в коммуникации с государственными ведомствами связана с тем, что они могут быть рассмотрены как особые индикаторы психологического состояния общества, которое Е. Б. Шестопал определяет как совокупность массовых и коллективных настроений, представлений, образов, ценностей и установок, влияющих на функционирование публичной политики (Шестопал, 2022).

Методика исследования

В исследовании, результаты которого представлены в этой статье, авторы сформулировали три исследовательских вопроса, чтобы выявить особенности коммуникативных целей молодежи во взаимодействии с государством в пространстве социальных сетей: какие интенции доминируют в коммуникациях молодежи с органами государственной власти на площадках социальных медиа; какую долю составляют деструктивные намерения интернет-пользователей

в коммуникациях с государством; отличаются ли интенции аудитории социальных сетей в коммуникациях с разными ведомствами.

Для достижения поставленных задач исследования были проанализированы онлайн-дискуссии под постами официальных аккаунтов Росмолодежи, Министерства спорта РФ и Министерства культуры РФ во ВКонтакте – крупнейшей российской социальной сети. Эти ведомства были выбраны для анализа, поскольку они удовлетворяют нескольким критериями. Во-первых, они являются ответственными за реализацию определенных направлений государственной молодежной политики, во-вторых, в выбранный для анализа период на страницах их официальных сообществ в ВК у пользователей была возможность оставлять комментарии.

Каждый месяц ВКонтакте посещает 84 % российской интернет-аудитории⁵. По актуальным данным Brand Analytics, возрастная группа 18–34 лет составляет 43 % активной аудитории в ВК⁶. Так как статистика отдельных сообществ во ВКонтакте является закрытой для тех, кто не является их владельцем или администратором, мы решили обратиться к данным об аудитории сайтов выбранных ведомств, что могло бы косвенно указать на преобладающие возрастные группы пользователей, подписанных на анализируемые сообщества в социальной сети. Согласно данным SimilarWeb, представленным на рис. 1, возрастная группа 18–34 лет в совокупности доминирует в структуре трафика сайтов всех трех ведомств: она составляет 55 % посетителей официального интернет-ресурса Росмолодежи⁷, 48 % трафика официального

⁵ ВКонтакте подвела итоги первого квартала 2022 года: количество российских пользователей в месяц – 73,4 млн ежедневных просмотров VK Видео – 2,45 млрд / пресс-служба ВК. Режим доступа: <https://vk.com/press/q1-2022-results>

⁶ Активные авторы во ВКонтакте за март 2023 года / Brand Analytics. Режим доступа <https://br-analytics.ru/statistics/author>

⁷ Половозрастной состав аудитории сайта Росмолодежи / SimilarWeb. Режим доступа: <https://www.similarweb.com/website/fadm.gov.ru/#demographics>

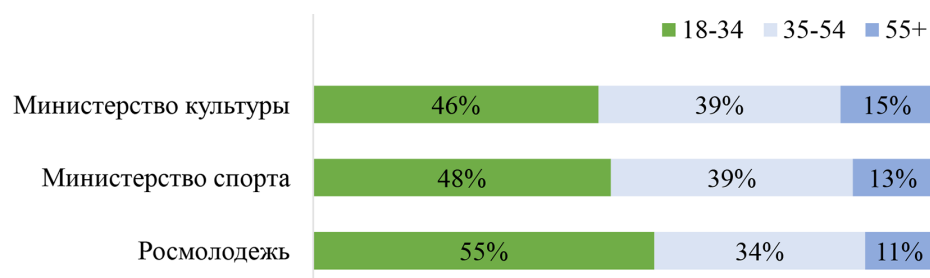

Рис. 1. Доли аудиторий разных возрастов, посещающих официальные сайты Росмолодёжи, Министерства спорта, Министерства культуры
 Источник данных: SimilarWeb. Составлено авторами

Fig. 1. The share of audiences of different ages visiting the official websites of Rosmolodezh, the Ministry of Sports, the Ministry of Culture
 Data source: SimilarWeb. Compiled by the authors

сайта Министерство спорта⁸, и 46 % – Министерства культуры⁹.

Чтобы выявить интенции пользователей, выраженные в комментариях под постами ФОИВ, был проведен интент-анализ по методологической программе исследования онлайн-дискуссий, предложенной Н.К. Радиной (2016). Согласно этой классификации к информативно-воспроизводящему блоку относятся интенции, «воспроизводящие» и сопровождающие коммуникацию: удивление, вопрос; выражение несогласия/сомнение; выражение согласия, поддержки; неприятие, отказ от коммуникации; проявление симпатии.

В эмотивно-консолидирующий блок вошли следующие интенции: самопрезентация; привлечение внимания (рассуждения, риторические вопросы); успокоение аудитории; прогнозы, претензии на истину; оправдание (самооправдание, т.е. без предварительных обвинений). Они демонстрируют стремление аудитории предложить собственную картину мира для кооперативного взаимодействия.

В манипулятивный блок были включены интенции оскорбления; устрашение,

угрозы; дискредитация (подрыв авторитета); демонстрация силы (без явной угрозы) и морализаторство (поучения). Такие интенции указывают на стремление к социальному доминированию и установлению иерархических отношений.

Волюнтивно-директивный блок объединил такие интенции, как побуждение к позитивному действию и рекомендации; подстрекательство к негативному действию; обвинения; предупреждение о последствиях; отвод обвинений. Они ориентированы на достижение реальных результатов от коммуникации и призывает к конкретным действиям властей.

К контрольно-реактивному блоку были отнесены одобрение, похвала; сарказм, злорадование, критика; ирония; разоблачение. Это оценочные и экспрессивно-оценочные реакции аудитории.

На основе предложенной классификации мы отнесли к деструктивным намерениям такие интенции, как оскорбление, устрашение, угроза (манипулятивный блок), подстрекательство к негативному (волюнтивно-директивный блок) и отказ от коммуникации (информативно-воспроизводящий блок), поскольку они наиболее явно препятствуют продолжению плодотворной коммуникации.

Для анализа был выбран один календарный месяц (март 2022 года), всего в выборку исследования попали 767 ком-

⁸ Половозрастной состав аудитории сайта Министерства спорта / SimilarWeb. Режим доступа: <https://www.similarweb.com/website/minsport.gov.ru/#demographics>

⁹ Половозрастной состав аудитории сайта Министерства культуры / SimilarWeb. Режим доступа: <https://www.similarweb.com/website/culture.gov.ru/#demographics>

ментариев от пользователей под постами в официальных аккаунтах Росмолодежи (425), Министерства спорта (267) и Министерства культуры (75) в социальной сети ВК.

Результаты

В ходе исследования было выявлено, что доминирующей интенцией в комментариях под постами трех государственных ведомств было поддержание коммуникации, будь то уточнение информации, выражения согласия или несогласия, неприятие или симпатия к содержанию опубликованных постов. К информативно-воспроизводящему блоку можно отнести 55 % интенций пользователей под постами аккаунта Министерства культуры, 45 % – под публикациями Росмолодежи и 39 % – под постами Министерства спорта.

Интенции контрольно-реактивного блока, выражающие ту или иную оценочную и экспрессивно-оценочную реакцию, стали вторыми по объему в комментариях аккаунтов Росмолодежи (24 %) и Министерства культуры (19 %). При этом под публикациями Министерства спорта вторыми по распространенности были намерения волонтерно-директивного блока, описывающего стремление пользователей оказать реальное воздействие на коммуникацию, например, за счет побуждения к действиям, обвинений, предупреждения о последствиях. Примечательно, что доля интенций этого блока под постами Министерства культуры и Росмолодежи составляет лишь 7 % и 5 % соответственно.

Эмотивно-консолидирующие интенции содержались в 23 % текстах онлайн-обсуждений под публикациями Росмолодежи, 17 % – Министерства культуры, 14 % – Министерства спорта. Ключевая цель таких намерений – представление собственной картины мира и привлечение внимания к ней.

Наименее характерными для дискуссий под постами выбранных государственных ведомств были манипулятивные намерения, направленные на демонстрацию социального доминирования и установле-

ние иерархий. Такие интенции встречались в 4 % комментариев в аккаунте Министерства спорта, 3 % – Росмолодежи, 2 % – Министерства культуры.

Самой распространённой интенцией информативно-воспроизводящего блока в комментариях под постами Росмолодежи (190 единиц) стали удивление и вопрос – такие конструкции встречались в более половины комментариев (54 %). Например, «*Ого с мая по апрель, можно ли в проект прописать в команду 16–17 летних самозанятых?? Когда у нас получится реализовать проект, мы масштабируем и создадим рабочие места ещё новым самозанятым!*» (15.03.2022)¹⁰. Более чем в четверти комментариев пользователи выражали согласие с изложенной в посте информацией, демонстрировали поддержку (26 %). «*Поддерживаю!*»¹¹ (31.02.2022). Противоположные реакции – несогласие, сомнение – были проявлены в 9 % комментариев. «*Нет. И причина этому экономическая целесообразность. Роман несомненно молодец и его гидропонные фермы наверняка будут очень востребованы на Марсе или на Луне. Но на Земле себестоимость производства продукции в открытом грунте вне конкуренции!*» (22.02.2022). В 11 % сообщений можно было увидеть выражение симпатии. Например, «*Вижу Женю – ставлю лайк!*»¹² (17.03.2022).

В соответствующих комментариях под постами Министерства спорта (103 единицы) доминировала интенция согласия и поддержки – 77 %. «*Наша Спортивная Гордость, здоровья Вам, гордимся и любим Вас!*» (08.03.2022). Вопросы ведомству были адресованы в 15 % проанализированных

¹⁰ Здесь и далее в скобках указывается дата публикации поста, под которым был оставлен комментарий. Некоторые примеры, чей контекст может быть не ясен, сопровождаются пояснениями. Пунктуация и орфография авторов комментариев сохранены.

¹¹ К посту о предложении Ксении Разуваевой, руководителя Росмолодежи, о поднятии возрастной планки по грантам для молодых предпринимателей до 35 лет. Режим доступа: https://vk.com/wall-49388164_57088

¹² К посту из рубрики #ГрантовыеЛайфхаки, где эксперт Евгений Найденов делится рекомендациями по составлению грантовых заявок. Режим доступа: https://vk.com/wall-49388164_56678

Таблица 1. Интенции в комментариях под постами Росмолодежи, Министерства спорта и Министерства культуры в VK

Table 1. Intentions in the comments under the posts of Rosmolodezh, the Ministry of Sports and the Ministry of Culture in VK

	Информативно-воспроизводящий блок	Эмотивно-консолидирующий блок	Манипулятивный блок	Волеуправляющий блок	Контрольно-реактивный блок
Росмолодежь	45 %	23 %	3 %	5 %	24 %
<i>Всего комментариев: 425</i>	190	97	14	22	102
Министерство спорта	39 %	14 %	4 %	34 %	9 %
<i>Всего комментариев: 267</i>	103	37	10	92	25
Министерство культуры	55 %	17 %	2 %	7 %	19 %
<i>Всего комментариев: 75</i>	41	13	2	5	14

сообщений. «Почему не пригласили тех, кто был в резерве сборной???» (15.03.2022). Несогласие или сомнение встречались в 6 % комментариев. «Николай, для детского спорта существует государственное финансирование. Это целая сеть специализированных детских спортивных школ. Для ветеранов спорта нет ничего. Ветеранами спорта в лёгкой атлетике становятся в 35 лет. В фигурном катании, спортивной и художественной гимнастике уходят из спорта гораздо раньше <...>»¹³ (29.03.2022). Случаи демонстрации неприятия и отказа от коммуникации были единичными («Требуем допустить Ивана Куляка до соревнований! Вы там что, либерасты что ли? Нам такая федерация не нужна!», 17.03.2022), как и проявление явной симпатии («Иван настоящий герой!», 17.03.2022).

В информативно-воспроизводящих сообщениях пользователей, адресованных Министерству культуры (41 единица), как и в комментариях под постами Министерства спорта, превалировала демонстрация согласия и поддержки (59 %): «Успеха!» (19.03.2022), «Это замечательно! Это мы

любим.)» (21.03.2022). Доли комментариев, содержащих вопрос или выражающих симпатию, были приблизительно равными: 22 % и 19 % соответственно. («Здравствуйте, подскажите как поучаствовать? Где посмотреть положение?» 24.03.2022; «Всегда с удовольствием смотрю как она одета, с каким вкусом. Вот сразу видно – Министр культуры, всё культурно. С праздником!»; 08.03.2022).

Эмотивно-консолидирующий блок в комментариях представлен следующими интенциями: самопрезентация, привлечение внимания, успокоение аудитории, прогнозы, претензии на истину, оправдание и самооправдание. К этому блоку мы отнесли 97 комментариев под постами Росмолодежи, 37 – Министерства спорта, 13 – Министерства культуры.

В большинстве таких сообщений, оставленных в аккаунте Росмолодежи, пользователи пытались привлечь внимание за счет своих рассуждений (63 %). «Я думаю многие девушки и правда сильные морально, кто бы что не говорил даже, главное просто начать что-то делать и даже сложная профессия может быть по плечу» (08.03.2022). Каждый пятый высказывал свои предположения, прогнозы (21 %): «насколько знаю, со средств гранта

¹³ Ответ пользователя на тезис другого пользователя о недостаточном финансировании детского спорта. Режим доступа: https://vk.com/wall-158195271_24286

Таблица 2. Интенции информативно-воспроизводящего блок в комментариях под постами Росмолодежи, Министерства спорта и Министерства культуры в VK

Table 2. Intentions of the informative-reproducing block in the comments under the posts of Rosmolodezh, the Ministry of Sports and the Ministry of Culture in the VK

Информативно-воспроизводящий блок					
	Удивление, вопрос	Выражение несогласия/сомнение	Выражение согласия, поддержки	Неприятие, отказ от коммуникации	Проявление симпатии
Росмолодежь	54 %	9 %	26 %	–	11 %
<i>Всего комментариев: 190</i>	103	18	49	–	20
Министерство спорта	15 %	6 %	77 %	менее 1 %	менее 1 %
<i>Всего комментариев: 103</i>	16	6	79	1	1
Министерство культуры	22 %	–	59 %	–	19 %
<i>Всего комментариев: 41</i>	9	–	24	–	8

нельзя производить оплату услуг команды и руководителя» (10.03.2022). Презентация самого себя как интенция была характерна 16 % комментариев. Приведем два ярких примера этого коммуникативного стремления: 1) «Выполняю социальный контракт в данный момент. Я общаюсь с людьми и стараюсь принести им пользу! Да это склад моего ума» (21.03.2022); 2) «Кто попал в шорт-лист и будут утверждены на поездку в Калининград на форум «ШУМ» и кто желает, как житель города, могу показать город, показать уютные улочки. Все расскажу и покажу!!» (04.03.2022).

Привлечение внимания за счет рассуждений также стало доминирующей интенцией в комментариях под постами Министерства спорта – 65 %. Самопрезентация встречалась в 22 % текстов дискуссии. «Не смотря на трудности с ЛЕДОВЫМ ДВОРЦОМ, С КАТКОМ ДЛЯ РОЛИКОВ, мы готовимся на соревнования по фигурному катанию среди нашего возраста. А пока вспомним подготовку к летнему сезону по лёгкой атлетике, метание молота.»¹⁴ (03.03.2022). Намного реже комментарии

демонстрировали стремление пользователей успокоить собеседников (5 %), а также сделать тот или иной прогноз (8 %): «Будут достойные призовые тогда многие придут, а за круглую медаль никто не хочет рисковать» (10.03.2022).

Прогнозы и претензии на истину составляли значительную часть всех интенций эмотивно-консолидирующего блока, обнаруженных в комментариях под постами Министерства культуры (38 %)¹⁵. Ту же по величине долю составили рассуждения с целью привлечения внимания, одно из них содержало цитату классика: «Вся жизнь театр, а люди в нем актеры» (27.03.2022). Стремление к самопрезентации было в меньшей степени характерно для комментирующих посты Министерства культуры (16 %), но встречались яркие примеры: «Эта программа работает и у нас в городе! Во Дворце Культуры «Родина» (Химки) действует проект «Иллюзион «Родины». В плане его реализации проводятся регулярно встречи со зрителями, которые узнают историю создания кинофильмов,

¹⁴ К этому комментарию пользователь приложил видео с подготовкой. Режим доступа: https://vk.com/wall-158195271_24311

¹⁵ Все они были связаны со стремлением пользователей ответить на вопрос, заданный в посте, посвященном 140-летию со Дня рождения писателя Корнея Чуковского. Режим доступа: https://vk.com/wall-56049514_26902

Таблица 3. Эмотивно-консолидирующий блок интенций в комментариях под постами Росмолодежи, Министерства спорта и Министерства культуры в ВК

Table 3. Emotive-consolidating block of intentions in the comments under the posts of Rosmolodezh, the Ministry of Sports and the Ministry of Culture in VK

Эмотивно-консолидирующий блок					
	Самопрезентация	Привлечение внимания (рассуждения, риторические вопросы)	Успокоение аудитории	Прогнозы, претензии на истину	Оправдание и самооправдание
Росмолодежь	16 %	63 %	–	21 %	–
<i>Всего комментариев: 97</i>	16	61	–	20	–
Министерство спорта	22 %	65 %	5 %	8 %	–
<i>Всего комментариев: 37</i>	8	24	2	3	–
Министерство культуры	16 %	38 %	–	38 %	8 %
<i>Всего комментариев: 13</i>	2	5	–	5	1

являются участниками просмотров популярных фильмов прошлых лет. Проект пользуется успехом у зрителей разного возраста. Вход в наш «Иллюзион «Родины» свободный» (18.03.2022). Примечательно, что в массиве сообщений пользователей был комментарий, содержащий интенцию оправдания: «Ольга, не все сразу можно изменить. Негатив в нашу культуру шел в течение многих лет. Чтобы его убрать, нужно время и изменения в мозгах последнего поколения. А это дело не одного дня. И не только Минкульту. А ещё и Минобрразования. Ольга Любимова недавно на посту Министра. Но ею сделано много. Она вникает во все сферы культурной деятельности. И есть результаты. Мы все должны ей помочь» (8.03.2022).

Манипулятивные интенции оказались самыми немногочисленными в комментариях трех рассматриваемых ведомств: под постами Росмолодежи таких сообщений было 13, Министерства спорта – 10, Министерства культуры – всего 2.

В 10 таких комментариях в аккаунте Росмолодежи намерением пользователей стала дискредитация авторитета ве-

домства (77 %): «Мэри, Билли, Джон и тд в России...смм и информирование уровня боженьки, что у РСМ [Росмолодежи], что у Диалога [АНО «Диалог»]» (16.03.2022); «Ахаха, в 9 утра, воскресенье, это и есть стресс, значит ничего вы о нем не знаете» (5.03.2022)¹⁶. В нескольких комментариях встретилось стремление к поучению: «Что у Вас с русским языком, дорогие сограждане? Коллаборируют обычно предатели с оккупантами. Может быть Вы всё-таки взаимодействуете или хотя бы сотрудничаете?» (11.03.2022). «Пожалуйста, проверьте текст своей новости – столько опечаток: «учёным» вместо «учёных», «свой» вместо «своей». Какой пример патриотизма и заботы о развитии родной страны Вы подаёте молодёжи при столь неуважительном отношении на федеральном уровне к родному языку?» (21.03.2022).

60 % сообщений с манипулятивными интенциями пользователей под постами Министерства спорта содержали оскорбле-

¹⁶ Так пользователь отреагировал на психологический марафон «Познай себя», который был запланирован на 9 утра в воскресенье. Прямой эфир был посвящен теме преодоления стресса.

ния («Проклятые <...>»¹⁷ (3.03.2022), «Это не организация, это позор России! Министры спорта Вы позор для России <...>» (17.03.2022)». В 30 % комментариев можно было усмотреть стремление к дискредитации ведомства. «Минспорта собирается в ответ на санкции, дискриминацию и издевательства над русскими спортсменами заплатить более миллиона долларов в печально известную международную антидопинговую ассоциацию ВАДА. Это будет вершиной цинизма Матвеева и компании» (15.03.2022). Один комментарий содержал элементы поучения: «Здравствуйтесь, пожалуйста, а почему такие безграмотность посты? Будьте любезны, напишите пожалуйста где проходит кубок, в какие даты проходил, сколько спортсменов приехало участие и т.д.» (15.03.2022).

В аккаунте Министерства культуры было выявлено только 2 комментария с манипулятивными интенциями: один – с оскорблением, другой – с намерением

¹⁷ Так пользователь отреагировал на решение Международного паралимпийского комитета не допускать российских спортсменов к участию в XIII Паралимпийских зимних играх в Пекине, о чем сообщалась в посте Министерства спорта. Режим доступа: https://vk.com/wall-158195271_24088

к поучению. «Министр чего? Где культура? В театрах мочатся со сцены, в кино показывают антигероев, на эстраде маргиналы и дани милохины. Где культура? Днище» (8.03.2022), «На сайт стоит зайти министру культуры, чтоб узнать, что такое культура)))» (8.03.2022).

Проявление в комментариях интенций волонтивно-директивного блока указывает на стремление пользователей добиться конкретных результатов в ходе опосредованной медиакommunikации с государством. Больше всего таких намерений было выявлено в комментариях под постами Министерства спорта (всего 92). Более 80 % из них содержали призывы к позитивному действию или рекомендации. «Министерство спорта Российской Федерации нужно провести соревнования для российских и белорусских спортсменов, пока они на пике формы, пока окончательно не отчаялись». (3.03.2022). «Допустите Ивана к соревнованиям! #ЗаИванаКуляка» (17.03.2022). 17 % комментариев выражали обвинения. Например, «<...> В России десять миллионов любителей спорта, посещающих коммерческие фитнес-клубы, в которых для оплаты абонементов президент Путин разрешил налоговые выче-

Таблица 4. Манипулятивный блок интенций в комментариях под постами Росмолодежи, Министерства спорта и Министерства культуры в VK

Table 4. Manipulative block of intentions in the comments under the posts of Rosmolodezh, the Ministry of Sports and the Ministry of Culture in VK

Манипулятивный блок					
	Оскорбление	Устрашение, угрозы	Дискредитация (подрыв авторитета)	Демонстрация силы (без явной угрозы)	Морализаторство (поучения)
Росмолодежь	–	–	77 %	–	23 %
<i>Всего комментариев: 13</i>	–	–	10	–	3
Министерство спорта	60 %	–	30 %	–	10 %
<i>Всего комментариев: 10</i>	6	–	3	–	1
Министерство культуры	50 %	–	–	–	50 %
<i>Всего комментариев: 2</i>	1	–	–	–	1

ты. Но минспорта отодвинулся от них фальшивой аккредитацией приближённых к государственной кормушке федераций. Мы живём в параллельных мирах с министерством спорта, который зациклился на старых догмах» (30.03.2022). В одном комментарии пользователь предупредил о последствиях: «<...> Если Ивана не восстановят в правах, то общественными организациями и неравнодушными гражданами будет написано такое количество писем депутатам, в ФСБ и МВД, Прокуратуру РФ, какое Вам не снилось» (17.03.2022). Один комментарий можно было охарактеризовать как подстрекательство к агрессии (негативному действию): «Отдубасить МОК и ВАД» (3.03.2022).

В комментариях к постам Росмолодежи и Министерства культуры встречались только две интенции волюнтивно-директивного блока: побуждение к позитивному действию и обвинения. Пример побуждения к позитивному действию в комментариях в аккаунте Росмолодежи: «Хорошо бы и для людей предпенсионного возраста так. Потому что знания есть, компетенции есть – на работу не берут, в связи с предпочтением более молодым» (20.03.2022), в аккаунте Министерства культуры: «Прошу Вас рассмотреть мое обращение» (28.03.2022). Пример обвинения в аккаунте Росмолодежи: «Высшей школе (Министерству науки и высшего образования Российской Федерации) – честь и хвала, заслуженное признание и искренняя благодарность за патриотизм и гражданственность. Но какое отношение к этому имеет Росмолодёжь? И что делают в данном направлении Ваши молодёжные центры на местах, особенно в регионах? (Только, пожалуйста, не приписывайте себе заслуги других ведомств.) Надеюсь, что Вы знакомитесь с содержанием информационных ресурсов региональных управлений молодёжной политики. Такое ощущение, что молодёжная политика живёт на другой планете, и её происходящие в стране события совершенно не касаются» (23.03.2022). Пример обвинения в аккаунте Министерства культуры: «Пропаганда детям» (23.03.2022).

Для комментариев в аккаунте Росмолодежи соотношение интенций «побуждение к позитивному действию и рекомендации» и «обвинения» составило 82/18, в аккаунте Министерства культуры – 60/40.

Экспрессивно-оценочные реакции, относящиеся к контрольно-реактивному блоку, были достаточно широко представлены в комментариях аккаунтов Росмолодежи и Министерства культуры.

Пользователи под постами Росмолодежи чаще всего оставляли сообщения с похвалой или одобрением – таких было 53 % из 102 комментариев контрольно-реактивного блока. Четверть комментариев, однако, содержали интонации сарказма. «Неужели это Байден?»¹⁸ (25.03.2022). «Братъ грант в преддефолте – это надо иметь особый склад ума» (21.03.2022). В 16 % сообщений пользователи открыто критиковали ведомство. «А где работа Росмолодежи против, не просто кибербуллинга (давайте без типа умных слов, называйте как купить – травля), а настоящего фашизма против русских? Ведь ни движений, нет активностей, нет полков и пропаганды. Только разговоры с модным англицизмами» (13.03.2022). Ирония и разоблачение как интенции составили по 3 % всего массива проанализированных единиц.

Доля положительных комментариев с одобрением контента Министерства культуры составила 64 %: «Повезло ребятам! Просто здорово!» (22.03.2022). Критику включали 22 % сообщений пользователей («уродство какое-то», 21.03.2022), сарказм и злорадство – 14 % («Культура так и прет!» (27.03.2022))

Преобладающей интенцией контрольно-реактивного блока в комментариях под постами Министерства спорта оказалась критика – 80 %. Например, «Официальный спорт в России опозорился хуже некуда <...>» (17.03.2022). В 12 % реплик в ходе онлайн-дискуссии присутствовали саркастические интонации и злорадства. «Зашибись! 30 лет надо было, чтобы понять

¹⁸ Реакция пользователя на проблемы с сайтом в последний день подачи заявки на грант. Режим доступа: https://vk.com/wall-49388164_56864

Таблица 5. Волонтивно-директивный блок интенций в комментариях под постами Росмолодежи, Министерства спорта и Министерства культуры в VK

Table 5. The voluntary-directive block of intentions in the comments under the posts of Rosmolodezh, the Ministry of Sports and the Ministry of Culture in VK

Волонтивно-директивный блок					
	Побуждения к позитивному действию и рекомендации	Подстрекательство к негативному	Обвинения	Предупреждение о последствиях	Отвод обвинений
Росмолодежь	82 %	–	18 %	–	–
<i>Всего комментариев: 22</i>	18	–	4	–	–
Министерство спорта	81 %	1 %	17 %	1 %	–
<i>Всего комментариев: 92</i>	74	1	16	1	–
Министерство культуры	60 %	–	40 %	–	–
<i>Всего комментариев: 5</i>	3	–	2	–	–

Таблица 6. Контрольно-реактивный блок в комментариях под постами Росмолодежи, Министерства спорта и Министерства культуры в VK
Table 6. The control and reaction unit in the comments under the posts of Rosmolodezh, the Ministry of Sports and the Ministry of Culture in VK

Контрольно-реактивный блок					
	Одобрение/ похвала	Сарказм/ злорадство	Критика	Ирония	Разоблачение
Росмолодежь	53 %	25 %	16 %	3 %	3 %
<i>Всего комментариев: 102</i>	54	26	16	3	3
Министерство спорта	4 %	12 %	80 %	4 %	–
<i>Всего комментариев: 25</i>	1	3	20	1	–
Министерство культуры	64 %	14 %	22 %	–	–
<i>Всего комментариев: 14</i>	9	2	3	–	–

простую истину- если ты не будешь вкладывать в детей у тебя ничего не будет. Даже автодора» (30.03.2022). Одобрение было высказано лишь в одном комментарии, но не в адрес ведомства, а по поводу дня рождения фигуристки Анны Щербаковой: *«Лучшая! С днём рождения, талантище» (28.03.2022).*

Анализ показал, что комментирующие практически не демонстрировали явные деструктивные намерения в ходе коммуникации в государственными ведомствами. В адрес органов власти не звучали угрозы и устрашения, случаи выражения отказа от коммуникации, как и подстрекательства к негативному, были единичными в аккаун-

Таблица 7. Деструктивные интенции в комментариях под постами Росмолодежи, Министерства спорта и Министерства культуры в ВК
 Table 7. Destructive intentions in the comments under the posts of Rosmolodezh, the Ministry of Sports and the Ministry of Culture in VK

Деструктивные интенции					
	Неприятие, отказ от коммуникации	Оскорбление	Устрашение, угрозы	Подстрекательство к негативному	Всего деструктивных интенций
Росмолодежь	–	–	–	–	–
<i>Всего комментариев 425</i>	–	–	–	–	–
Министерство спорта	менее 1 %	2.25 %	–	менее 1 %	3 %
<i>Всего комментариев 267</i>	1	6	–	1	8
Министерство культуры	–	1.33 %	–	–	1.33 %
<i>Всего комментариев 75</i>	–	1	–	–	1

тах Министерства спорта и Министерства культуры. При этом шесть комментариев под постами Министерства спорта содержали оскорбления, в аккаунте Министерства культуры с такой интенцией был опубликован один комментарий.

Примечательно, что в массиве сообщений под постами Росмолодежи не была встречена ни одна деструктивная интенция. Наибольшая же доля таких намерений была характерна для онлайн-дискуссий под постами Министерства спорта – они составили 3 % всех проанализированных комментариев.

Выводы и дискуссия

В последние годы множество работ было посвящено исследованию стратегий органов государственной власти по выстраиванию коммуникации с гражданами в социальных сетях, однако особенности аудитории как активного и полноправного участника такой коммуникации рассматривались реже. При этом, чтобы диалог общества и власти был эффективным, специалистам, ответственным за SMM-сопровождение аккаунтов госорганов, стоит лучше понимать мотивы, запросы и наме-

рения аудитории, готовой к коммуникации в социальных сетях, в том числе молодежи. Примечательно, что на фоне позитивной тенденции к повышению «культуры работы» ФОИВ с социальными сетями эффективное выстраивание прямого диалога ведомств с пользователями цифровых платформ все еще остается проблемной зоной в их информационной политике.

Результаты эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы, применимые к проанализированному массиву комментариев. Преобладание стремлений информативно-воспроизводящего блока, направленных на поддержание коммуникации (к ним относились 43,5 % проанализированных комментариев), свидетельствует о заинтересованности молодежной аудитории во взаимодействии с органами государственной власти. В каждом пятом комментарии пользователи пытались представить собственную картину мира, поделиться своими рассуждениями и привлечь к себе внимание. Значительная доля интенций контрольно-реактивного блока (18,5 %) указывает на стремление комментирующих критически воспринимать публикуемую ведомствами информа-

цию и давать ей самостоятельную оценку, будь это одобрение и похвала или критика и разоблачение. Реже комментирующие нацелены на достижение реальных результатов в коммуникации с государственными структурами (15,5 %), например, за счет предоставления им конкретных рекомендаций (12 %). Демонстрация собственного доминирования и установление новых иерархических отношений меньше всего интересуют молодых граждан в рамках коммуникации с государственными ведомствами в цифровом пространстве (3,5 %). Анализ также показал, что комментирующие практически не демонстрировали явных деструктивных намерений в ходе коммуникации с ведомствами – их доля составила лишь 1,2 % от всего проанализированного массива.

Стоит отметить, что активнее всего комментирующие пытались добиться конкретных действий в ходе коммуникации с Министерством спорта, под постами которого интенции волонтивно-директивного

блока встречались почти в пять и семь раз чаще, чем под публикациями Министерства культуры и Росмолодежи соответственно. При этом оценочные реакции в онлайн-дискуссиях аудитории Министерства спорта встречались в среднем в два раза реже, чем под постами двух других ведомств.

Эти выводы указывают лишь на определенные тенденции в коммуникациях молодежи с государством и не претендуют на их исчерпывающую характеристику. Тем не менее, на наш взгляд, государственным органам власти стоит периодически проводить не только количественный мониторинг реакций на публикуемые посты, но и качественный анализ комментариев на своих ресурсах, ведь более четкое понимание коммуникационных намерений своей целевой аудитории и их медиазапросов дает возможность более эффективно осуществлять обратную связь и корректировать свою контентную стратегию в социальных сетях с учетом запросов всех своих референтных групп.

Список литературы / References

- Arutyunova, N. D. Yazyk tseli [Language of Purpose], *In Logicheskiy analiz yazyka: Modeli deystviy [Logical Analysis of Language: Models of Action]*. М., Nauka, 1992, 14–23.
- Bakker, T. P., de Vreese, C. H. Good News for the Future? Young People, Internet Use, and Political Participation, *In Communication Research*, 2011, 38 (4), 451–470. DOI: 10.1177/0093650210381738
- Bennett, W. L., Freedon, D. G., Hussain, M. M. & Wells, C. Digital media and youth engagement. *In H. A. Semetko & M. Scammell (Eds.), The Sage handbook of political communication*. London, England: Sage, 2013, 127–141.
- Bennett, W. L., Segerberg, A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics, *In Information, Communication & Society*, 2012, 15(5), 739–768.
- Cammaerts, B. Protest Logics and the Mediation. Opportunity Structure, *In European Journal of Communication*, 2012, 27, 117–134.
- Castells, M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society, *In International Journal of Communication*, 2007, 1, 238–266.
- Castells, M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet*. Cambridge: Polity, 2012, 346 p.
- Chizhov, D. V. Formirovanie imidzha rossiyskikh politicheskikh partiy v seti Internet [Formation of the Image of Russian Political Parties on the Internet], *In Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes]*. 2016, 1, 313–338.
- Crozier, M. Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy, *In Political Communication*, 2007, 24 (1), 1–18.
- Dunas, D. V. Media i sotsializatsiya: pervichnaya, vtorichnaya ili samosotsializatsiya? Opyt izucheniya mediapotrebleniya «tsifrovoy molodezhi» Rossii [Media and socialization: primary, secondary or self-

socialization? Experience of studying media consumption of “digital youth” in Russia], *In Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]*. 2022, 78, 200–224.

Efanova, E.V., Mel'nichenko, D.V. Sotsial'nye media kak instrument publichnoy politiki v sovremennoy Rossii [Social media as a tool for public policy in modern Russia], *In Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of Saratov University. New series. Series Sociology. Political Science]*. 2018, 1, 92–95.

Grachev, M.N. Politicheskaya kommunikatsiya [Political Communication], *In Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]*. 1999, 1, 24–39.

Gureeva, A. N. Transformatsiya mediakommunikatsionnogo vzaimodeystviya gosudarstva i molodezhi v kontekste mediatizatsii politiki [Transformation of media-communication interaction between state and youth in the context of mediatization of politics], *In Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism]*. 2020, 6, 160–181.

Gureeva, A., Dunas, D., Muronets, O. Government and youth communications in social media: Theoretical basics and russian practice, *In World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2021, 1, 42–63.

Hepp, A., Krotz, F. Mediatized worlds – understanding everyday mediatization. *In A. Hepp, F. Krotz (eds.) Mediatized Worlds. Culture and Society in a Media Age (1–15)*, Basingstoke: Palgrave, 2014.

Howard, P.N. Deep democracy, thin citizenship: The impact of digital media in political campaign strategy, *In The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2005, 597(1), 153–170.

Jenkins, H., Ito, M., Boyd, D. *Participatory culture in a networked era*. Malden, MA: Polity Press, 2016, 214 p.

Klushina, N.I. Intentsional'nyy metod v sovremennoy lingvisticheskoy paradigm [Intentional method in modern linguistic paradigm], *In Mediaskop [Mediascope]*, 2012, 4, available at: <http://mediascope.ru/node/1242>

Kryshstanovskaya, O.V., Filippova, A.M. Issledovaniya politicheskoy kommunikatsii: gosudarstvo i sotsial'nye seti [Research of political communication: state and social networks], *In Vestnik GUU [Bulletin of GUU]*. 2018, 6, 171–176.

Labush, N. S., Puyu, A.S. *Mediatizatsiya ekstremal'nykh form politicheskogo protsessa: voyna, revolyutsiya, terrorizm [Mediatization of extreme forms of the political process: war, revolution, terrorism]*. SPb: Izd-vo SPbGU, 2019, 340 p.

Lebedeva, M.M., Kharkevich, M.V., Zinov'eva, E.S. & Koposova, E.N. Arkhaizatsiya gosudarstva: rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy [Archaization of the state: the role of modern information technology], *In Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Research]*. 2016, 6, 22–36.

Lundby, K. Mediatization of Communication. *In Handbooks of Communication Science*, 2014, 3–39, Berlin: De Gruyter Mouton. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110272215>

Morozov, E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. NY: PublicAffairs, 2012, 448 p.

Norris, P. Preaching to the converted? Pluralism, participation and party Web sites, *In Party Politics*, 2003, 9(1), 21–45.

Osipova, O.S., Bagdasarova, R.A., Lukushin, V.A. Sovremennyye media kak instrument sovershenstvovaniya dialoga vlasti i obshchestva [Modern media as a tool to improve the dialogue between government and society], *In Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities. Bulletin of Finance University]*. 2021, 1, 20–28.

Popova, O. V., Kazarinova, D. B. In Search of Political Youth Studies as a Subfield of Political Science: Editorial Introduction, *In RUDN Journal of Political Science*, 2021, 23 (1), 9–17.

Radina, N.K. Intent-analiz onlayn-diskussiy (na primere kommentirovaniya materialov internet-portala InoSmi.ru) [Content analysis of online discussions (on the example of commenting on the materials of the Internet portal InoSmi.ru)], *In Mediaskop [Mediascope]*. 2015, 4, available at: <http://www.mediascope.ru/223>

Sandoval-Almazan, R., Gil-Garcia, J.R. Towards cyberactivism 2.0? Understanding the use of social media and other information technologies for political activism and social movements, *In Government Information Quarterly*, 2014, 31(3), 365–378.

Shestopal, E. B. *Politicheskaya psikhologiya [Political psychology]*. M., Aspekt Press, 2018, 448 p.

Shestopal, E. B. Vliyaniye psikhologicheskogo sostoyaniya rossiyskogo obshchestva na publichnuyu politiku [The influence of the psychological state of Russian society on public policy], *In Politicheskaya nauka [Political Science]*. 2022, 3, 181–202.

Surma, I. V. Tsifrovaya diplomatiya v mirovoy politike [Digital diplomacy in world politics], *In Gosudarstvennoe upravlenie [Public administration]*. 2015, 49, 220–249.

Vartanova, E. L. Razvivaya ponimanie media: ot tekhnologii k sotsial'nomu prostranstvu [Developing an understanding of media: from technology to social space], *In MediaAl'manakh [Media Almanac]*. 2020, 5 (100), 12–24. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2020.1224

Voïnov, D. A. *Internet-dialog vlasti i obshchestva v sovremennoï Rossii. Monografiya* [Internet-dialog of power and society in modern Russia. Monograph]. Shuya, 2007, 130 p.

Volkonskiy, D.V., Filatova, O. G. Analiz kachestva sotsial'no-politicheskikh diskussiy v Internete: testirovaniye metodologii [Analysis of the quality of sociopolitical discussions on the Internet: testing the methodology], *In Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede [State and citizens in the electronic environment]*. 2020, 4, 96–113.

Volodenkov, S. V. Politicheskaya kommunikatsiya kak instrument raspredeleniya vlasti v sisteme ot-nosheniy «Gosudarstvo-obshchestvo» [Political communication as an instrument of power distribution in the system of relations “State-society”], *In Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik [State Management. Electronic Bulletin]*. 2017, 62, 104–118.

Vyrkovskiy, A.V., Kolesnichenko, A. V. Novye media kak ploshchadki dlya politicheskogo diskursa v stranakh postsovetetskogo prostranstva [New media as platforms for political discourse in post-Soviet countries], *In MediAl'manakh [Media Almanac]*. 2020, 1 (96), 48–59.